

ISSN 2413-9645 (print)

Том 24, номер 87
Volume 24, number 87

2022

**ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

**IZVESTIYA
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

Главный редактор Ф.В. Гречников
Editor-in-chief F.V. Grechnikov

www.ssc.smr.ru

Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки
Social, humanitarian, medicobiological sciences

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Samara Federal Research Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»

Том 24 № 87, 2022

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год
ISSN 2413-9645 (print) * ПИ № ФС77-64960 * Индекс: 80808
Учредитель: Ученый совет Самарского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

Главный редактор: Ф.В. Гречников

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Научный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Редакционная коллегия: Е.В. Абрамовских, А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов,
Дж.Ф. Бейлин, О.М. Буранок, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина, Ф.В. Гречников,
Й. Догнал, М.А. Дударева, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, О.А. Кострова,
М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,
В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, С.В. Соловьева,
О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

Электронная версия журнала: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Адрес издательства: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.
443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: presidium@ssc.smr.ru

Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.
Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»
[BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

Volume 24, no 87, 2022

Published since 2002. Issued 6 times a year.

ISSN 2413-9645 (print) * PI № FS77-64960 * Index: 80808

Founder: Academic Council of the Samara Federal Research Scientific Centre
of Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief: F.V. Grechnikov

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Scientific editor: E.A. Radaeva. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Editorial board: E.V. Abramovskiykh, A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov,
John Frederick Bailyn, O.M. Buranok, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, F.V. Grechnikov,
J. Dohnal, M.A. Dudareva, D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, O.A. Kostrova,
M.A. Kulinich, E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya,
V.I. Nemtsev, O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebing, M.B. Sabyr, S.V. Solovyova,
O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

Electronic version of the journal: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Address of the Publishing House: Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences.
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: presidium@ssc.smr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»

Том 24, номер 87, 2022

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

- Управление качеством обучения студентов музыкально-исполнительского факультета на основе компетентностного подхода**
Арюткина А.Н. 3
- Методика проведения и совершенствования занятий по огневой подготовке в образовательных организациях ФСИН**
Асафьев М.И., Казначеев В.А. 10
- Социально-педагогические условия формирования готовности будущих офицеров ФСИН к профессиональной деятельности (на примере Самарского юридического института ФСИН России)**
Асафьев М.И., Казначеев В.А. 15
- Проблема психологического благополучия студентов в условиях дистанционного обучения: педагогический аспект**
Бейлина Н.С., Баранова Е.М. 20
- Методическое обеспечение самостоятельной работы студентов**
Бенгина Т.А., Лиманова Л.В. 27
- О перфекционизме в структуре профессиональной мобильности студентов – будущих железнодорожников**
Васельцова И.А., Ананьев Л.Б., Зайцев В.В. 34
- Организация научного кружка по русскому языку для курсантов ведомственных вузов ФСИН России**
Титова О.З., Фомина Ю.А. 40

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- Хаос «горизонтов ожиданий» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»**
Горбаренко Е.А. 45
- Онтологические основания классификации исторических циклов**
Денисов Д.В. 53
- Пушкинское присутствие в творчестве С.А. Есенина: культурологический аспект**
Дударева М.А. 62
- А.К. Глазунов и его роль в истории признания саксофона в академической среде**
Ли Сию 71
- Музыкальный символизм А.К. Глазунова**
Ли Сию 77
- Мимикрия и театральность: семиотическая модель**
Пимонов В.И. 83
- Героизация подвига молодого гвардейцев в сценической практике луганских театров как проявление исторической самоидентификации региона**
Титова В.Н. 91

РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на монографию М.А. Дударевой «Я молчанью у звезды учусь...»: апофатика художественного мира С.А. Есенина. Поэтика мнимой простоты»**
Радаева Э.А. 99

CONTENTS

«IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»

Volume 24, number 87, 2022

SOCIAL SCIENCES

Quality Management of Teaching Students of The Faculty of Music and Performing Arts on The Basis of a Competence-Based Approach <i>Aryutkina A.N.</i>	3
Methods of Conducting and Improving Fire Training Classes in Educational Organizations of The Federal Penitentiary Service <i>Asafyev M.I., Kaznacheev V.A.</i>	10
Socio-Pedagogical Conditions for Forming The Readiness of Future Officers of The Federal Penalty Service for Professional Activities on The Example of The Samara Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia <i>Asafyev M.I., Kaznacheev V.A.</i>	15
The Problem of Psychological Well-Being of Students in Conditions of Distance Learning: Pedagogical Aspect <i>Beilina N.S., Baranova E.M.</i>	20
Methodological Support of Independent Work of Students <i>Bengina T.A., Limanova L.V.</i>	27
Perfectionism in The Structure of Professional Mobility of Students – Future Railway Workers <i>Vaseltsova I.A., Ananiev L.B., Zaitsev V.V.</i>	34
Organization of a Scientific Circle on The Russian Language for Cadets of Departmental Universities of The Russian Federal Penitentiary Service <i>Titova O.Z., Fomina Yu.A.</i>	40

HUMANITIES SCIENCES

Chaos of «Horizons of Experiences» in F.M. Dostoevsky's Novel «The Possessed» <i>Gorbarenko E.A.</i>	45
Ontological Basics for Classification of Historical Cycles <i>Denisov D.V.</i>	53
Pushkin's Presence in S.A. Yesenin's Creative Work: a Culturological Commentary <i>Dudareva M.A.</i>	62
Alexander Glazunov and His Role in The History of Recognition of The Saxophone in The Academic Environment <i>Li Siyu</i>	71
Musical Symbolism of Alexander Glazunov <i>Li Siyu</i>	77
Mimicry and Theatricality: a Formal Model <i>Pimonov V.I.</i>	83
Heroization of The Young Guards' Feast in The Stage Practice of Lugansk Theaters as a Manifestation of The Historical Self-Identification of The Region <i>Titova V.N.</i>	91

REVIEWS

Review of The Monograph by M.A. Dudareva "I am learning from a Star in Silence...": Apophaticism of The Art World by S.A. Yesenin. Poetics of Imaginary Simplicity" <i>Radaeva E.A.</i>	99
---	----

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

© 2022 А.Н. Арюткина

*Арюткина Анна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой народных инструментов,*

E-mail: aryutkinaan@samgik.ru

Самарский государственный институт культуры
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 18.10.2022

На протяжении ряда лет существенной тенденцией в России и во всем мире являлась «европеизация» образования, и главной целью XXI в. во многих учреждениях высшего образования стало «выживание в новых условиях», что отодвинуло на второй план качество обучения, подготовки и профессионального роста будущих музыкантов-исполнителей. Это привело к размытию границ обучения, переориентированию на сиюминутные потребности общества, ценности которых, в значительной мере воспитывались западной системой. Однако стремительное изменение геополитической ситуации в мире оказало существенное влияние, на социокультурную ситуацию в России. Беспрецедентное внешнее давление вызвало неожиданный для многих зарубежных «партнеров» обратный эффект - рост патриотических настроений в России, рост национального самосознания, обращение к исторически сложившимся ценностям российского обучения и его качества. Профессиональная деятельность в сфере искусства имеет творческую природу, которая выражается такими характеристиками, как образность, эмоциональность, диалогичность, вариативность создаваемой продукции. Музыкант-исполнитель реализует свои индивидуальные способности специальными средствами, требующими развитых профессионально значимых свойств. В статье рассматриваются аспекты подготовки будущих музыкантов-исполнителей с учётом принципов компетентностного подхода, позволяющего управлять и контролировать качество обучения в вузе. При этом особое внимание обращается на формирование творческих способностей в процессе коллективной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, музыканты-исполнители, профессиональные компетенции, управление качеством обучения, музыкальные способности, коллективное музицирование, профессиональная деятельность музыканта-исполнителя

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-3-9

Введение. Высшее образование в России развивается по своим внутренним законам. Но эпоха глобализации весьма зримо воздействует на высшее образование во всех странах мира, и Россия не исключение. При этом меняется сама внутренняя парадигма высшего образования, которая порождает новые образцы, нормы, ориентиры, инновации [8, с. 152]. Современное общество предъявляет к выпускнику музыкально-исполнительского факультета высокие требования, в которых отражается необходимость высокого качества профессиональной подготовки, отвечающей мировым стандартам. Это связано прежде всего с превращением образования в важный фактор общественно-политической жизни страны и устойчивого социально-экономического развития общества в целом, а также с повышением его значения для саморазвития личности.

Методы исследования. Нами было проведено исследование и анализ данных об сформированности профессиональных компетенций у студентов музыкально-исполнительского факультета Самарского государственного института культуры для определения значимости дисциплины «Ансамбль» в профессиональной подготовке будущего музыканта-исполнителя.

На основе включённого наблюдения, интервьюирования студентов были выявлены причины низких показателей: отсутствие исполнительской, оркестровой практики, руководства творческим коллективом и профессионального опыта у второкурсников в профессиональной деятельности. Таким образом, мы убедились в необходимости управления качеством и контроля за самостоятельной работой студентов по дисциплинам «Ансамбль», «Оркестровый класс».

История вопроса. В современных исследованиях качество образования рассматривается как интегральная характеристика образовательного процесса и его результатов, выражающая меру их соответствия операционально-заданным целям общества по формированию и развитию гражданских, бытовых и профессиональных компетенций личности [6, с. 29]. Активным ядром качества образования, его стандартов выступает на сегодняшний день компетентностная ориентация.

Ряд исследователей рассматривают компетенцию как способность успешно применять знания, умения, навыки и личностные качества в различных проблемных профессиональных либо жизненных ситуациях; как уровень владения совокупностью знаний, умений, навыков и сформированных на их основе компетенций для успешной деятельности в определённой области [5], [15].

В сфере музыкально-профессионального образования актуальность компетентностного подхода обусловлена современной социокультурной ситуацией, связанной со стремлением к переосмыслению и возрождению в новых социальных условиях исторически сложившихся традиций музыкальной культуры [4, с. 149]. Третье поколение федеральных образовательных стандартов, разработанное на основе требований компетентностного подхода, суть которого заключается в усилении ориентации на результаты образования при высокой степени свободы путей его достижения, переносе акцента с преподавателя и содержания дисциплины («подход, центрированный на преподавателе») на студента и ожидаемые результаты образования («подход, центрированный на студенте»), даёт возможность гибко и оперативно обновлять образовательные программы в соответствии с динамично меняющимися запросами инновационной экономики [2].

В общей системе подготовки бакалавров по направлению подготовки 53.03.02 Музыкально-инструментальное искусство по профилю «Баян, аккордеон и струнные щипковые инструменты» особое место занимает дисциплина профильного модуля базовой части «Ансамбль». Её высокий статус просматривается в разделе III «Требования к результатам освоения программы бакалавриата» ФГОС ВО, где указано, что в результате освоения программы бакалавриата у выпускника должны быть сформированы компетенции,

установленные программой бакалавриата: способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (УК-3); способен осуществлять музыкально-исполнительскую деятельность сольно, с солистом, в составе ансамбля (оркестра) (ПК-1); способен проводить репетиционную сольную, ансамблевую и/или концертмейстерскую и/или репетиционную оркестровую работу (ПК-3); способен к показу своей исполнительской работы (соло, в составе ансамбля, оркестра) на различных сценических площадках (в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в клубах, дворцах и домах культуры) с целью пропаганды музыкального искусства и культуры (ПК-10).

Важное значение дисциплины «Ансамбль» закреплено также в целях и задачах профессиональной деятельности, обозначенных профессиональным стандартом. Согласно этому документу, выпускник занимается осуществлением музыкально-исполнительской деятельности сольно, с солистом, в составе ансамбля (оркестра), с оркестром; исполнением оркестровых и ансамблевых партий; созданием художественной интерпретации музыкальных произведений; проведением сольной, ансамблевой, концертмейстерской и оркестровой репетиционной работы; овладение навыками репетиционной работы с партнерами по ансамблю и в творческих коллективах [9].

Из вышеперечисленного следует, что на занятиях в классе ансамбля должны моделироваться многие типичные для профессиональной деятельности будущих музыкантов-исполнителей действия, которые позволят оптимально сформировать профессиональный облик будущего музыканта-исполнителя. Сложная структура ансамблевых репетиций, обусловленная спецификой занятий, целями и задачами курса, стоящими перед дисциплиной «Ансамбль», создаёт прекрасные условия для различных сторон профессиональной подготовки артиста ансамбля и руководителя творческого коллектива.

Значимость дисциплины «Ансамбль» в профессиональной подготовке музыканта-исполнителя обусловлена такой формой в обучении студентов, как коллективное музицирование, в ходе которого проявляется тесная взаимосвязь ансамблевого исполнительства со специальными дисциплинами, а также его ответственное значение. Действительно, трудно себе представить, что

музыкант-исполнитель никогда не играл в ансамбле, не познал особенностей коллективного музицирования, не соприкоснулся с работой в команде. Только практическая работа в ансамбле, непосредственное включение в живой процесс деятельности коллектива выявляют профессиональные способности и возможности, формируют специфические умения и навыки. Образовательное значение ансамблевого исполнительства неопределимо для будущего музыканта-исполнителя в формирование его личности, что не раз подчёркивалось выдающимися деятелями музыкальной педагогики. Так, известный музыкальный педагог П.С. Столярский считал, что в своём развитии ученик должен пройти несколько этапов: камерный ансамбль, симфонический оркестр, оркестр оперного театра, а уж потом концертная эстрада [12, с. 134].

Профессиональный уровень будущего музыканта-исполнителя, участника творческого коллектива во многом определяется наличием у него профессиональных компетенций к творческой деятельности. Число этих компетенций велико. Ему необходимы крепкая профессиональная выучка, сила эмоционального воздействия, развитые музыкальные способности. Из специфических исполнительских способностей следует отметить в первую очередь наличие сильной воли, высокое владение концентрированным и дифференцированным вниманием, быстроту реакции, способность ясно выражать свои намерения. Ансамблист должен быть личностью, способной наладить тесный контакт и взаимопонимание с участниками коллектива. Он должен обладать способностью ощущать ансамбль как единый и многокрасочный инструмент. Участник ансамбля должен хорошо знать этот инструмент, понимать художественную природу коллективного инструмента – ансамбля, знать особенности и выразительные возможности каждого инструмента, тонко чувствовать его инструментальную краску, «это сознательный, целенаправленный, эмоционально-волевой акт, ориентированный на достижение конечной художественной цели исполнительства – интерпретации музыки [11, с. 89].

Руководителю ансамбля необходимы, кроме специфических, и другие специальные музыкальные и музыкально-эстетические компетенции. К ним относятся музыкальный слух, способность восприятия и эмоционального переживания, чувство ритма, музыкальная память и воображение, развитый художественный вкус, умения верно оценивать различные явления в музыкальной

жизни, музыкальность. Музыкальность – это «компонент музыкальной одаренности, который необходим для занятия именно музыкальной деятельностью в отличие от всякой другой, и при этом необходим для любого вида музыкальной деятельности» [13, Т.1, с. 53]. Все перечисленные способности и свойства личности существуют в тесной взаимосвязи, поэтому недостаток в развитии или отсутствие одной из способностей неизбежно отразится на творчестве музыканта-исполнителя: отсутствие эффективной коммуникации между участниками ансамбля, способности к синхронному исполнению музыкального произведения, ладового и гармонического слуха, метро-ритмической способности [1]. Благодаря тесной связи одного творческого навыка с другими формирование одной компетенции является возбудителем для ряда других, позволяющих развивать и их. Так, внимание обострит слух, в свою очередь слух укрепит музыкальную память, разбудит воображение и т.д.

Управление качеством обучения будущего музыканта-исполнителя представляет собой целенаправленный, планомерный процесс формирования базовых компетенций студента (теоретических, исполнительских и личностных). Кроме того, этот процесс должен включать в себя ансамблевый вид подготовки [10, с. 8].

Проведя анализ структуры компетенций УК-3, ПК-1, ПК-3, ПК-10 по направлению подготовки 53.03.02 Музыкально-инструментальное искусство по профилю «Баян, аккордеон и струнные щипковые инструменты», приходим к выводу, что в совокупности можно выделить способности, которые в комплексе формируются в ходе изучения дисциплины «Ансамбль» [14]. В ходе констатирующего эксперимента в начале 3 семестра у студентов очной формы обучения измеряли следующие способности: отсутствие эффективной коммуникации между участниками ансамбля, способности к синхронному исполнению музыкального произведения, ладовый и гармонический слух, метро-ритмические способности у студентов, музыкальную память. Наряду с самооценкой способностей студенты второго года обучения специальностей «Искусство концертного исполнительства» и «Музыкально-инструментальное искусство», отвечая на предлагаемые вопросы, должны были раскрыть суть понятия «коммуникация», «компетенции», указать на значение этого категорий в профессиональной деятельности будущего музыканта-исполнителя, дать самооценку сформированности

компетенций к коллективному музицированию. Использовалась следующая система оценок: «в очень большой степени», «в большой степени», «трудно сказать», «в меньшей степени», «отсутствует» (оценка «в очень большой степени» соответствовала наиболее высокому уровню сформированности компетенций, «отсутствует» – наиболее низкому). Был выявлен низкий уровень сформированности компетенций к коллективному музицированию у будущих музыкантов-исполнителей. Объяснением данному факту может быть наличие противоречия между желанием студентов получить творческую специальность и отсутствием установки на коллективную профессиональную деятельность в современных социокультурных условиях, а также отсутствие у них знаний о специфике коллективной работы, профессиональной деятельности и о характере выбранного профессионального направления.

Учебный процесс в образовательных учреждениях высшего образования при осуществлении индивидуально-творческого подхода строится на создании дидактических условий для творческого становления будущего музыканта-исполнителя, развития его интегральной индивидуальности на внутриуровневом и межуровневом взаимодействии, что требует разработки педагогической системы, средства которой обеспечивают развитие личности музыканта-исполнителя в ходе освоения интегрированного знания и системы интраиндивидуального влияния будущего специалиста на стратегию и тактику процесса овладения профессией [3]. При формировании способностей к коллективному музицированию система строится на синтезе принципов: принцип актуализации направлен на формирование музыкальной памяти и воображения, развитого художественного вкуса, умения верно оценивать различные явления в музыкальной жизни (применение метода предслышания); принцип индивидуализации – на формирование музыкального слуха, способность восприятия и эмоционального переживания (применение метода сопоставления); принцип мотивации реализуется методом

поливариантного художественно-исполнительского замысла для формирования художественного вкуса; способность к самоанализу формируется методом рефлексии деятельности (принцип интеграции).

Результаты исследования. При анализе посещаемости студентов, их самостоятельной работы выяснилось, что наименьшие показатели сформированности способностей были у тех, кто имел трудности с посещением «Ансамбля» и совместной самостоятельной работой по данной дисциплине. В ходе формирующего эксперимента в конце 8 семестра по результатам промежуточной аттестации было выявлено, что комплекс отобранных средств, способствующих формированию способностей к коллективному музицированию у музыкантов-исполнителей, логически включался в общий педагогический процесс. Поэтому результативность разработанной и апробированной системы подтверждена увеличением значений сформированности доминирующих. Формируемые способности позволили в процессе концертных выступлений и подготовки к ним преодолеть психологические трудности, облегчить процесс разучивания музыкального произведения, эмоционально раскрываться, образно мыслить, анализировать собственное выступление и делать выводы.

Выводы. Проведённое исследование по управлению качеством обучения студентов музыкально-исполнительского факультета на основе компетентностного подхода показало, что профессиональная подготовка будущих музыкантов-исполнителей обусловлена социальными, экономическими и культурными изменениями в современном обществе [7]. Управление качеством профессиональной подготовки музыкантов-исполнителей определяется её образовательным результатом, способностями к коллективной творческой деятельности (совокупность свойств личности), что является подтверждением готовности руководить творческим коллективом или быть его участником.

1. Бутяева, С. Д. Технология формирования исполнительской культуры школьного хорового коллектива / С. Д. Бутяева // Материалы IV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012003050> (дата обращения: 18.10.2022). – Текст: электронный.
2. Быданов, В. Е. К вопросу создания фонда оценочных средств учебных достижений студентов уровневой системы образования / В.Е. Быданов, П.В. Чибиряк // Известия СПбГТИ (ТУ). – 2012. – №16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-sozdaniya-fonda-otsenochnyh-sredstv-uchebnyh-dostizheniy-studentov-urovnevoy-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 18.10.2022). – Текст: электронный.

3. Грачев, В. В. Индивидуально-творческий подход в системе высшего профессионального образования: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / В. В. Грачев. – Москва, 1998. – 179 с. – Текст: непосредственный.
4. Зеленкова, Е. В. Компетентностный подход в высшем музыкально-профессиональном образовании / Е. В. Зеленкова // Высшее образование в России. – 2010. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-v-vysshem-muzykalno-professionalnom-obrazovanii> (дата обращения: 18.10.2022). – Текст: электронный.
5. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования / И. А. Зимняя. – Текст: непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34-44.
6. Зорина, Ю. П. Актуальные вопросы качества профессионального образования / Ю. П. Зорина. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы II Международной научной конференции (г. Уфа, июль 2012 г.). – Уфа: Лето, 2012. – С. 27-30.
7. Круглова, М. Г. Профессиональная подготовка музыканта широкого профиля как проблема современного музыкального образования / М.Г. Круглова // Universum: психология и образование. – 2016. – №8(26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-podgotovka-muzykanta-shirokogo-profilya-kak-problema-sovremennogo-muzykalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 18.10.2022). – Текст: электронный.
8. Покровский, Н. Е. Трансформация университетов в условиях глобального рынка / Н. Е. Покровский // ЖССА. – 2004. – № 4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-universitetov-v-usloviyah-globalnogo-rynka> (дата обращения: 18.10.2022). – Текст: электронный.
9. О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности): Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 г. № 667н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 19 ноября 2014 г., регистрационный № 34779) с изменением, внесенным приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 9 марта 2017 г. № 254н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 29 марта 2017 г., регистрационный № 46168 / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/12318> (дата обращения: 18.10.2022). – Текст: электронный.
10. Протасова, С. В. Педагогические условия управления качеством музыкально-инструментальной подготовки студентов в педвузе: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / С.В. Протасова; [Место защиты: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова]. – Москва, 2009. – 23 с. – Текст: непосредственный.
11. Смирнов, Б. Ф. К вопросу о художественно-эстетических основах дирижерского искусства (теоретические заметки) / Б. Ф. Смирнов // Вестник ЧГАКИ. – 2011. – № 4 (28). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-hudozhestvenno-esteticheskikh-osnovah-dirizherskogo-iskusstva-teoreticheskie-zametki> (дата обращения: 13.09.2022). – Текст: электронный.
12. Столярский, П. С. Секреты Столярского / П. С. Столярский. – Текст: непосредственный // В мире музыки. 1991: ежегодник-панорама / редактор-составитель: Л. Григорьев, Я. Платек. – М.: Советский композитор, 1990. – С. 144.
13. Теплов, Б. М. Избранные труды: в 2-х томах. Том 1 / Б.М. Теплов; Академия педагогических наук СССР. – М.: Педагогика, 1985. – 328 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 53.03.02 музыкально-инструментальное искусство.
15. Хуторской, А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций / А.В. Хуторской. – Текст: непосредственный // Эйдос. – 2005. – № 4. – С. 1.

QUALITY MANAGEMENT OF TEACHING STUDENTS OF THE FACULTY OF MUSIC AND PERFORMING ARTS ON THE BASIS OF A COMPETENCE-BASED APPROACH

© 2022 A.N. Aryutkina

*Anna N. Aryutkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Folk Instruments,
Samara State Institute of Culture
Samara, Russia*

For a number of years, a significant trend in Russia and around the world has been the "Europeanization" of education, and the main goal of the XXI century in many institutions of higher education has been "survival in new conditions", which has pushed into the background the quality of education, training and professional growth of future musicians-performers. This led to the blurring of the boundaries of education, reorientation to the immediate needs of society, the values of which were largely brought up by the Western system. However, the rapid change in the geopolitical situation in the world has had a significant impact on the socio-cultural situation in Russia. Unprecedented external

pressure caused an unexpected reverse effect for many foreign "partners" - the growth of patriotic sentiments in Russia, the growth of national consciousness, an appeal to the historically established values of Russian education and its quality. The article discusses aspects of the training of future musicians-performers, taking into account the principles of a competence-based approach that allows you to manage and control the quality of education at the university.

Keywords: professional training, performing musicians, professional competencies, quality management of training, musical abilities, collective music making, professional activity of a performing musician

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-3-9

1. Butyaeva, S. D. Tekhnologiya formirovaniya ispolnitel'skoj kul'tury shkol'nogo horovogo kolektiva (Technology of formation of the performing culture of the school choral collective) // Materialy IV Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum». – URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012003050> (data obrashcheniya: 18.10.2022).
2. Bydanov, V. E., Chibiriyak, P. V. K voprosu sozdaniya fonda ocenochnyh sredstv uchebnyh dostizhenij studentov urovnevoj sistemy obrazovaniya (On the issue of creating a fund of evaluation tools for educational achievements of students of a level education system) // Izvestiya SPbGTI (TU). – 2012. – №16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-sozdaniya-fonda-otsenochnyh-sredstv-uchebnyh-dostizheniy-studentov-urovnevoj-sistemy-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 18.10.2022).
3. Grachev, V. V. Individual'no-tvorcheskij podhod v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya (Individual creative approach in the system of higher professional education): special'nost' 13.00.01 «Obshchaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk / Grachev Vladimir Viktorovich. – Moskva, 1998. – 179 s.
4. Zelenkova, E. V. Kompetentnostnyj podhod v vysshem muzykal'no-professional'nom obrazovanii (Competence approach in higher musical and professional education) // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2010. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyj-podhod-v-vysshem-muzykalno-professionalnom-obrazovanii> (data obrashcheniya: 18.10.2022).
5. Zimnyaya, I. A. Klyuchevye kompetencii – novaya paradigma rezul'tatov obrazovaniya (Key competencies – a new paradigm of educational outcomes) // Vysshee obrazovanie segodnya. – 2003. – № 5.
6. Zorina, Yu. P. Aktual'nye voprosy kachestva professional'nogo obrazovaniya (Actual issues of the quality of vocational education) / Yu. P. Zorina. – Tekst: neposredstvennyj // Aktual'nye voprosy sovremennoj pedagogiki: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, iyul' 2012 g.). – Ufa: Leto, 2012.
7. Kruglova, M. G. Professional'naya podgotovka muzykanta shirokogo profilya kak problema sovremennogo muzykal'nogo obrazovaniya (Professional training of a broad-profile musician as a problem of modern music education) // Universum: psihologiya i obrazovanie. – 2016. – №8(26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-podgotovka-muzykanta-shirokogo-profilya-kak-problema-sovremennogo-muzykalnogo-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 18.10.2022).
8. Pokrovskij, N. E. Transformaciya universitetov v usloviyah global'nogo rynka (Transformation of universities in the conditions of the global market) // ZHSSA. – 2004. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-universitetov-v-usloviyah-globalnogo-rynka> (data obrashcheniya: 18.10.2022).
9. Prikaz Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii ot 29 sentyabrya 2014 g. № 667n «O reestre professional'nyh standartov (Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation No. 667n dated September 29, 2014 "On the Register of Professional Standards) (perechne vidov professional'noj deyatel'nosti)» (zaregistrovan Ministerstvom yusticii Rossijskoj Federacii 19 noyabrya 2014 g., registracionnyj № 34779) s izmeneniyem, vnesennym prikazom Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii ot 9 marta 2017 g. № 254n (zaregistrovan Ministerstvom yusticii Rossijskoj Federacii 29 marta 2017 g., registracionnyj № 46168).
10. Protasova, S. V. Pedagogicheskie usloviya upravleniya kachestvom muzykal'no-instrumental'noj podgotovki studentov v pedvuze (Pedagogical conditions of quality management of musical and instrumental training of students at the pedagogical university): avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk: 13.00.02 / Protasova Svetlana Viktorovna; [Mesto zashchity: Mosk. gos. gumanitar. un-t im. M.A. SHolohova]. – Moskva, 2009. – 23 s.
11. Smirnov, B. F. K voprosu o hudozhestvenno-esteticheskikh osnovah dirizherskogo iskusstva (teoreticheskie zametki) (On the question of the artistic and aesthetic foundations of conducting art (theoretical notes)) // Vestnik CHGAKI. – 2011. – №4(28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-hudozhestvenno-esteticheskikh-osnovah-dirizherskogo-iskusstva-teoreticheskie-zametki> (data obrashcheniya: 13.09.2022).
12. Stolyarskij, P. S. Sekrety Stolyarskogo. V mire muzyki (Secrets of Stolyarsky. In the world of music) 1991: Ezhegodnik-panorama/Red.-sost. L. Grigor'ev, YA. Platek. – Moskva: Sovetskij kompozitor, 1990. – S. 144: il.
13. Teplov, B. M. Izbrannye trudy (Selected works): v 2-h t. / B. M. Teplov; red.-sost., avt. vstup. st. i komment. N. S. Lejtes, I. V. Ravich-SHCHerbo; Akad. pedagogicheskikh nauk SSSR. – Moskva: Pedagogika, 1985. T.1.

14. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya (Federal State educational standard of higher education) – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 53.03.02 muzykal'no-instrumental'noe iskusstvo.
15. Hutorskoj, A. V. Tekhnologiya proektirovaniya klyuchevyh i predmetnyh kompetencij (Technology of designing key and subject competencies) / A. V. Hutorskoj // Ejdos. – 2005. – № 4. – S. 1.

УДК 378.147 (Методы обучения. Формы преподавания)

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФСИН

© 2022 М.И. Асафьев, В.А. Казначеев

*Асафьев Михаил Игоревич, преподаватель кафедры
физической и тактико-специальной подготовки*

E-mail: miha.asafev@mail.ru

*Казначеев Валерий Александрович, кандидат психологических наук, доцент
кафедры физической и тактико-специальной подготовки*

E-mail: miha.asafev@mail.ru

**Самарский юридический институт ФСИН России
Самара, Россия**

Статья поступила в редакцию 03.10.2022

В работе авторами поднимается проблема, непосредственно связанная с совершенствованием методики проведения занятий по огневой подготовке в образовательных организациях ФСИН России. Как известно, успех любой учебной дисциплины непременно зависит от правильно спланированной, отражающей новые веяния уровня образования методики ее преподавания. С течением времени открывается все больше возможностей внедрять новые методики в проведение занятий по огневой подготовке, которые необходимо использовать комплексно и в полном объеме, данной точки зрения авторы и придерживаются. Методика занятий по огневой подготовке в этой связи особенно важна, поскольку огневая подготовка является составляющей служебно-боевой подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). И правильно сформированные умения, и навыки применения оружия курсантами при выходе на службу по окончании специализированных учебных учреждений является безусловной гарантией правомерного соблюдения законодательства в названной сфере и обеспечения безопасности себе и другим лицам. Помимо этого, благодаря грамотно спланированной методике курсанты на психологическом уровне научатся преодолевать психологические барьеры, иными словами, страх при производстве выстрела. Авторами проведен анализ основных показателей деятельности УИС, напрямую затрагивающий основные вопросы огневой подготовки сотрудников в их повседневной служебной деятельности. Кроме того, в работе отражены наиболее эффективные методы, применяемые при огневой подготовке курсантов Самарского юридического института ФСИН России, что подтверждается результатами ежегодного Мониторинга качества профессиональной подготовки выпускников СЮИ ФСИН России.

Ключевые слова: огневая подготовка, методика проведения огневой подготовки, образовательные организации ФСИН России

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-10-14

Введение. Практические занятия, проводимые в рамках дисциплины по огневой подготовке в образовательных организациях ФСИН России, имеют фундаментальное значение как в учебном процессе курсантов и слушателей учебных заведений, так и непосредственно в служебной подготовке сотрудников УИС.

Данное обстоятельство обуславливается тем, что курсанты ведомственных образовательных организаций отрабатывают упражнения стрельбы в обстановке, схожей с реальной, имея возможность совершить ошибку, как-то: не попасть в мишень или же не выполнить норматив

на точность. В данном случае они подлежат дисциплинарной ответственности в рамках учебного процесса. Однако, если возникнет чрезвычайная ситуация, в которой сотруднику необходимо применить огнестрельное оружие, то у него нет права на ошибку, поскольку от этого зависит как его личная безопасность, так и безопасность иных лиц.

Методы исследования. В работе использовался статистический метод и метод сравнительно-сопоставительного анализа.

История вопроса. Рассматривая дисциплинарную практику работы психологов с сотрудниками УИС, мы видим, что за второе полугодие 2020 г.

по результатам обследования психологами УИС дано 62 заключения (АППГ – 70) о временном отстранении сотрудников от несения службы с оружием, что говорит о том, что сотрудники УИС подвержены стрессовому состоянию, которое в дальнейшем отражается на выполнении их служебных обязанностей. Помимо этого, из отчета о качестве несения службы следует, что за 2020 г. произошло 5 случайных выстрелов или случаев бесцельной стрельбы, не повлекших тяжкие последствия (АППГ – 18), что может быть связано с отсутствием у сотрудников должного уровня огневой подготовки. Стоит отметить, что в данный период не было допущено нарушения законодательства при применении огнестрельного оружия сотрудниками охраны. Тем не менее было зафиксировано 4 случая, когда сотрудники передавали оружие другим лицам или оставляли их без присмотра, без тяжких последствий [1, с. 6]. Анализируемая нами практика дает все основания полагать, что занятия по огневой подготовке являются фундаментом для успешной дальнейшей службы в учреждениях и органах УИС. Также исходя из анализа статистики, мы видим, что методика проведения занятий по огневой подготовке для курсантов ФСИН должна предусматривать в себе три главных компонента: изучение теории, обрабатывание умений и навыков на практике и психологическое сопровождение, чтобы на психологическом уровне курсант мог преодолеть страх перед использованием оружия [7, с. 295].

В связи с этим учебной программой образовательных учреждений ФСИН предусматривается проведение с курсантами занятий по огневой подготовке, где они фундаментально изучают теоретические аспекты применения оружия, а также отрабатывают полученные знания непосредственно на практике, вырабатывая тем самым профессиональные навыки для дальнейшей службы. Однако высоких практических результатов в огневой подготовке курсантам не добиться без грамотно сформированной и, что немало важно, современной методики проведения занятий. В целях совершенствования методики проведения занятий по огневой подготовке курсантов ФСИН нам представляется эффективным провести сравнительный анализ с методами, используемыми в подготовке курсантов МВД.

Основным отличием, безусловно, является то, что курсанты ФСИН России при подготовке руководствуются Законом 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в

виде лишения свободы», а также Приказом Минюста № 24 от 26 февраля 2006 г., утверждающих курс стрельб для сотрудников УИС, тогда как курсанты правоохранительных органов опираются в ходе проведения занятий на ФЗ № 3 «О полиции», а также на Приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880, регламентирующий организацию огневой подготовки в органах внутренних дел РФ. Анализируя положения названных нормативных актов, отметим, что существенных различий нами обнаружено не было, и это, на наш взгляд, напрямую связано с основополагающим характером изучения огневой подготовки будущих сотрудников, как МВД, так и ФСИН. Однако проанализировав наставление органов внутренних дел, мы видим, что нормативы упражнений стрельб курсантов МВД выделены в отдельную главу и отличаются от нормативов сотрудников, когда в УИС нет деления нормативов для постоянного и переменного состава. Также мы считаем, что Приказ минюста, утверждающий курс стрельб сотрудников УИС, нуждается в преобразовании, поскольку с момента его издания прошло около 15 лет, а за данный период, безусловно, произошли изменения во всех сферах жизнедеятельности (разрабатываются новые технологии), которые в том числе взаимосвязаны с необходимостью пересмотреть ряд положений этого акта [3, с. 27].

Результаты исследования. Рассматривая методику проведения учебной дисциплины огневой подготовки в СЮИ ФСИН России, отметим, что в основе лежит принцип планирования и рационализма. На каждую тему занятий, предусмотренную рабочим программой, разработан план проведения занятий, который периодически претерпевает изменения в целях приведения его в соответствие с нынешними стандартами обучения огневой подготовке сотрудников УИС и повышения ее эффективности.

Стоит обратить внимание, что институт серьезно подходит к огневой подготовке будущих кадров УИС, что проявляется в предоставлении и использовании в полном объеме современной, регулярно обновляющийся, материально-технической базы института. Наши первокурсники проживают в загородной учебной базе института, но при этом они также в полной мере могут осваивать навыки стрельбы и совершенствовать их. Так, после изучения теоретических основ применения оружия и основных частей механизма пистолета Макарова, первокурсники начинают отрабатывать свои навыки на лазерной системе

стрелковых тренажеров «СКАТТ», положительной стороной которых в процессе обучения является выработка правильной техники стрельбы из пистолета,

а также возможность наглядно видеть свои ошибки для анализа и повышения результативности, а также кучности стрельбы за пределами тира.

Как было сказано выше, развитая материально-техническая база института оказывает эффективное воздействие на подготовку курсантов к ведению стрельбы в условиях, схожих с реальными. На территории института функционирует два служебных тира, технически оснащенных по всем стандартам обучения, а также учебный класс, снабженный иллюстрирующими стендами и соответствующими оборудованием.

В первую очередь перед тем, как приступить к практическим занятиям, с курсантами проводится лекция, посвященная требованиям безопасности при обращении с оружием и соответственно запретам при его использовании. Затем проводится серия занятий, основанных на принципе, взаимодействия теории и практики, где курсанты изучают основные механизмы и составные части стрелкового оружия [2, с. 208]. В отношении курсантов первого и второго курса эффективно применяются принципы системности, доступности и прочности преподавания дисциплины, означающие, что основной целью обучения на данных курсах является изучение правильной техники выполнения упражнений стрельб, их систематическое повторение для закрепления необходимого результата, а также отработка полученных навыков и знаний на простых упражнениях с переходом к более сложным.

На выпускных курсах занятия по огневой подготовке у курсантов в основном направлены на совершенствование навыков тех упражнений стрельб, которые непосредственно им пригодятся при возникновении внештатных ситуаций на службе в учреждениях УИС. Такими упражнениями являются первое упражнение стрельб на точность и шестое на практическую ориентированность. На наш взгляд, это положительно скажется на подготовке сотрудников, поскольку при выходе непосредственно на службу он будет обладать сформированными в процессе обучения навыками прицельной стрельбы, в том числе благодаря мышечной памяти.

Важным, на наш взгляд, является и тот момент, что перед выполнением упражнений стрельб, курсантам предоставляется время для осуществления тренировки без патронов (в холостую) на линии огневого рубежа именно из того оружия, которым он в дальнейшем будет стрелять, чтобы приноровиться и «прочувствовать» оружие. На практике на это выделяется около 2 минут. Преподавателю в это время необходимо проверять правильность хвата, периодически ощупывая руку (руки) обучаемого и делая необходимые поправки. Захват рукоятки необходимо выполнять тщательно, контролируя свои действия. Малейшие изменения правильного охвата рукоятки немедленно и самым отрицательным образом сказываются на качестве стрельбы.

В целях совершенствования огневой подготовки курсантов институт сотрудничает с отделами специального назначения ФСИН и МВД Самарской области, в рамках которого действующие сотрудники проводят плановые занятия по огневой подготовке. Эта методика позволяет освоить стрельбу из оружия при использовании различных подходов и методов, что, безусловно, поднимает интерес у обучающихся совершенствовать свои профессиональные навыки.

В работе также был поднят вопрос о психологической подготовке курсантов к использованию огнестрельного оружия. На наш взгляд, это очень важный аспект в огневой подготовке любого сотрудника ФСИН. В свою очередь при организации занятий мы придерживаемся следующей методики в целях преодоления психологического барьера у курсантов: изначально к выполнению упражнений стрельб подготавливаются две смены [4, с. 303]. Обе смены получают магазины и вставляют в них боеприпасы, далее первая смена выходит на огневой рубеж, а вторая смена в готовности остается в тире за линией рубежа для того, чтобы организм привык к шуму от выстрела, то есть в дальнейшем не испытывал сильный стресс, и тем самым не препятствовал правильному выполнению упражнений стрельб. Следовательно, первая смена, отстрелявшись, сменяется новой и так далее. Такая методика привыкания к шуму от произведенного выстрела особенно актуальна для девушек, поскольку на их психологическом уровне изначально заложено дарить, оберегать жизнь, и в связи с этим использование оружия и причинения любых страданий и поврежде-

ний, является для женского организма безусловным стрессом. Тем более, как показывает практика, девушек, поступивших на службу в органы УИС, становится все больше, в том числе по направлению подготовки «Охрана и конвоирование». Подобная методика применяется также при выездах на стрелковые комплексы для выполнения упражнений стрельб из автомата Калашникова [7, с. 77].

Выводы. Таким образом, совершенствование методики огневой подготовки, ее последовательное планирование и своевременная реакция на решение возникающих при обучении проблем, являются основным условием получения по выпуску и в повседневной служебной деятельности высоких результатов. Благодаря полученным

умениям и навыкам в результате прохождения курса огневой подготовки при выполнении своих служебных обязанностей сотрудник УИС сможет уверенно выполнять свои обязанности посредством применения оружия и защищать себя и иных лиц от посягательств на жизнь и здоровье. Об эффективности использования методики на занятиях по огневой подготовке преподавательским составом Самарского юридического института ФСИН также свидетельствует показатель профессиональной подготовки выпускников. Таким образом, согласно Мониторингу качества подготовки выпускников ФКОУ ВО СЮИ ФСИН [5] с 2017-2020г., за 2019 г. показатель по огневой подготовке составил на 118 выпускников 7,5 из 10 возможных, а в 2020 г. на 224 выпускника - 7,3.

1. Асафьев, М. И. Условия формирования навыков стрельбы у сотрудников ФСИН России // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт. – 2019. – С. 5-6.
2. Асафьев, М. И., Муканова, Г. Ж. Психологическая подготовка стрелка // NovaInfo.Ru. – 2017. – № 75. – С. 206-211.
3. Васильев, А. М. Методика преодоления стрессовых состояний при обучении огневой подготовке // Современное образование. – 2021. – № 2. – С. 25-35.
4. Мусафиров, А. В. Формирование психологической готовности сотрудников УИС к применению боевого оружия в экстремальных ситуациях // АЛЛЕЯ НАУКИ. – 2018. – № 27. – С. 301-305.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь – декабрь 2020 г.: информационно аналитический сборник. – Тверь: ФКУ НИИТ ФСИН России, 2020. – 386 с.
6. Sokolov, P. S., Fende, I. T. V. Physical fitness analysis in the members of special convoy units of the Federal Penitentiary Service of Russia in Perm region // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2019. – № 4. – С. 77-81.
7. Чупров, А. С. Некоторые особенности организации и проведения практических занятий по огневой подготовке // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 12. – С. 294-297.

METHODS OF CONDUCTING AND IMPROVING FIRE TRAINING CLASSES IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

© 2022 M.I. Asafyev, V.A. Kaznacheev

Mikhail I. Astafyev, Lecturer of the Department of Physical and Tactical-Special Training

E-mail: miha.asafev@mail.ru

*Valeriy A. Kaznacheev, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of The Department of Physical and Tactical Special Training*

E-mail: miha.asafev@mail.ru

**Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Samara, Russia**

In this paper, the author raises a very important problem directly related to the improvement of the methods of conducting fire training classes in educational organizations of the Federal Penitentiary Service (hereinafter referred to as the FSIN) of Russia. As you know, the success of any academic discipline certainly depends on a properly planned, reflecting new trends in the level of education, methods of teaching it. Over time, more and more opportunities are opening up to introduce new techniques into conducting fire training classes, which must be used comprehensively and in full, and we actually adhere to this point of view. The methodology of fire training classes in this regard is especially important, since fire training is a component of the service and combat training of employees of the penitentiary system (hereinafter referred to as the UIS). And properly formed skills, and the ability to use weapons by cadets when entering the service, after graduating from specialized educational institutions, is an unconditional guarantee of lawful compliance with legislation

in this area and ensuring the safety of yourself and others. In addition, thanks to a well-planned methodology, cadets at the psychological level learn to overcome psychological barriers, in other words, fear, when firing a shot. In the work, the authors analyzed the main performance indicators of the penal enforcement system (hereinafter referred to as the UIS), directly affecting the main issues of fire training of employees in their daily work. In addition, the work, in turn, reflects the most effective methods used in the fire training of cadets of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, the fact of this is confirmed by the results of the annual Monitoring of the quality of professional training of graduates of the Federal State Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: fire training, methods of fire training, educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-10-14

1. Asaf'ev, M. I. Usloviya formirovaniya navykov strel'by u sotrudnikov FSIN Rossii (Conditions for the formation of shooting skills among employees of the Federal Penitentiary Service of Russia) // Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyj opyt. – 2019. – P. 5-6. (In Russ.).
2. Asaf'ev, M. I., Mukanova, G. Zh. Psixologicheskaya podgotovka strelka (Psychological preparation of the shooter) // NovaInfo.Ru. – 2017. – no. 75. – P. 206-211. (In Russ.).
3. Vasil'ev, A. M. Metodika preodoleniya stressovy`x sostoyanij pri obuchenii ognevoj podgotovke (Method of overcoming stress when training is fire training) // Sovremennoe obrazovanie. – 2021. – no. 2. – P. 25-35. (In Russ.).
4. Musafirov, A. V. Formirovanie psixologicheskoy gotovnosti sotrudnikov UIS k primeneniyu boevogo oruzhiya v e`kstremal'ny`x situacijax (Formation of psychological readiness of the prison staff for use of military weapons in extreme situations) // ALLEYa NAUKI. – 2018. – no. 27. – P. 301-305. (In Russ.).
5. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy yanvar' – dekabr' 2020 g. (The main indicators of the activity of the penal enforcement system January - December 2020): informacionno analiticheskij sbornik. – Tver': FKU NIIT FSIN Rossii, 2020. – 386 p. (In Russ.).
6. Chuprov, A. S. Nekotory`e osobennosti organizacii i provedeniya prakticheskix zanyatij po ognevoj podgotovke (Some features of the organization and conduct of practical training in fire training) // Ucheny`e zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. – 2020. - no. 12. – P. 294-297. (In Russ.).
7. Sokolov, P. S., Fendel', T. V. Analiz fizicheskoy podgotovlennosti sotrudnikov special'ny`x konvojny`x podrazdelenij UFSIN Rossii po Permskomu kraju (Physical fitness analysis in the members of special convoy units of the Federal Penitentiary Service of Russia in Perm region) // Pedagogiko-psixologicheskie i mediko-biologicheskie problemy` fizicheskoy kul'tury` i sporta. - 2019. – no. 4. – P. 77-81. (In Russ.).

УДК 378.147 (Методы обучения. Формы преподавания)

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ
БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ
САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ФСИН РОССИИ**

© 2022 М.И. Асафьев, В.А. Казначеев

*Асафьев Михаил Игоревич, преподаватель кафедры
физической и тактико-специальной подготовки*

E-mail: miha.asafev@mail.ru

*Казначеев Валерий Александрович, кандидат психологических наук, доцент
кафедры физической и тактико-специальной подготовки*

E-mail: miha.asafev@mail.ru

Самарский юридический институт ФСИН России
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 03.10.2022

Авторами рассматриваются организационные вопросы, касающиеся подготовки курсантов Самарского юридического института ФСИН России к службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Безусловно, для того чтобы уголовно-исполнительная система развивалась, необходимо, чтобы с каждым годом в ряды сотрудников входили качественно подготовленные кадры, которые понимают всю важность работы в системе исполнения наказаний. В статье были проанализированы дисциплины, которым уделяется особое внимание при подготовке курсантов к службе, в зависимости от специальности и направления деятельности. Помимо этого рассмотрены положительные аспекты практических занятий с выездами за пределы института на территории различных исправительных учреждений, находящихся в пределах Самарской области. Был сделан вывод, что практические выезды в различные виды исправительных учреждений благоприятно влияют на понимание курсантами сущности уголовно-исполнительной системы. При общении с действующими сотрудниками у курсантов формируется представление об их дальнейшей деятельности. Именно процесс обмена опытом является ключевым моментом практики. Это связано с тем, что многие действующие сотрудники уже долгие годы работают в системе и знают, как себя вести в экстренных ситуациях, которые в уголовно-исполнительной системе случаются практически каждый день.

Ключевые слова: практика, курсанты, осужденные, УИС, физическая подготовка, огневая подготовка.

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-15-19

Введение. Уголовно-исполнительная система (далее – УИС) является важным институтом в структуре российского государства, так как её деятельность напрямую связана с работой с осужденными [4, с. 25]. Со временем мир, государство, гражданское общество, человеческие ценности и приоритеты претерпевают изменения. Пенитенциарная система также не стоит на месте и вносит свои коррективы для того, чтобы соответствовать современности. Но за всю историю УИС несколько вопросов остаются неизменными: 1) как наиболее эффективно обеспечить изоляцию осужденного от общества, чтобы достичь его исправления? 2) как обеспечить международные стандарты отбывания наказания на современном этапе развития пенитенциарного аппарата в Российской Федерации [1, с. 766]? Одним из решений

будет являться качественное воспитание и обучение курсантов ведомственных ВУЗов ФСИН России.

История вопроса. Проанализировав научную литературу, раскрывающую вопросы связанные с формированием готовности курсантов к будущей службе в учреждениях УИС, мы выявили, что многие авторы, в том числе А.Е. Эрастов, А.А. Колотовский, считают, что важную роль в подготовке компетентного сотрудника играют педагоги, которые прививают курсантам должный уровень дисциплинированности во время решения служебных задач и формируют навыки самоконтроля своих действий [3, с. 74]. Также мы изучили результаты исследования по эффективности организации процесса подготовки курсантов

к службе, по итогам которой было отмечено хорошее умение выпускников ведомственных вузов владеть собственным эмоциональным состоянием. В связи с этим в процессе обучения необходимо обращать внимание на воспитание у курсантов таких качеств, как выдержка и уверенность в собственных силах.

Методы исследования. В работе использовался статистический метод и метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты исследования. Служба в УИС кардинально отличается от любой другой трудовой деятельности, так как свои функции сотрудники осуществляют в большинстве случаев в таких учреждениях, как исправительные колонии различных режимов и условий содержания, лечебно-исправительные учреждения, тюрьмы и т.д. Также сотрудники ежедневно находятся среди осужденных, осуществляя за ними охрану и надзор. Такой специфический контингент может оказывать негативное воздействие на некачественно подготовленного сотрудника УИС [6, с. 37].

Изначально необходимо уточнить: уголовно-исполнительная система по своей внутренней структуре сложная и требует квалифицированных сотрудников разного профиля, специализации и направленности деятельности. В Самарском юридическом институте ФСИН России (далее - СЮИ ФСИН России), к примеру, обучаются курсанты различных специальностей:

1. Правоохранительная деятельность (начальник отряда) 40.05.02

2. Юриспруденция 40.03.01

Направление юриспруденция в свою очередь делится на такие направления, как:

1. Организация режима и надзора;

2. Организация охраны и конвоирования;

3. Уголовно-исполнительная инспекция.

Каждая специализация и направленность отличается количеством часов по различным предметам и кафедрам. К примеру, у курсантов, обучающихся по специальности правоохранительная деятельность значительно больше часов по кафедре пенитенциарной психологии и педагогики, в отличие от юриспруденции. А у взводов по направлению организация режима и надзора больше часов по таким предметам, как организация режима, надзора и другим подобным предметам, в отличие от организации охраны и конвоирования.

Рассмотрим более детально курсантов, обучающихся по направлению юриспруденция. Первым компонентом успешной подготовки кадров в ведомственном институте ФСИН является правовая подготовка. В данном разделе изучаются, во-первых, базовые предметы: теория государства и права, уголовное право, история России, уголовный процесс, криминалистика, гражданское, административное право и т.д. Проанализировав теоретический курс лекций по данным предметам, следует отметить, что первые вопросы посвящены общим или базовым аспектам, а каждый последний вопрос, так или иначе связан с уголовно-исполнительной системой. Например, в дисциплине экологическое право в теме 3, именуемой «Право природопользования» четвертый вопрос звучит так: Органы и учреждения ФСИН России как субъекты природопользования. Во-вторых, профильные предметы: уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительную инспекцию, организация режима и надзора, организация охраны и конвоирования, оперативно-розыскная деятельность в исправительном учреждении, оперативно-розыскная психология, ресоциализация и социальная адаптация осужденных, инженерно-технические средства охраны и надзора, тактико-специальная подготовка, деятельность исправительных учреждений при чрезвычайных обстоятельствах. Также у курсантов отведены часы на занятия по антикоррупционной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Следует отметить, что некоторые дисциплины являются для служебного пользования, поэтому у каждого курсанта есть третья форма допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Физическая подготовка является значительным аспектом при подготовке кадров для ФСИН России. На этих занятиях курсанты нашего института ежегодно проходят пять разделов по данной дисциплине: легкая атлетика, лыжная подготовка, общеразвивающие упражнения, прикладная гимнастика и основной раздел: боевые приемы борьбы. В данной части обучающиеся отрабатывают такие боевые приемы борьбы, как приемы борьбы стоя, защита от ударов холодным оружием, защита от угрозы огнестрельного оружия, личный досмотр, освобождение от захватов и обхватов, боевые приемы задержания, связывание ремнем и шнурком. Данные манипуляции производятся как в спортивном зале института,

так и на учебно-тренировочном комплексе, имитирующем исправительную колонию. В данном комплексе разыгрываются более детальные эпизоды схожие с реальными жизненными ситуациями, которые могут встретиться при исполнении сотрудником своих служебных обязанностей [5, с. 180].

Еще одним немаловажным компонентом является огневая подготовка курсантов. На первом курсе обучающиеся знакомятся с материальными частями, тактико-техническими характеристиками оружия, правилами и техникой безопасности на огневом рубеже, также изучается нормативно-правовая база, регламентирующая данную дисциплину, приобретаются навыки, приемы владения оружием и ведения огня из различных видов боевого оружия, отрабатываются нормы по сборке и разборке оружия и магазина [2, с. 73]. Стрельбы проходят как в тире, так и на полигонах, но много реже. Начиная со второго курса, огневая подготовка меняется на стрельбу в экстремальных ситуациях. Данная дисциплина основывается на обстоятельствах, приближенных к реальным:

1. стрельба с использованием сигнально-громкоговорительного устройства, проблескового маяка сине-красного цвета, и в условиях сильного шума, как отрицательно влияющие факторы на психоэмоциональное состояние обучающегося;
2. стрельба после выполнения физических нагрузок;
3. стрельба после быстрых коротких перемещений;
4. стрельба из-за укрытия;
5. стрельба с различных дистанций;
6. стрельба с заданием на попадание различных зон мишени;
7. стрельба с использованием штрафных мишеней (имитация преступника с захваченным заложником);
8. стрельба с ограничением по времени;
9. работа стрелковых пар с отработкой перезарядки с разбиванием упражнения на циклы.

Прохождение практики курсантами является важнейшим компонентом при подготовке кадров для уголовно-исполнительной системы. Начиная со второго курса, обучающиеся Самарского юридического института проходят учебную практику, на которой знакомятся с исправительным учреждением, его структурой, сотрудниками, ко-

торые делятся своим огромнейшим багажом знаний. Курсанты постепенно осваивают процесс взаимодействия со специфическим контингентом: осужденными. Важно упомянуть то, что при распределении курсантов по исправительным учреждениям учитывается пол и направление подготовки. К примеру, подавляющее большинство курсантов-девушек Самарского юридического института проходят практику в женской колонии ФКУ ИК-15 УФСИН России по Самарской области, а также в помещении, функционирующем в режиме следственного изолятора на территории данного исправительного учреждения, где содержатся обвиняемые и подозреваемые женщины. Это сделано для того, чтобы девушки также могли беспрепятственно общаться с осужденными, находиться внутри исправительного учреждения, выполнять различные режимные мероприятия. Если говорить в общем, то виды исправительных учреждений, в которых проходят практическое обучение курсанты, обширный, а именно: колонии-поселения, исправительная колония общего, строгого режима, следственный изолятор, лечебно-профилактическое учреждение.

Также в теоретическое обучение дисциплины уголовно-исполнительное право входят практические выезды в мужскую исправительную колонию общего режима № 5 УФСИН России по Самарской области, женскую исправительную колонию общего режима № 15 УФСИН России по Самарской области и следственный изолятор № 1 УФСИН России по Самарской области.

На третьем курсе в первом семестре обучающиеся проходят производственную практику, на которой на них возлагаются немного больше ответственности. Они все по-прежнему курируются сотрудниками. В некоторых случаях курсанты могут оказывать значительную помощь в исполнении служебных обязанностей младшего начальствующего состава, так как еще на первом курсе изучаются должностные инструкции на различных постах. Связано это с тем, что в данный момент наша система испытывает «кадровое голодание» и сотрудников порой не хватает.

Во втором семестре третьего курса и в первом семестре четвертого курса предусмотрен практический выезд повзводно, в следственный изолятор № 4, находящийся в Самарской области в городе Тольятти на пять дней. Там курсанты знакомятся со всеми особенностями и тонкостями, отличительными чертами данного учреждения уголовно-исполнительной системы. Обучающиеся

ежедневно заступают на разные посты и несут службу с 8 утра до 17.00 вечера. В конце каждого дня подводятся итоги, задаются вопросы преподавателю с кафедры режима и охраны, который выезжает в СИЗО №4 вместе со взводом.

Выводы. Подводя итоги, следует отметить, что сотрудник уголовно-исполнительной системы должен быть достаточно сильной личностью, чтобы не поддаваться влиянию спецконтингента и не запустить процесс профессиональной деформации. Для этого недостаточно обучения в вузе –

необходимо каждому ежедневно развиваться как в плане физической подготовки, так и в сфере интеллектуальной деятельности. Также необходимо совершенствовать психологические, волевые и эмоциональные свойства личности. Практическую пользу приносят и выезды в различные виды исправительных учреждений, общение курсантов с действующими сотрудниками ФСИН с целью формирования представлений о дальнейшей профессиональной деятельности.

1. Брыков, Д. А. Современное состояние системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. – 2021. – С. 766 – 777.
2. Васильев, М. А. Педагогическое сопровождение курсантов образовательных организаций МВД России в процессе обучения огневой подготовке // Полицейская деятельность. – 2019. – № 2. – С. 68-75.
3. Грек, А. Д., Эрастов, А. Е., Колодовский, А. А., Романов, К. И. Показатели готовности курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России к профессиональной деятельности // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2019. – № 12 (178). – С. 71-74.
4. Завитова, С. В., Перов, С. В. Служба в уголовно-исполнительной системе как вид государственной службы // Пенитенциарная наука. – 2018. – С. 24-30.
5. Силенков, В. И., Варинов, В. В. Системный подход в организации физической подготовки курсантов в Кузбасском институте ФСИН России // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4 (25). – С. 177-181.
6. Соколова, Ю. А. Влияние стрессовых факторов на личность сотрудников УИС РФ в условиях профессиональной деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 5 (228). – С. 35-46.

**SOCIO-PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING THE READINESS
OF FUTURE OFFICERS OF THE FEDERAL PENALTY SERVICE
FOR PROFESSIONAL ACTIVITIES ON THE EXAMPLE
OF THE SAMARA LAW INSTITUTE OF FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA**

© 2022 M.I. Asafyev, V.A. Kaznacheev

Mikhail I. Asafyev, Lecturer of the Department of Physical and Tactical-Special Training

E-mail: miha.asafev@mail.ru

*Valeriy A. Kaznacheev, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of The Department of Physical and Tactical Special Training*

E-mail: miha.asafev@mail.ru

**Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Samara, Russia**

The authors consider organizational issues related to the preparation of cadets of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia for service in institutions and bodies of the penal system. Of course, in order for the penal enforcement system to develop, it is necessary that every year the ranks of employees include well-trained personnel who understand the importance of working in the penitentiary system. The article analyzes the disciplines that are given special attention when preparing cadets for service, depending on the specialty and field of activity. In addition, the aspects of practical training with trips outside the institute on the territory of various correctional institutions located within the Samara region are considered more positively. It was concluded that practical visits to various types of correctional institutions favorably affect the cadets' understanding of the essence of the penal system. Communicating with current employees, cadets form an idea of their future activities. It is the process of sharing experience that is the key point of practice. This is due to the fact that some current employees have been working in the system for many years and know how to behave in emergency situations that occur almost every day in the penal system.

Keywords: practice, cadets, convicts, UIS, physical training, fire training.

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-15-19

1. Brykov, D. A. *Sovremennoe sostoyanie sistemi upravleniya personalom ugovovno-ispolnitelnoi sistemi (The current state of the personnel management system of the penitentiary system)* // *Penitenciarnaya nauka*. – 2021. – pp. 766 – 777. (In Russ.).
2. Vasiliev, M. A. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie kursantov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii v processe obucheniya ognevoi podgotovke (Pedagogical support of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of fire training training)* // *Policeiskaya deyatelnost*. – 2019. – no. 2. – pp. 68-75. (In Russ.).
3. Grek, A.D., Erastov, A. E., Kolodovsky, A. A., Romanov, K. I. *Pokazateli gotovnosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsii Federalnoi sluzhbi ispolneniya nakazanii Rossii k professionalnoi deyatelnosti (Indicators of readiness of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia for professional activity)* // *Uchenie zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. – 2019. – no. 12 (178). – pp. 71-74. (In Russ.).
4. Zavidova, S. V., Perov, S. V. *Sluzhba v ugovovno_ispolnitelnoi sisteme kak vid gosudarstvennoi sluzhbi (Service in the penal enforcement system as a type of public service)* // *Penitenciarnaya nauka*. – 2018. – pp. 24-30. (In Russ.).
5. Silenkov, V. I., Barinov, V.V. *Sistemnyi podhod v organizatsii fizicheskoi podgotovki kursantov v Kuzbasskom institute FSIN Rossii (System approach in the organization of physical training of cadets at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia)* // *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. – 2015. – no. 4 (25). – pp. 177-181. (In Russ.).
6. Sokolova, Yu. A. *Vliyanie stressovih faktorov na lichnost sotrudnikov UIS RF v usloviyah professionalnoi deyatelnosti (The influence of stress factors on the personality of employees of the Russian Criminal Code in the conditions of professional activity)* // *Vedomosti ugovovno_ispolnitelnoi sistemi*. – 2021. – no. 5 (228). – pp. 35-46. (In Russ.).

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2022 Н.С. Бейлина, Е.М. Баранова

*Бейлина Наталья Семеновна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный»*

<http://orcid.org/0000-0003-0096-841X>

E-mail: nabelina@yandex.ru

Баранова Елизавета Михайловна, студент 2 курса химико-технологического факультета

E-mail: b.elizaveta.2004@yandex.ru

**Самарский государственный технический университет
Самара, Россия**

Статья поступила в редакцию 21.10.2022

На сегодняшний день изучение проблемы психологического благополучия студентов является одной из приоритетных задач психологов, работающих в образовании, поскольку наблюдается нестабильная социально-экономическая ситуация в мире, а также значительное влияние на процесс обучения оказала пандемия коронавирусной инфекции. Совместно со студентом химико-технологического факультета Самарского государственного технического университета рассмотрены отрицательные и положительные стороны дистанционного обучения, дано подробное теоретическое описание феномена «психологическое благополучие», проанализирована проблемы психологического благополучия студентов в период дистанционного обучения. В ходе анализа были выявлены факторы, снижающие уровень психологического благополучия. Представлены результаты исследования, отражающие уровень психологического благополучия в период дистанционного обучения. В данном исследовании приняло участие 61 респондент из числа студентов младших курсов химико-технологического и Самарского государственного технического университета. Диагностика проводилась как специальными психологическими методиками, так и с помощью авторского опросника. Авторский опросник позволил выявить некоторые изменения в психологическом состоянии, которые стали отмечать респонденты в период дистанционного обучения. В статье также отмечено, что студентами СамГТУ даны рекомендации по поддержанию наиболее комфортного уровня психологического благополучия в периоды неопределенности и изоляции. Авторы пришли к выводу, что дистанционное образование, имея ряд положительных сторон, негативно влияет на психологическое состояние студентов, а также успешность их учебной деятельности, поэтому в период дистанционного обучения они особенно нуждаются в поддержке куратора их студенческой группы, а также в комплексном психолого-педагогическом сопровождении.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образование, психологическое благополучие, субъективное благополучие, психолого-педагогическое сопровождение, куратор студенческой группы

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-20-26

Введение. В последние несколько лет образовательный процесс в образовательных организациях всех ступеней образования претерпел существенные изменения в связи возникшей неожиданно пандемией COVID-19. На государственном уровне были приняты серьезные меры, направленные на снижение опасности для жизни и здоровья граждан РФ. Данные меры во многом повлияли на способы получения образования. Так, в РФ впервые массово образовательный процесс полностью был переведен в дистанционный фор-

мат. Дистанционные формы обучения существовали и ранее, но применялись только в качестве дополнительных форм к очным. Ситуацию с переводом всей системы образования в дистанционный формат усложнила высокая степень неопределенности относительно дальнейшего развития возникшей пандемии. В связи с этим одним из важнейших факторов организации образовательного процесса на сегодняшний день становится неопределенность, которая также оказы-

вает огромное влияние на психологическое благополучие участников образовательного процесса, в том числе, и на студентов вузов [8].

Учитывая сложившуюся ситуацию, необходимо отметить, что ключевое место в образовательном процессе занимает оценка психоэмоционального состояния обучающихся вузов, которое влияет на восприятие материала и дальнейшее освоение профессии.

Об актуальности изучения данной проблемы говорил и Глава Минобрнауки России Валерий Фальков. В. Фальков назвал психологическое благополучие и ментальное здоровье студентов одним из приоритетов в работе университетов. «Пандемия коронавируса изменила характер взаимоотношений. Возникшая неопределенность, конечно, требует от университетов других форматов работы со студентами в части психологической поддержки и формирования у них стрессоустойчивости», — отметил Валерий Фальков [1].

Начиная с 2020 г. всем образовательным организациям пришлось стремительно подстраиваться под ситуацию, связанную с пандемией COVID-19, выбирать наиболее оптимальную форму работы. Такой формой, как было отмечено выше, стало дистанционное обучение. На дистанционный режим работы перешли все учебные заведения, в том числе и вузы.

История вопроса. В современной литературе исследователи выделяют как достоинства дистанционного формата обучения, так и его недостатки.

Так, например, Г.Э. Собирова, Н.Б. Кузнец [9], Гаген Е.Ю. и другие отмечают, что основными достоинствами дистанционного обучения являются следующие его особенности:

1. лаконичность и гибкость. Ценно, что в процессе дистанционного обучения большую часть учебного материала студенты осваивают самостоятельно, имея возможность выбрать удобное для занятий время. Материал, используемый в процессе дистанционного обучения, как правило, излагается лаконично;
2. овладение студентами и преподавателями новыми технологиями и формами обучения и преподавания. Преподаватели вузов вынуждены осваивать новые технологии и формы проведения учебных занятий, например, скрайбинг, сторителлинг, веб-квесты и др.);

3. возможность участвовать в образовательном процессе, находясь на большом расстоянии. Данный формат обучения позволяет студентам, проживая в различных регионах или за рубежом, проходить обучение в любом вузе РФ, не выходя из дома. Хотелось бы отметить, что такая форма обучения очень удобна и для маломобильных студентов.

Недостатки дистанционного обучения исследователи выделяют следующие:

1. отсутствие очного взаимодействия между преподавателями и студентами затрудняет процесс создания доверительной атмосферы в группе, а также реализации творческой составляющей процесса обучения;
2. наличие целого ряда обязательных индивидуально-психологических условий. Одним из важнейших таких условий является самодисциплина. Необходимо понимать, что результат дистанционного формата обучения напрямую зависит от самостоятельности и сознательности студентов;
3. недостаточное количество практических занятий. В рамках дистанционного обучения нередко сокращается количество практических занятий или видоизменяется их содержание, поскольку далеко не все виды практических заданий можно выполнить дистанционно;
4. отсутствие точного расписания нередко создает препятствия для поддержания учебной дисциплины, так как у студента появляется возможность отвлечься от учебной деятельности на личные дела;
5. прямая зависимость качества подачи и обработки учебного материала от Интернет-провайдера, а также техники, которую используют участники образовательного процесса.

Методы исследования: анализ научной литературы, опрос, психологическое тестирование, наблюдение.

Безусловно, дистанционное обучение является оправданным в сложившейся ситуации, но нельзя не отметить, что оно оказывает значительное влияние на психологическое благополучие студентов.

Необходимо заметить, что одним из главных факторов, которые оказывают влияние на успешность обучения студентов, является состояние психологического комфорта. При резкой смене

условий обучения, как правило, наблюдаются изменения благополучия, самочувствия, уровня удовлетворенности жизнью, что, в свою очередь, нередко приводит к снижению уровня учебной мотивации, ухудшению общей успеваемости. Описываемые процессы можно объяснить тем, что психологический комфорт является важнейшим фактором, который оказывает влияние на успешность обучения. [5]

В настоящее время в науке уделяется достаточно большое внимание психологическому благополучию студентов. Данное понятие ввел в научный оборот американский психолог Н. Брэдбурн. Термин «психологическое благополучие» ученый определяет как субъективное ощущение счастья и общую удовлетворенность жизнью. Н. Брэдбурн разработал модель психологического благополучия, представляющую собой некоторый баланс между положительными и негативными аффектами.

Э. Динер в своих работах ввел понятие «субъективное благополучие». Трактовка данного понятия достаточна близка к определению психологического благополучия, предложенного Н. Брэдбурном. Э. Динер выделяет три компонента субъективного благополучия: удовлетворение, приятные эмоции и неприятные эмоции. Ученый отмечает, что многие люди судят о том, что с ними происходит, опираясь на принцип «хорошо или плохо», но обязательна такая оценка имеет эмоциональную окраску. [11]

Н. Брэдбурн и Э. Динер заложили теоретическую базу понятия «психологическое благополучие», которая получила свое дальнейшее развитие в трудах целой плеяды ученых (Ю.В. Бессонова, С.А. Водяха [13], А.В. Ворониной, Е.Ю. Григоренко, О.В. Коломиец, А. Фуника, П.П. Фесенко [14], Т.Д. Шевеленкова [15] и др.).

Заслуживает внимания представление о психологическом благополучии, предложенное исследователем Бессоновой Ю.В., представляющей психологическое благополучие как целостное переживание, которое отражает успешность функционирования личности в социальной среде.

В научной литературе представлены разнообразные классификации компонентов психологического благополучия.

Так, например, по мнению Я.И. Павлоцкой, данный термин включает в себя такие компоненты, как независимость; умение выстраивать

здоровые межличностные отношения; состояние внутреннего психологического комфорта; осознание ценности как собственной жизни, так и жизни других людей; наличие социального интереса; стремление и способность к самореализации; эмпатия; успешная адаптация в обществе. [12]

Результаты исследования. Наиболее емкой, на наш взгляд, является многомерная модель психологического благополучия К. Рифф [14]. Данная модель включает шесть основных компонентов психологического благополучия: автономия, управление окружающей средой, личностный рост, позитивные отношения с окружающими, самопринятие, цель в жизни.

Под автономией автор понимает способность человека смело выражать свою точку зрения, высказывать мнение, которое противостоит мнению большинства, нестандартно мыслить и вести себя в обществе. Люди, имеющие низкий уровень автономии, нередко конформны и зависимы от мнения других людей.

Управление окружающей средой, по мнению ученого, предполагает наличие у человека способности добиваться и реализовывать собственные цели, преодолевая встречающиеся на жизненном пути трудности, а также способности успешно овладевать многими видами деятельности. Люди, не умеющие управлять окружающей средой, ощущают чувство собственного бессилия, им сложно добиваться поставленных целей.

Под личностным ростом понимается стремление человека к развитию, к обучению и овладению новыми видами деятельности. Если человек не занимается своим личностным ростом, не работает над собой, то у него постепенно снижается интерес к жизни, пропадает вера в свои возможности.

Позитивное отношение с окружающими включает в себя умение сопереживать другим, быть гибким в общении, бесконфликтно выстраивать взаимоотношения в коллективе. Люди, у которых отсутствует данное качество, как правило, не пытаются искать компромисс во взаимоотношениях, замкнуты, необщительны.

Самопринятие отражает позитивную самооценку, а также подразумевает то, что человек с высоким уровнем самопринятия четко осознает и принимает свои как положительные качества, так и недостатки.

Наличие жизненных целей очень важное качество, которое связано с переживанием человеком осмысленности своего существования, с умением ценить каждое мгновение жизни.

Основными критериями психологического благополучия личности является объективная успешность (социальное, физическое, психологическое и соматическое здоровье) и субъективное переживание благополучия, которое проявляется в ощущении некоторого счастья и удовлетворенности жизнью в целом.

Субъективные и объективные факторы составляют уровень психологического благополучия личности.

Частные оценки разнообразных сторон жизни конкретного человека составляют субъективное благополучие или неблагополучие человека.

Субъективное благополучие студентов в процессе учебной деятельности, на наш взгляд, необходимо рассматривать, основываясь на оценку уровня удовлетворенности жизнью, а также уровня удовлетворенности студентов базовыми психологическими потребностями, такими как в автономии, компетентности, связанности с другими студентами в процессе учебной деятельности. Особое внимание важно уделять удовлетворенности описанных потребностей в процессе взаимодействия студентов с преподавателями.

Эффективные межличностные отношения, возможность «живого» общения, удовлетворение потребности в получении эмоционального тепла составляет благополучие. Социальная изоляция, невозможность осуществления "живого" общения, напряженные взаимоотношения с людьми отрицательно сказывается на благополучии, разрушая его.

Нами было проведено исследование уровня субъективного благополучия студентов Самарского государственного технического университета в период дистанционного обучения (СамГТУ).

В исследовании принимали участие 61 студент 1 и 2 курса СамГТУ.

В ходе исследования были использованы следующие методики: методика «Диагностика субъективного благополучия» Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой; авторский опросник, разработанный студенткой первого курса химико-технологического факультета Самарского государственного технического факультета Беяева Е.М.

В результате проведения методики «Диагностика субъективного благополучия» Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой было выявлено, что у 51,3%

респондентов наблюдается низкий уровень субъективного благополучия, у 31,2% средний, у 17,5% высокий.

Большинство респондентов (52%) показали низкий уровень эмоционального благополучия (ощущение счастья, воодушевления), а высокий уровень наблюдался лишь 22,7% участников исследования.

У 34,3% респондентов наблюдается низкий уровень экзистенциально-деятельностного благополучия, у 46,3% - средний, у 19,4% высокий.

У 20,2% респондентов выявлен низкий уровень эго-благополучия, у 66,8% - средний, у 13% - высокий. Данный аспект субъективного благополучия характеризуется удовлетворенностью собой, собственным характером, внешностью и остальными личностными характеристиками.

Большая часть студентов (69,8%) имеет низкий уровень гедонистического благополучия, то есть низкий уровень удовлетворения базовых потребностей человека.

Уровень социально-нормативного благополучия, отражающий соответствие жизни социальным нормам, нравственным ценностям личности в их интериоризированном виде, у большинства респондентов (46,3 %) наблюдается низкий.

В результате проведения методики «Диагностика субъективного благополучия» Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой были получены следующие показатели: у студентов начальных курсов СамГТУ преобладает низкий уровень субъективного благополучия, эмоционального, благополучия, гедонистического и социально-нормативного благополучия, средний уровень - экзистенциально-деятельностного благополучия и эго-благополучия.

Анализ результатов авторского опроса студентов показал, что 65% студентов было удобно обучаться в формате дистанционного обучения, но достаточно сложно; у 57% респондентов снизился уровень мотивации к обучению; 53% студентов отметили, что у них заметно повысился уровень тревожности, а 55% респондентов отметили также повышение уровня утомляемости. Повышенную утомляемость студенты связывают с необходимостью долгого пребывания за компьютером.

Итак, результаты теста «Диагностика субъективного благополучия» (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова) и авторского опросника позволяют сделать следующий вывод: в связи с переходом на дистанционное обучение у студентов наблюдается низкий уровень психологического благополучия.

В научной литературе описано достаточно много способов для поддержания оптимального уровня психологического благополучия студентов вузов в условиях дистанционного обучения. Многие исследователи считают, что для поддержания его оптимального уровня необходимо стимулировать интерес студентов к учебной деятельности, иметь возможность общения с однокурсниками, а также на высоком качественном уровне взаимодействия с преподавателями. Ученые утверждают, что поддерживать постоянно высокий уровень всех составляющих психологического благополучия студентов в период обучения в дистанционной форме можно только с помощью системы психолого-педагогического сопровождения студентов младших курсов.

Данное сопровождение должно быть системным и целенаправленным. На наш взгляд, наиболее эффективно организовать психолого-педагогическое сопровождение студентов в период дистанционного обучения можно с помощью включения в данную деятельность куратора студенческой группы. Автором разработана и апробирована система кураторских часов, направленная на формирование успешной адаптации студентов младших курсов. Данная программа включает вопросы непосредственно адаптации первокурсников к университетской среде, повышения мотивации учебной деятельности, взаимоотношений в коллективе одноклассников, бесконфликтного общения, здорового образа жизни, а также проблемы построения профессиональной карьеры и профилактики экстремистской идеологии среди современной молодежи.

Для более эффективной реализации предложенной программы авторы рекомендуют в целях освещения некоторых тем приглашать психологов, медиков, юристов.

Регулярные встречи с куратором офлайн или онлайн способствуют повышению уровня психологического благополучия студентов в условиях дистанционного обучения.

Помимо программы кураторских часов студенткой химико-технологического факультета Самарского государственного технического университета, Барановой Е., в соответствии с существующими в научной литературе рекомендациями по поддержанию оптимального уровня психологического благополучия, были разработаны рекомендации студентам по повышению уровня психологического благополучия в условиях дистанционного обучения, например, уделять больше внимание здоровому образу жизни (больше двигаться, правильно питаться, отказаться от вредных привычек); разграничивать время, отведенное на учебу и отдых; приобрести навыки эффективной самоорганизации; в каждой конкретной ситуации учиться находить положительные моменты и возможности для саморазвития и другие.

Выводы. Таким образом, дистанционное обучение, как показали результаты проведенного исследования, негативно влияет на уровень психологического благополучия студентов, что в свою очередь отрицательно сказывается не только на эмоциональной стороне обучающихся, но и на результатах их учебной деятельности. Ближайшей перспективой изучения данного вопроса является исследование и разработка системы психолого-педагогического сопровождения студентов начальных курсов в период их адаптации к образовательному пространству вуза в условиях дистанционного обучения, которая будет включать в себя одним из этапов предложенную выше программу кураторских часов.

1. VI Восточный экономический форум: итоги первого дня [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/39427/> (дата обращения: 18.10.2022).
2. Бескова, Т. В. Социально-демографические детерминанты субъективного благополучия личности // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. [Электронный ресурс]. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14572> (дата обращения: 08.08.2022).
3. Бессонова, Ю. В. О структуре психологического благополучия [Текст] / Ю.В. Бессонова // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве: сборник статей. – 2013. – С. 30–35.
4. Бессонова, Ю. В. Психологическое благополучие у представителей опасных профессий [Текст] / Ю.В. Бессонова, Г.Г. Броневицкий / Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 327–351.
5. Бородовицына, Т. О. Психологическое благополучие студентов в условиях дистанционного обучения [Текст] / Т.О. Бородовицына // Мир педагогики и психологии. – №12(53). – С.28–33

6. Воронина, А. В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа [Текст] / А.В. Воронина // Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 142-145.
7. Григоренко, Е. Ю. Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы [Текст] / Е.Ю. Григоренко // Проблемы развития территории. – 2009. – №4 (48). – С.98-105
8. Иванова, М. В. Факторы психологического самочувствия студентов российских вузов в условиях самоизоляции [Текст] / М.В. Иванова, И.Л. Балымов Факторы психологического самочувствия студентов российских вузов в условиях самоизоляции. // Непрерывное образование XXI в. – 2021. – Вып. 3(35). – С. 1-16.
9. Кузник, Н. Б. Современное дистанционное обучение. Преимущества и недостатки [Электронный ресурс] / Н. Б. Кузник, Е. Ю. Гаген. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – №11(145). – С. 466-469. – URL: <https://moluch.ru/archive/145/40765/> (дата обращения: 08.08.2022).
10. Михалькова, Е. И. Психологическое благополучие личности [Текст] / Е.И. Михалькова. – М.: ЛИТРЕС, 2020. – 50 с.
11. Павлоцкая, Я. И. Социально-психологический анализ уровней и типов благополучия личности / Я.И. Павлоцкая // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskii-analiz-urovney-i-tipovblagopoluchiya-lichnosti> (дата обращения: 11.10.2020).
12. Павлоцкая, Я. И. Психологическое благополучие и социально – психологические характеристики личности: монография [Текст] / Я.И. Павлоцкая. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. – 2016. – 176 с.
13. Психологическое благополучие современного человека: материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. С. А. Водяха. [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
14. Фесенко, П. П. Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику? [Текст] / П.П. Фесенко // Журнал «Высшей школы экономики». Психология. – 2005. – Т.2. – №4. – С. 132-138.
15. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие личности [Текст] / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95-121.

THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS IN CONDITIONS OF DISTANCE LEARNING: PEDAGOGICAL ASPECT

© 2022 N.S. Beilina, E.M. Baranova

Natalya S. Beilina, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language

<http://orcid.org/0000-0003-0096-841X>

E-mail: nabelina@yandex.ru

Elizaveta M. Baranova, 2nd year student of the Faculty of Chemistry and Technology

E-mail: b.elizaveta.2004@yandex.ru

Samara State Technical University

Samara, Russia

The study of the problem of the psychological well-being of students today is one of the priority tasks of psychologists working in sphere of education, since there is an unstable socio-economic situation in the world, and the coronavirus pandemic has also had a significant impact on the learning process. The negative and positive aspects of distance learning are considered by author and a student of the Faculty of Chemistry and Technology of the Samara State Technical University, a detailed theoretical description of the phenomenon of "psychological well-being" is given, and the problems of psychological well-being of students during distance learning are analyzed. The analysis revealed factors that reduce the level of psychological well-being. The results of the research reflecting the level of psychological well-being during distance learning are presented. This study involved 61 respondents from junior students of Chemical Technology and Samara State Technical University. Diagnostics was carried out both by special psychological methods and with the help of the author's questionnaire. The author's questionnaire could possible to identify some changes in the psychological state that respondents began to indicate during the period of distance learning. The article also pays attention that students of Samara State Technical University gave recommendations on maintaining the most comfortable level of psychological well-being during periods of uncertainty and isolation. The authors came to the conclusion that distance education, having a number of positive aspects, negatively affects the psychological state of students, as well as the success of their educational activities, therefore, during distance

learning, they especially need the support of the tutor of their student group, as well as a comprehensive psychological and pedagogical support.

Keywords: distance learning, education, psychological well-being, subjective well-being, psychological and pedagogical support, tutor of a student group

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-20-26

1. VI Vostochnyi ekonomicheskii forum: itogi pervogo dnia (VI Eastern Economic Forum: results of the first day) [Elektronnyi resurs]. - URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/39427/> (data obrashcheniia: 18.10.2022).
2. Beskova, T. V. Sotsial'no-demograficheskie determinanty sub"ektivnogo blagopoluchiia lichnosti (Socio-demographic determinants of the subjective well-being of an individual) // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*. – 2014. – № 5. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14572> (data obrashcheniia: 08.08.2022).
3. Bessonova, Iu. V. O strukture psikhologicheskogo blagopoluchiya (About the structure of psychological well-being) [Tekst] / Iu.V. Bessonova // *Psikhologicheskoye blagopoluchiye lichnosti v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: sbornik statey*. – 2013. – S. 30–35.
4. Bessonova, Iu.V. Psikhologicheskoye blagopoluchiye u predstaviteley opasnykh professiy (Psychological well-being among representatives of dangerous professions) [Tekst] / Iu.V. Bessonova, G.G. Bronevitsky / *Psikhologicheskiye issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy* / *Otv. red. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.Ye. Kharlamenkova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN»*. – 2016. – S. 327–351.
5. Borodovitsyna, T.O. Psikhologicheskoye blagopoluchiye studentov v usloviyakh distantsionnogo obucheniya (Psychological well-being of students in conditions of distance learning) [Tekst] / T.O. Borodovitsyn // *Mir pedagogiki i psikhologii*. – №12(53). – S. 28–33.
6. Voronina, A.V. Problema psikhologicheskogo zdorov'ya i blagopoluchiya cheloveka: obzor kontseptsiy i opyt strukturno-urovneвого analiza (The problem of psychological health and well-being of a human being: a review of concepts and experience of structural-level analysis) [Tekst] / A.V. Voronina // *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*. – 2005. – №3. – S. 142–145.
7. Grigorenko, E.Iu. Psikhologicheskoye blagopoluchiye studentov i opredelyayushchiye yego faktory (Psychological well-being of students and its determining factors) [Tekst] / E.Iu. Grigorenko // *Problemy razvitiya territorii*. – 2009. – №4(48). S.98-105
8. Ivanova, M. V. Faktory psikhologicheskogo samochuvstviya studentov rossiyskikh vuzov v usloviyakh samoizolyatsii (Factors of psychological well-being of students of Russian universities in conditions of self-isolation) [Tekst] / M.V. Ivanova, I.L. Balymov // *Nepreryvnoye obrazovaniye XXI v.* – 2021. – Vyp. 3(35). – S. 1–16.
9. Kuznyak, N. B. Sovremennoye distantsionnoye obucheniye. Preimushchestva i nedostatki (Modern distance learning. Advantages and disadvantages) [Electronic resource] / N. B. Kuznyak, E. Iu. Gagen. — Tekst: direct // *Molodoy uchenyy*. – 2017. — № 11 (145). — S. 466 – 469. — URL: <https://moluch.ru/archive/145/40765/> (date of the application: 08.08.2022).
10. Mikhalkova, E. I. Psikhologicheskoye blagopoluchiye lichnosti (Psychological well-being of the individual) [Tekst] / E.I. Mikhalkova. – M.: LITRES, 2020. – 50 s.
11. Pavlotskaya, Ia. I. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz urovney i tipov blagopoluchiya lichnosti (Socio-psychological analysis of the levels and types of personal well-being) / Ia.I. Pavlotskaya // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – №1. [Electronic resource] — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskiy-analiz-urovney-i-tipovblagopoluchiya-lichnosti> (date of the application: 11.10.2020).
12. Pavlotskaya, Ia. I. Psikhologicheskoye blagopoluchiye i sotsial'no – psikhologicheskiye kharakteristiki lichnosti: monografiya (Psychological well-being and socio-psychological characteristics of personality: monograph) [Tekst] / Ia.I. Pavlotskaya. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS. – 2016. – 176 s.
13. Psikhologicheskoye blagopoluchiye sovremennoogo cheloveka: materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20 marta 2019 g.) (Psychological well-being of a modern human being: materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference (March 20, 2019) / Ural. gos. ped. un-t; *otv. red. S. A. Vodyakha*. [Electronic resource]. – Yekaterinburg, 2019. – 1 electron. opt. disk (CD-ROM).
14. Fesenko, P. P. Imeyet li ponyatiye psikhologicheskogo blagopoluchiya sotsial'no-kul'turnuyu spetsifiku? (Does the concept of psychological well-being have a socio-cultural specificity?) [Tekst] / P.P. Fesenko // *Zhurnal «Vysshey shkoly ekonomiki»*. *Psikhologiya*. – 2005. – V.2. – №4. – S. 132–138.
15. Shevelenkova, T. D. Psikhologicheskoye blagopoluchiye lichnosti (Psychological well-being of the personality) [Tekst] / T.D. Shevelenkova, P.P. Fesenko // *Psikhologicheskaya diagnostika*. – 2005. – № 3. – S. 95–121.

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

© 2022 Т.А. Бенгина, Л.В. Лиманова

*Бенгина Татьяна Алексеевна, кандидат технических наук,
доцент кафедры «Высшая математика»*

E-mail: bengina1@mail.ru

*Лиманова Лариса Владимировна, кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Высшая математика»*

E-mail: llv-1@mail.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 18.10.2022

В соответствии с положениями Федерального образовательного стандарта образования перед ВУЗами стоит непростая задача формирования у студентов определенных профессиональных и универсальных компетенций. Организация самостоятельной работы студентов является одним из важных факторов учебной деятельности университетов, в современных условиях удельный вес этого компонента стал заметно выше. Именно этот вид работы позволяет развивать у будущего специалиста возможности анализировать различные процессы, самостоятельно ставить задачи, выбирать способы их решения, аргументировать свой выбор, творчески подходить к проблеме. В статье рассмотрены вопросы методического обеспечения учебного процесса, нацеленные на помощь в самостоятельном овладении материалом. Проанализированы информационная, организационная и контролирующая функции методической базы. Приведен обзор различных видов обеспечения, используемых в работе преподавателями кафедры «Высшая математика» Самарского государственного технического университета, проанализированы итоги исследования, проведенного среди студентов по поводу эффективности одной из форм самостоятельной работы с использованием предлагаемых пособий, видео-уроков, кейсов. В результате анкетирования были получены результаты, подтверждающие положительный вклад различных методических материалов при самостоятельном освоении определенных разделов математики.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, методическое обеспечение, формы самостоятельной работы, типовой расчет, виды методического обеспечения

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-27-33

Введение. Перемены в высшем образовании на современном этапе предполагают в первую очередь перемещение центра тяжести подготовки специалистов с экстенсивного на интенсивный путь. Одним из направлений интенсификации учебного процесса является активизация самостоятельной работы студентов (СРС). При этом необходимо создавать такие условия обучения, при которых студенты будут стремиться получать знания и творчески их усваивать [7]. Важными компонентами воспитательного процесса являются формирование у студентов высокого уровня самоорганизации, умения планировать учебную деятельность, воспитание необходимости непрерывного пополнения знаний и применения их на практике [4, 16 – 18].

Методы исследования. Объектом исследования данной работы является методическое обеспечение учебного процесса для организации самостоятельной работы студентов. Благодаря

анализу различных форм и функций предмета исследования, а также наблюдению процесса обучения и эксперименту (анкетированию), были сделаны выводы о целесообразности дальнейшего развития методической базы материалов во всех возможных видах.

История вопроса. Основными задачами самостоятельной работы студентов являются:

1. Приобретение студентами знаний с целью дальнейшего их использования для решения текущих и нестандартных задач.

2. Применение усвоенных знаний в иных условиях.

3. Разработка новых методов, алгоритмов, способов решения профессиональных задач.

В зависимости от вида самостоятельной работы требования к ее проведению и способам получения результата различны. Определяющими факторами при этом будут: место и время про-

ведения СРС, степень руководства преподавателем процессом работы.

Различают самостоятельную работу студентов во время аудиторных занятий, во время консультаций, зачётов и экзаменов, а также внеаудиторную работу при выполнении домашних заданий, самостоятельном освоении новых тем, выполнении творческих заданий [1, 13 – 15].

При этом оптимальный результат в получении и освоении новых знаний возможен при комплексном использовании всех форм самостоятельной работы, однако необходимо придерживаться грамотного распределения соотношения между аудиторной и самостоятельной работой в зависимости от сложности изучаемого материала. Особая роль принадлежит методической организации процесса самостоятельной работы, а также разработке поощрительных мер за успешное самостоятельное выполнение заданий [20, 21].

Сложно выделить степень важности, какого-то из факторов самостоятельной работы, но в современных условиях, когда неожиданно для всех, пришлось перейти на дистанционное обучение, роль методического обеспечения учебного процесса резко возросла [3, 6]. Опыт показал, что традиционное чтение лекций можно заменить готовыми текстами, оформив их в учебные пособия, а освободившееся время можно использовать для постановки проблемной ситуации с возможностью рассмотрения различных подходов к ее решению, организовав дискуссию, вовлеченность студентов в ситуацию.

Что касается внеаудиторной самостоятельной работы, то роль методического обеспечения такого процесса неопределима, так как выполняет одновременно несколько функций: информационную, организационную и контролируемую.

В настоящее время помимо учебников, учебных и методических пособий, призванных нести информационную нагрузку по изучаемому материалу, широкое распространение получили кейсы. Такой инструмент обучения помогает погрузиться в предлагаемую тематику в полной мере, начиная от исторического ракурса вопроса и заканчивая решением прикладных задач. Такой системный подход и интерполяция полученных знаний в область будущей специальности способствует мотивации студентов к изучению дисциплины, развитию умения применять полученную информацию к самостоятельному решению

задач. Использование электронных учебников и обучающих программ формирует у студентов навыки работы с перспективными образовательными технологиями и выводит учебный процесс на современный уровень обучения.

Организационная роль методического обеспечения заключается в четком структурировании процесса самостоятельного изучения материала, выделении наиболее значимой информации, логической последовательности изложения тем, создания проблемных ситуаций с возможностями выбора решений [14].

Именно организационная функция методического обеспечения самостоятельной работы студентов позволяет им проявить свои способности в освоении нового материала, ускорять этот процесс, и в целом, развивает навыки обучения.

Контролирующая функция разного рода пособий, кейсов является неотъемлемой частью СРС [8, 9]. Самоконтроль необходим для проверки освоения полученной информации, а выбор правильного ответа из предложенных (в случае тестовой проверки) дает возможность еще раз сконцентрировать внимание на отдельной теме, проанализировать возможные ответы, и, возможно, скорректировать какие-то знания. Подобная работа предполагает активное вовлечение студента в познавательный процесс и формирование у него навыков самостоятельной умственной деятельности.

Результаты исследования. Кафедра «Высшая математика» Самарского государственного технического университета (СамГТУ) имеет большой опыт в разработке методического обеспечения учебного процесса, сформирована собственная база различных учебных пособий и методических указаний, библиотека электронных учебников, электронные версии лекционных и практических занятий по всем разделам математики, видеофильмы с записью изучаемых тем, кейсы с полным освещением конкретной тематики исследования. Студенты университета имеют доступ ко всем материалам для лучшего освоения изучаемого предмета.

В СамГТУ одной из форм самостоятельной работы студентов является выполнение типовых расчетов (ТР) – индивидуальных заданий для каждого студента. Структура типовых расчетов определяется преподавателем, а содержание соответствует изучаемым разделам математики. В таб. 1 приведен один из вариантов ТР по теме

«Интегральное исчисление». При выполнении ТР преподавателем пособия, видео материалы, кейсы студенты опираются на материал лекционных и практических занятий, а также на предлагаемые

Таб. 1. Вариант типового расчета по теме «Интегральное исчисление»
(A variant of a typical calculation on the topic «Integral calculus »)

<p>1. Вычислить интегралы:</p> <p>А) $\int_0^{0.5} \frac{3^x dx}{1+3^{2x}}$; Б) $\int_1^2 x^5 \cdot \log_3 3x dx$; В) $\int \sin 3x \cos 2x dx$; Г) $\int \frac{\sin^3 x}{\cos x} dx$; Д) $\int \frac{dx}{x^2 \sqrt{4-x^2}}$.</p>
<p>2. Найти площадь области D, ограниченной линиями $y = \frac{5}{x}$; $y = 1$; $x = 1$; $x = 2$.</p>
<p>3. С помощью двойного интеграла найти массу области D с плотностью $\gamma(x, y) = y$. Область D ограничена линиями $x = 2y$, $x = 2$, $y = 0$.</p>
<p>4. С помощью криволинейного интеграла выполнить следующие действия.</p> <p>А) Найти массу дуги линии L: $x = 4 \cos t$, $y = 4 \sin t$, ($0 \leq t \leq \pi/2$) при заданной плотности $\gamma = x + y$.</p> <p>Б) Найти работу вектор-силы $\vec{F}(x, y) = 3y\vec{i} - 5x\vec{j}$ при перемещении точки вдоль линии L: $x = y^3$, ($1 \leq y \leq 3$).</p>
<p>5. Найти:</p> <p>А) интегральное значение тока $q = \int_0^{\infty} I dt$ за время от $t = 0$ до $t = +\infty$ и интегральный квадрат силы тока $S = \int_0^{\infty} I^2 dt$, если $I = I_0 e^{-kt}$ (простой аperiодический процесс). Здесь t – время, отсчитываемое от начала разряда; I – величина переменного тока, зависящего от времени; k – постоянный коэффициент, больший нуля;</p> <p>Б) величины q и S, если $I = I_0 e^{-kt} \sin \omega t$ (простой колебательный процесс); k и ω – постоянные.</p>

При самостоятельной подготовке студентам было предложено пользоваться учебными пособиями [10 – 12], а для погружения в сферу исследовательской деятельности [2, 17] – выполнения задач, имеющих прикладную направленность – изучение соответствующих кейсов (один из них представлен на рис. 1).

Было проведено анкетирование среди студентов 1 курса электротехнического факультета СамГТУ для выявления полезности предложенных методических материалов при изучении материала. В опросе участвовало 122 студента, анкетирование проходило анонимно.

При обработке полученных результатов (таб. 2) выяснилось, что подавляющее количество (98%) опрошенных обращались за помощью к

предложенным учебным пособиям и методическим указаниям. 64% студентов заинтересовались применением кейсов; 37% – просмотрели видео-лекции. 82% студентов высказались «за» применение типовых расчетов поскольку они помогают лучше разобраться в материале и, как следствие, лучше написать проверочные работы. При ответе на вопрос: «В чем польза предложенных методических материалов при изучении материала?» главными аргументами были: возможность закрепления полученных на занятиях знаний, отработка навыков при решении предложенных задач и возможность повысить свой уровень при подготовке к контролирующим средствам (самостоятельным и контрольным работам, тестам, зачетам и экзаменам).

Рис. 1. Кейс по теме «Применение дифференциальных уравнений к решению некоторых практических задач теплоэнергетики» (Case study on the topic «Application of differential equations to solving some practical problems of thermal power engineering»)

Проектный кейс <i>"Применение дифференциальных уравнений к решению некоторых практических задач теплоэнергетики"</i>	
Аннотация	
Изучение процессов теплопроводности является основополагающим в изучении теплоэнергетических явлений, так как большинство из них в той или иной степени связаны с изменением температурного состояния и переносом теплоты. Исследование целого ряда физических и теплоэнергетических процессов приводит к решению дифференциальных уравнений или систем дифференциальных и алгебраических уравнений. Целью кейса является применение теории дифференциальных уравнений к решению некоторых практических задач теплоэнергетики, а также рассмотрение решения этих задач с помощью пакета прикладных программ.	
Тип проектного кейса	
Научно-исследовательские проекты	
Трек	
Высшая научная школа Дисциплина: Математика	

Таб. 2. Результаты опроса студентов о пользе методических материалов при самостоятельной работе (The results of a survey of students about the benefits of methodological materials for independent work)

Методические материалы	Полученные результаты, %
Учебные пособия и методические указания	98
Кейсы	64
Видео лекции	37
Типовые расчеты	82

Выводы. Вопрос повышения качества подготовки специалистов не теряет своей актуальности, приобретая новые пути решения. Процесс получения и освоения знаний студентами уже давно не рассматривается лишь как передача совокупности программных сведений – ищутся различные эффективные формы подачи нового материала с использованием различных, в том

числе и электронных, ресурсов, привлекается потенциал обучающихся путем вовлечения их в самостоятельную работу в процессе учебы. Разработка новых научно-обоснованных методических материалов способствует активации учебной деятельности обучающихся, их заинтересованности в получении новых знаний.

1. Агибова, И. М. Самостоятельная работа студентов: типы, виды, классификации / И.М. Агибова, Т.А. Куликова // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 71(6). – С. 221-227.
2. Бубновская, О.В. Научное исследование как форма организации самостоятельной работы студента / О.В. Бубновская // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 11-2. – С. 62-65.
3. Гуменникова, Ю. В. Опыт преподавания высшей математики в условиях дистанционного обучения / Ю.В. Гуменникова, Л.В. Кайдалова, // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 4. – С. 23-28.
4. Донгаузер, Е. В. Методы оптимизации самостоятельной работы студентов вуза: из опыта преподавания дисциплины «Педагогика» / Е.В. Донгаузер // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 3. – С. 51-56.
5. Крюкова, Л. Б. Организация самостоятельной работы студентов с использованием компьютерных технологий / Л.Б. Крюкова // Пинский высший банковский колледж. Пинск-2001.
6. Минина, Е. В. Условия организации самостоятельной работы студентов вуза: теоретический аспект / Е.В. Минина // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 8. – С. 59-64.
7. Пидкасистый, П. И. Организация учебно-познавательной деятельности студентов / П.И. Пидкасистый. – М.: Педагогическое общество России, 2005. – 144 с.

8. Раева, Б. Ж. Организация и средства оценки самостоятельной работы студентов в Жалал-Абадском государственном университете / Б.Ж. Раева, В.Т. Мураталиева // *Juvenis scientia*. – 2019. – № 4. – С. 37-39.
9. Рябинова, Е. Н. Один из способов построения тестов для организации самообразовательной деятельности обучающихся при изучении математики / Е.Н. Рябинова, Ю.В. Гуменникова, Л.В. Кайдалова // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. – 2018. – Т. 20. – № 4. – С. 40-47.
10. Сборник задач по высшей математике. Тестовые методы контроля знаний. Том I / Составители: М.А. Евдокимов, Л.А. Муратова, Л.В. Лиманова, О.Н. Кузнецова. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2013. – 143 с.
11. Сборник задач по высшей математике. Тестовые методы контроля знаний. Том II / Составители: М.А. Евдокимов, Л.А. Муратова, Л.В. Лиманова. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2014. – 148 с.
12. Сборник задач по высшей математике. Тестовые методы контроля знаний. Том III / Составители: М.А. Евдокимов, Л.А. Муратова, Л.В. Лиманова. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2015. – 234 с.
13. Свиридова, Г. Ф. Особенности организации самостоятельной работы студентов -бакалавров педагогического вуза / Г.Ф. Свиридова, А.Ю. Тимошенко // *Мир науки, культуры, образования*. – 2019. – № 2(75). – С. 212-214.
14. Седакова, В. И. Самостоятельная работа студентов как индивидуальная траектория развития / В.И. Седакова // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. – 2013. – № 5. – С. 108-116.
15. Суханов, П. В. Организация самостоятельной работы студентов в системе непрерывного высшего профессионального образования / П.В. Суханов // *Теория и практика общественного развития*. – 2012. – № 8. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/8/pedagogika/sukhanov.pdf. (дата обращения: 11.09.2022).
16. Фаустова, Э. Н. Студент нового времени: социокультурный профиль / Э.Н. Фаустова. – М.: НИИВО, 2004. – 72 с.
17. Щербакова, Е. В. Самостоятельная работа студентов как важнейшая составляющая организации учебного процесса в вузе / Е.В. Щербакова // *Молодой ученый*. – 2010. – № 8(19). – Т. 2. – С. 188-190.
18. Bednall, T. C. Effects of Self-Regulatory Instructional Aids on Self-Directed Study / T.C. Bednall, E.J. Kehoe // *Instructional Science: An International Journal of the Learning Sciences*. 2011. – V. 39. – № 2 – P. 205-226.
19. Bengina, T. A. Formation Of Skills Of Research Activity Among Junior Students / T.A. Bengina, L.V. Limanova // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. V. 119, International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), 21-23 October, 2021. – Article 89. – P. 722-727.
20. Smirnova, Z. Estimation of educational results of the bachelor's programme students / Z. Smirnova, O. Vaganova, S. Shevchenko, A. Khizhnaya, M. Ogorodova, M. Gladkova // *IEJME: Mathematics Education*. – 2016. – Т. 11. – № 10. – P. 3469-3475.
21. Tillaeva, S. Features of students' independent work in the study of a second foreign language / S. Tillaeva // *Science and practice: A new level of integration in the modern world. 9th International Conference Proceedings*. Science editor Robert Draut. Sheffield, UK, 2019. – B&M Publishing, 2019. – P. 72-76.

METHODOLOGICAL SUPPORT OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS

© 2022 T.A. Bengina, L.V. Limanova

*Tatyana A. Bengina, Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics*

E-mail: bengina1@mail.ru

*Larisa V. Limanova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics*

E-mail: lv-1@mail.ru

**Samara State Technical University
Samara, Russia**

In accordance with the provisions of the Federal Educational Standard of Education, universities face the difficult task of forming certain professional and universal competencies among students. The organization of independent work of students is one of the important factors in the educational activities of universities, in modern conditions, the proportion of this component has become noticeably higher. It is this type of work that allows the future specialist to develop the ability to analyze various processes, independently set tasks, choose ways to solve them, argue his choice, creatively approach the problem. The article deals with the issues of methodological support of the educational process aimed at helping to master the material independently. The informational, organizational and controlling functions of the methodological base are analyzed. The review of various types of support used in the work of teachers of the Department of

Higher Mathematics of Samara State Technical University is given, the results of a study conducted among students on the effectiveness of one of the forms of independent work using the proposed manuals, video lessons, cases are analyzed. As a result of the survey, the results were obtained confirming the positive contribution of various methodological materials in the independent development of certain sections of mathematics.

Key words: independent work of students, methodological support, forms of independent work, standard calculation, types of methodological support

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-27-33

1. Agibova, I. M. Samostoyatel'naya rabota studentov: tipy, vidy, klassifikatsii (Independent work of students: types, types, classifications) / I.M. Agibova, T.A. Kulikova // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 71(6). – S. 221-227.
2. Bubnovskaya, O. V. Nauchnoe issledovanie kak forma organizatsii samostoyatel'noj raboty studenta (Scientific research as a form of organizing student's independent work) / O.V. Bubnovskaya // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. – 2013. – № 11-2. – S. 62-65.
3. Gumennikova, Yu. V. Opyt prepodavaniya vysshej matematiki v usloviyah distantsionnogo obucheniya (Experience in teaching higher mathematics in distance learning) / Yu.V. Gumennikova, L.V. Kajdalova, // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2022. – T. 24. – № 4. – S. 23-28.
4. Dongauser, E. V. Metody optimizatsii samostoyatel'noj raboty studentov vuza: iz opyta prepodavaniya discipliny «Pedagogika» (Methods for optimizing the independent work of university students: from the experience of teaching the discipline "Pedagogy") / E.V. Dongauser // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2016. – № 3. – S. 51-56.
5. Kryukova, L. B. Organizatsiya samostoyatel'noj raboty studentov s ispol'zovaniem komp'yuternyh tekhnologij (Organization of independent work of students using computer technology) / L.B. Kryukova // Pinskij vysshij bankovskij kolledzh. Pinsk-2001.
6. Minina, E. V. Usloviya organizatsii samostoyatel'noj raboty studentov vuza: teoreticheskij aspekt (Conditions for organizing independent work of university students: theoretical aspect) / E.V. Minina // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2016. – № 8. – S. 59-64.
7. Pidkasty, P. I. Organizatsiya uchebno-poznavatel'noj deyatel'nosti studentov (Organization of educational and cognitive activity of students) / P.I. Pidkasty. – M.: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2005. – 144 s.
8. Raeva, B. Zh. Organizatsiya i sredstva ocenki samostoyatel'noj raboty studentov v ZHalal-Abadskom gosudarstvennom universitete (Organization and means of evaluating students' independent work at Jalal-Abad State University) / B. Zh. Raeva, V. T. Muratalieva // Juvenis scientia. – 2019. – № 4. – S. 37-39.
9. Ryabinova, E. N. Odin iz sposobov postroeniya testov dlya organizatsii samoobrazovatel'noj deyatel'nosti obuchayushchihhsya pri izuchenii matematiki (One of the ways to build tests for organizing self-educational activities of students in the study of mathematics) / E.N. Ryabinova, YU.V. Gumennikova, L.V. Kajdalova // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2018. – T. 20. – № 4. – S. 40-47.
10. Sbornik zadach po vysshej matematike. Testovye metody kontrolya znaniy. Tom I (Collection of problems in higher mathematics. Test methods of knowledge control. Volume I) / Sostaviteli: M.A. Evdokimov, L.A. Muratova, L.V. Limanova, O.N. Kuznetsova. – Samara: Samar. gos. tekhn. un-t, 2013. – 143 s.
11. Sbornik zadach po vysshej matematike. Testovye metody kontrolya znaniy. Tom II (Collection of problems in higher mathematics. Test methods of knowledge control. Volume II) / Sostaviteli: M.A. Evdokimov, L.A. Muratova, L.V. Limanova. – Samara: Samar. gos. tekhn. un-t, 2014. – 148 s.
12. Sbornik zadach po vysshej matematike. Testovye metody kontrolya znaniy. Tom III (Collection of problems in higher mathematics. Test methods of knowledge control. Volume III) / Sostaviteli: M.A. Evdokimov, L.A. Muratova, L.V. Limanova. – Samara: Samar. gos. tekhn. un-t, 2015. – 234 s.
13. Sviridova, G. F. Osobennosti organizatsii samostoyatel'noj raboty studentov -bachelorov pedagogicheskogo vuza (Features of the organization of independent work of students - bachelors of a pedagogical university) / G.F. Sviridova, A.YU. Timoshenko // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2019. – № 2(75). – S. 212-214.
14. Sedakova, V. I. Samostoyatel'naya rabota studentov kak individual'naya traektoriya razvitiya (Independent work of students as an individual development trajectory) / V.I. Sedakova // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 5. – S. 108-116.
15. Suhanov, P. V. Organizatsiya samostoyatel'noj raboty studentov v sisteme nepreryvnogo vysshego professional'nogo obrazovaniya (Organization of independent work of students in the system of continuous higher professional education) / P.V. Suhanov // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2012. – №8. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/8/pedagogika/sukhanov.pdf. (data obrashcheniya: 11.09.2022).

16. Faustova, E.N. Student novogo vremeni: sociokul'turnyj profil' (Student of the New Age: Socio-Cultural Profile) / E.N. Faustova. – M.: NIIVO, 2004. – 72 s.
17. Shcherbakova, E. V. Samostoyatel'naya rabota studentov kak vazhnejshaya sostavlyayushchaya organizacii uchebnogo processa v vuze (Independent work of students as the most important component of the organization of the educational process at the university) / E.V. Shcherbakova // Molodoj uchenyj. – 2010. – № 8(19). – Т. 2. – S. 188-190.
18. Bednall, T. C. Effects of Self-Regulatory Instructional Aids on Self-Directed Study / T.C. Bednall, E.J. Kehoe // Instructional Science: An International Journal of the Learning Sciences. 2011. – V. 39. – № 2 – P. 205-226.
19. Bengina, T. A. Formation Of Skills Of Research Activity Among Junior Students / T.A. Bengina, L.V. Limanova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. V. 119, International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), 21-23 October, 2021. – Article 89. – P. 722-727.
20. Smirnova, Z. Estimation of educational results of the bachelor's programme students / Z. Smirnova, O. Vaganova, S. Shevchenko, A. Khizhnaya, M. Ogorodova, M. Gladkova // IEJME: Mathematics Education. – 2016. – Т. 11. – № 10. – P. 3469-3475.
21. Tillaeva, S. Features of students' independent work in the study of a second foreign language / S. Tillaeva // Science and practice: A new level of integration in the modern world. 9th International Conference Proceedings. Science editor Robert Draut. Sheffield, UK, 2019. – B&M Publishing, 2019. – P. 72-76.

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

О ПЕРФЕКЦИОНИЗМЕ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

© 2022 И.А Васельцова, Л.Б. Ананьев, В.В. Зайцев

*Васельцова Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Физическое воспитание и спорт»*

E-mail: irina_vaseltsova@mail.ru

*Ананьев Лев Борисович, старший преподаватель
кафедры «Физическое воспитание и спорт»*

E-mail: ananev_lb@mail.ru

Зайцев Владислав Вячеславович, аспирант

E-mail: micfireboxer@yandex.ru

Самарский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 08.10.2022

Железнодорожный транспорт является высоконаучным сегментом транспортной отрасли. Высокий темп технико-технологических, информационных, социально-экономических и структурных перемен в отрасли усложняет процесс профессионализации молодых специалистов, состоящий из двух основных этапов: профессиональной адаптации и профессионального становления. Специфической чертой кадровой политики холдинга «РЖД» является систематическая горизонтальная и вертикальная ротация кадров. Это позволяет активизировать внутреннюю активность работников, направленную на пополнение специализированных знаний и навыков, но повышает уровень влияния социально-психологических рисков, связанных с вхождением в коллектив, эффективной коммуникацией, поддержанием трудовой дисциплины, принятием профессиональных решений в условиях высокой личной ответственности. Данная ситуация обуславливает необходимость формирования профессиональной мобильности будущих специалистов железнодорожного транспорта, как интегративной характеристики личности, позволяющей успешно реализовывать административно-управленческие функции. Совокупность качеств, мотивирующих на развитие, совершенствование, самореализацию и старание включает в себя явление перфекционизма. Результаты пилотажного исследования исходного уровня развития характеристик в структуре перфекционизма и соотнесения их с уровнем социально-психологической адаптации доказало необходимость формирования показателей позитивного (здорового перфекционизма) в процессе профессиональной подготовки студентов. В исследовании приняли участие студенты 4 курса Самарского государственного университета путей сообщения (96 человек). Целенаправленному развитию профессиональной мобильности студентов-будущих специалистов железнодорожного транспорта будут способствовать активные формы и средства обучения (мультимедийные технологии, интерактивные средства, проектная деятельность, моделирование и ролевое распределение), стимулирующие мотивацию на достижение успеха, развитие навыков конструктивного общения, лидерских качеств и способностей к постановке и достижению целей.

Ключевые слова: профессиональная деятельность специалистов железнодорожного транспорта, профессиональная мобильность, социально-психологическая адаптация, перфекционизм

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-34-39

Введение. Холдинг «Российские железные дороги» является ведущим лидером в сфере грузо- и пассажирооборота и занимает стратегические позиции в транспортном комплексе Российской Федерации. Развитие сегмента железнодорожных перевозок определяется увеличением скоростей движения, маршрутизации перевозок, рас-

ширением линейки специализированных продуктов и качеством услуг для привлечения высокодоходных грузов, транзитных грузопотоков и пассажирских перевозок. Это предопределяет глобальные вызовы и совокупность рисков в развитии системы корпоративного управления, эффективного взаимодействия структурных подразделений, реализации вопросов безопасности

и снижении производственных браков, связанных с «человеческим» [1; 9].

История вопроса. Специфической чертой направлений деятельности служб управления персоналом на железнодорожном транспорте является систематическая ротация кадрового состава. Горизонтальная ротация предполагает перестановку кадров внутри организации между отдельными видами работ и структурными подразделениями в соответствии с требованиями производства. Вертикальная ротация представляет собой смену исполнительской деятельности на управленческую. Для организации такая кадровая политика позволяет стимулировать изменения, повышать внутреннюю активность работников, направленную на пополнение специализированных знаний и навыков, но повышает уровень влияния социально-психологических рисков, связанных с вхождением в коллектив, эффективной коммуникацией, поддержанием трудовой дисциплины, принятием профессиональных решений в условиях высокой личной ответственности и др. [10]. Данная ситуация обуславливает необходимость в корректировке модельных характеристик современного специалиста, позволяющих успешно реализовывать административно-управленческие функции. Результаты прикладных исследований, проведенных на базах российских университетов путей сообщения доказывают необходимость совокупного формирования профессиональных знаний (в составе нормативно определенных компетенций) и способностей, актуализирующих личностный рост, саморазвитие, профессиональное становление [3; 6; 8].

Интеграция качеств, мотивирующих на развитие, совершенствование, самореализацию и старание включает в себя явление перфекционизма. В научный тезаурус термин «перфекционизм» был введен в конце XX в. Необходимо отметить, что в зарубежных и отечественных исследованиях нет единой и окончательной трактовки данного понятия. Определение феноменологии перфекционизма связаны с идеями самоизменения и демонстрации совершенства (А. Басс, С. Финн); позитивной активности личности в процессе жизнедеятельности (К. Хорни); изменений личных стандартов, включающих ряд когнитивных и интерперсональных параметров (Р. Фрост, П. Хьюитт); характеристиками одаренности (К. Дебровский); невротической поглощенности достижением идеала (Б. Сорожкин); социальной адап-

тации (Н.Г. Гаранян); наличие завышенных стандартов деятельности и важность соответствия им (А.Б. Холмогорова); субъектной позиции учащегося, формируемой в процессе обучения (О.Н. Кузнецова) [4; 5; 7].

Несмотря на высокую вариативность проявлений данного явления, обобщение исследовательских материалов позволяет констатировать, что перфекционизм рассматривается с двух полярных позиций: адаптивный и дезадаптивный; функциональный и дисфункциональный; здоровый и деструктивный.

Структура перфекционизма наиболее полно рассмотрена в работах П. Хьюита и Г. Флетта и содержит три блока: ориентация на себя; ориентация на других и социально предписанный перфекционизм.

В содержательном наполнении блока перфекционизма «ориентированного на себя» находят отражение способности к рефлексии, самокритике, постановке труднодостижимых целей и готовности к проявлению усилий по их достижению, мотивации самосовершенствования. При определенных условиях может переходить в чрезмерную самокритику и неприятие собственных неудач. Данный вид перфекционизма наиболее часто встречается у людей академически успешных, обладающих высоким уровнем стремления быть совершенными.

Перфекционизм «ориентированный на других» предполагает наличие высоких требований по отношению к окружающим, нетерпимость к чужим ошибкам.

Перфекционизм «социально предписанный» основан на убеждении личности в том, необходимо соответствовать завышенным стандартам, определенными для нее окружающими. Доминирует мотивация избегания неудач, получения одобрения.

В современной образовательной практике проблема перфекционизма и его взаимосвязи с самореализацией студента – будущего специалиста – приобретает большое значение в связи с неуклонно усложняющимися условиями реализации профессиональной деятельности, многофакторным воздействием профессионально обусловленных психологических и социальных рисков и необходимостью мобильной адаптации и эффективного развития специалистов.

Целью исследования является определение исходного уровня развития характеристик в структуре перфекционизма, определяющих кон-

структивный или деструктивный путь (неприятие ценностей и норм коллектива, стремлением «быть как все», нарушение эффективной коммуникации) в развитии мобильности будущего специалиста железнодорожного транспорта и их соотношения с уровнем социально-психологической адаптации.

Методы исследования. В исследовании приняли участие студенты четвертого курса Самарского государственного университета путей сообщения (СамГУПС) (96 человек). Выбор данной совокупности обусловлен завершением социальной адаптации студентов к вузовским формам и видам обучения, вхождением в новый коллектив, принятием норм и правил студенческого сообщества и вхождением в профессиональную деятельность в процессе производственных практик (формирование реальных представлений о содержании будущей профессии, корпоративных требований, необходимых компетенций) [2]. Использовались диагностические опросники, рекомендованные в специальной литературе («Социально-психологической адаптации» (Роджерс - Даймонд), русскоязычный вариант методики А.К. Осницкого и «Многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта – Г. Флетта», адаптированная И.В. Грачевой).

Выявлялся уровень сформированности следующих показателей: дезадаптивности, определяющей низкий уровень приспособления к условиям социума, неопределенность в области принятия решений при достижении цели или при наличии двух и более целей; самооценка, как критерий принятия не принятия себя; уровень потребности в общении и совместной деятельности; эмоциональная комфортность или дискомфортность (отношение к действительности, окружающим предметам и явлениям); предрасположенность к определенной форме локуса контроля (интернальный – ответственность за результаты деятельности и происходящие события относится большим образом к собственному поведению, наличию способностей, особенностям характера и др.; экстернальный – склонность приписывать ответственность за происходящее внешним факторам); лидерские качества; «ведомость» и «эскапизм» являются показателями избегания, направленности на исполнительскую деятельность.

Для проведения сравнительного анализа показатели адаптивности соотносились с показателями перфекционизма.

Результаты исследования. Анализ полученных результатов исследования позволил выявить процентное распределение студентов в группах с низкой (29,1%), средней (37,5%) и высокой (33,3%) степенью социально-психологической адаптации (диаграмма 1).

Обобщая полученные данные можно констатировать, что более 67% студентов имеют те или иные проявления дезадаптивности. Группе с высоким уровнем социально-психологической адаптации соответствует средний уровень перфекционизма. 81,25% из данной выборки имеют показатели перфекционизма ориентированного на себя. 18,75% ориентированы на других.

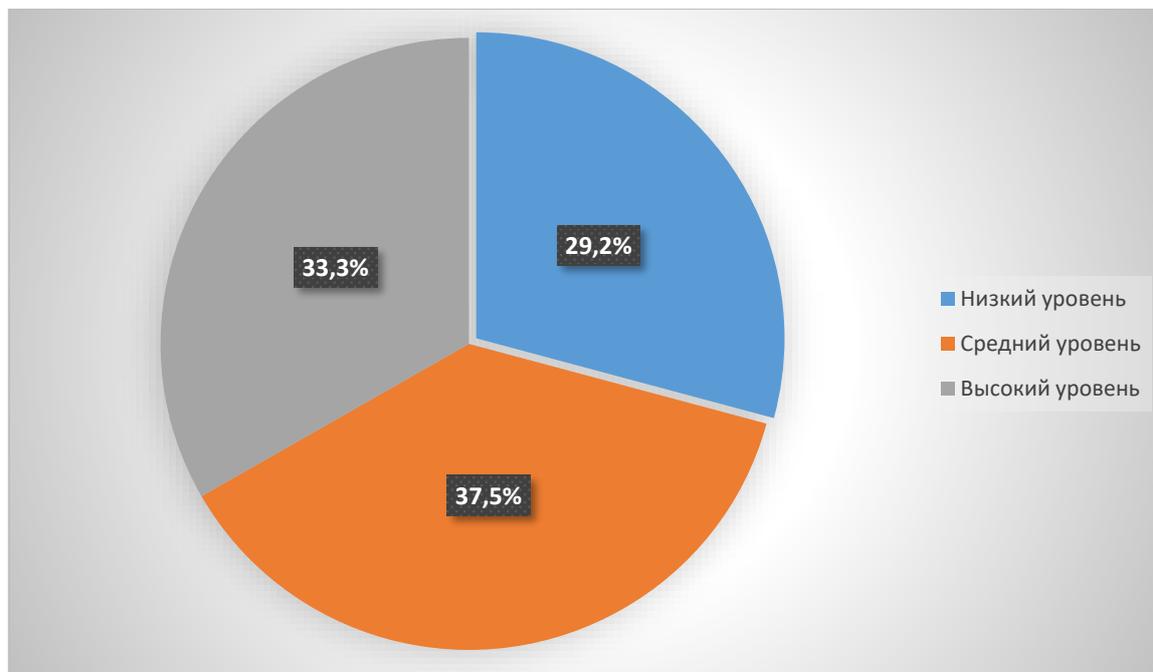
Характерными чертами данной группы являются: предъявление высоких требований к себе; в качестве образца (идеальной цели) выбирают деятельность, позволяющую достичь высоких результатов; наличие способности к анализу обстоятельств, необходимых для нахождения реальных и перспективных решений для достижения поставленных целей; обладают высокой коммуникацией и лидерскими качествами. Данная интеграция способностей предполагает наличие социально-психологической готовности к условиям реализации профессиональной деятельности специалистов на железнодорожном транспорте, которые характеризуются высоким уровнем изменчивости и профессиональных рисков, связанных с необходимостью принятия решений, организации взаимодействий в рабочих группах в нестандартных ситуациях, в ограниченных отрезках времени и наличием высокой личной ответственности. Ориентация на мотивацию достижения повышает самооценку студентов, способствует наличию эмоционального комфорта и говорит о формировании позитивного (здорового) перфекционизма.

Группе со средним уровнем адаптации свойствен высокий уровень перфекционизма. 33,3% студентов данной группы «ориентированы на себя», но завышенная потребность в самоутверждении и независимости приводит к возникновению конкурентных отношений и нарушению коммуникаций в студенческом сообществе. 22,2% с перфекционизмом ориентированным на других обладают склонностью к непринятию чужих оши-

бок, что может в дальнейшем приводить к ожиданию негативной оценки себя со стороны других. 41,4% студентов с социально предписанным перфекционизмом концентрируются на действиях, соответствующих ожиданиям других (родителей,

преподавателей, сокурсников). У них преобладает мотивация избегания неудач, что в свою очередь может способствовать нарастанию тревожности и в некоторых случаях агрессивности.

Диаграмма 1. Распределение студентов СамГУПС по уровню социально-психологической адаптации (Distribution of SamGUPS students by the level of social and psychological adaptation)

Группе с низким уровнем адаптации соответствует низкий уровень перфекционизма. Доминирующими чертами данной группы являются: непоследовательность в действиях по достижению целей, низкий уровень рефлексии; спонтанное планирование деятельности, результатом которого является низкая академическая успеваемость и нестабильное посещение учебных занятий, прокрастинация (откладывание даже очень важных дел до момента дедлайна). Полученные данные подтверждаются низкими показателями всех трех видов перфекционизма у 42,8%; 35,7% и 21,4% соответственно.

Выводы. Полученные материалы позволили сформулировать гипотетическую позицию для продолжения исследования: профессиональная мобильность будущих специалистов железнодорожного транспорта представляется интегратив-

ной характеристикой личности в составе показателей позитивного (здорового) перфекционизма. Данная характеристика обеспечивает уровень оптимальной адаптации и дальнейшего профессионального развития данных специалистов в условиях высокой социально-психологической рискогенности их профессиональной деятельности. Целенаправленному развитию профессиональной мобильности студентов – будущих специалистов железнодорожного транспорта – будут способствовать активные формы и средства обучения (мультимедийные технологии, интерактивные средства, проектная деятельность, моделирование и ролевое распределение), стимулирующие мотивацию на достижение успеха, развитие навыков конструктивного общения, лидерских качеств и способностей к постановке и достижению целей.

1. Белов, Д. О., Логинов, Н. В., Бродецкий, А. Б. Основные тенденции развития профессиональной подготовки в транспортных вузах // «Наука и культура России», XVII Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 26–27 мая 2020 г. – Самара: СамГУПС, 2020. – С. 222–224.
2. Васельцова, И. А., Игошкин, А. Н., Логинов, Н. В. Механизмы формирования адаптации студентов к вузовским формам и видам обучения // Наука и образование транспорту. – 2017. – № 2. – С. 184–186.

3. Васельцова, И.А., Бродецкий, А.Б., Петров, С.А. Профессиографический анализ инженерно-технической деятельности на предприятиях железнодорожного транспорта в аспекте формирования психофизической надежности специалистов // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». 2016. – № 8 (138). – С. 40-45.
4. Гаранян, Н. Г. Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
5. Жебрун, Я. О. Особенности коррекции самооношения у лиц с Я-ориентированным перфекционизмом // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 5. – С. 23–27.
6. Жукова, Е. И. Психофизиологическая подготовка будущих инженеров железнодорожного транспорта как потребность современной профессиональной деятельности // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – 2019. – № 39 (58). – С. 77–85.
7. Кашина, О. П. Проблема перфекционизма и нарциссизма в современном обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2010. – № 2. – С. 41-46.
8. Чуб, Я. В. Формирование общепрофессиональной компетентности студентов средствами учебной дисциплины «Физическая культура» / Я. В. Чуб, В. П. Овечкин // Вестник высшей школы. – 2015. – № 3. – С. 79 – 82.
9. Vaseltsova, I., Belov, D., Zolkin, A. [et al.]. Essence and Structure of Professional Reliability of Railway Transport Specialists // Transportation Research Procedia: 12. 2021. P. 234-239. – DOI: 10.1016/j.trpro.2022.01.039
10. System of formation of psychophysical potential of transport industry specialists' development / I. A. Vaseltsova, N. V. Loginov, A. L. Zolkin [et al.] // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: AmurCon 2021: International Scientific Conference, Birobidzhan, 17 декабря 2021 года. Vol. 126. – Birobidzhan: European Publisher, 2022. – P. 1034-1040. – DOI 10.15405/epsbs.2022.06.114. – EDN CEANZQ.

PERFECTIONISM IN THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL MOBILITY OF STUDENTS – FUTURE RAILWAY WORKERS

© 2022 I.A. Vaseltsova, L.B. Ananiev, V.V. Zaitsev

*Irina A. Vaseltsova, Phd of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Physical Education and Sports*

E-mail: irina_vaseltsova@mail.ru

Lev B. Ananiev, Senior Lecturer

Department of "Physical education and sport"

E-mail: ananev_lb@mail.ru

Vladislav V. Zaitsev, postgraduate student

E-mail: micfireboxer@yandex.ru

Samara State Railway University

Samara, Russia

Railway transport is a highly scientific segment of the transport industry. The high rate of technical, technological, informational, socio-economic and structural changes in the industry complicates the process of professionalization of young specialists, consisting of two main stages: professional adaptation and professional development. A specific feature of the personnel policy of the Joint Stock Company "Russian Railways" (JSCo "RZD") is the systematic horizontal and vertical rotation of personnel. This makes it possible to activate the internal activity of employees aimed at replenishing specialized knowledge and skills, but increases the level of influence of socio-psychological risks associated with joining a team, effective communication, maintaining labor discipline, making professional decisions in conditions of high personal responsibility. This situation necessitates the formation of professional mobility of future railway transport specialists as an integrative personality characteristic that allows them to successfully implement administrative and managerial functions. The totality of qualities that motivate development, improvement, self-realization and effort includes the phenomenon of perfectionism. The results of a pilot study of the initial level of development of characteristics in the structure of perfectionism and their correlation with the level of socio-psychological adaptation proved the need for the formation of indicators of positive (healthy perfectionism) in the process of professional training of students. The study involved 4th year students of the Samara State Railway University (96 people). The purposeful development of professional mobility of students-future specialists of railway transport will be facilitated by active forms and means of education (multimedia technologies, interactive tools, project activities, modeling and role distribution), stimulating motivation to achieve success, developing constructive communication skills, leadership qualities and abilities to stage and achieving goals.

Keywords: professional activity of railway transport specialists, professional mobility, socio-psychological adaptation, perfectionism

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-34-39

1. Belov, D. O., Loginov, N. V., Brodetskiy, A. B. Osnovnyye tendentsii razvitiya professional'noy podgotovki v transportnykh vuzakh (Main trends in the development of professional training in transport universities) // «Nauka i kul'tura Rossii», XVII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Nauka i kul'tura Rossii», 26–27 maya 2020 g.– Samara: SamGUPS, 2020. – S.222–224
2. Vasel'tsova, I. A., Igoshkin, A. N., Loginov, N. V. Mekhanizmy formirovaniya adaptatsii studentov k vuzovskim formam i vidam obucheniya (Mechanisms for the formation of students' adaptation to higher education forms and types of education) // Nauka i obrazovaniye transportu. – 2017. – № 2. – S. 184–186.
3. Vasel'tsova, I. A., Brodetskiy, A. B., Petrov, S. A. Professiograficheskiy analiz inzhenerno-tekhnicheskoy deyatel'nosti na predpriyatiyakh zheleznodorozhnogo transporta v aspekte formirovaniya psikhofizicheskoy nadezhnosti spetsialistov (Professional analysis of engineering and technical activities at railway transport enterprises in the aspect of the formation of psychophysical reliability of specialists) // Nauchno-teoreticheskiy zhurnal «Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta». – 2016. – №8 (138). – S. 40-45.
4. Garanyan, N. G. “Psychological models of perfectionism“, Questions of psychology. – Vol. 5. – Pp. 74-83.
5. Zhebrun, Ya. O. “Features of correction of self-attitude in persons with self-oriented perfectionism“, Higher school bulletin of the Buryat State University. – No. 5. – S. 23-27.
6. Zhukova, E. I. (2019), “Psychophysiological training of future engineers of railway transport as a need for modern professional activity“, Higher school bulletin of the Vladimir State University by Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. – No. 39 (58). – Pp. 77–85.
7. Kashina, O. P. (2010) “The problem of perfectionism and narcissism in modern society“, Higher school bulletin of the Nizhny Novgorod University.by N. I. Lobachevsky. Ser. Social sciences. – Vol. 2. – Pp. 41-46.
8. Chub, Ya. V. “Formation of general professional competence of students by means of the discipline "Physical culture“, Ya. V. Chub, VP Ovechkin, Higher school bulletin. – No. 3. – Pp. 79 - 82.
9. Vaseltsova, I., Belov, D., Zolkin, A. [et al.]. Essence and Structure of Professional Reliability of Railway Transport Specialists // Transportation Research Procedia: 12. 2021. P. 234-239. – DOI: 10.1016/j.trpro.2022.01.039
10. System of formation of psychophysical potential of transport industry specialists' development / I. A. Vaseltsova, N. V. Loginov, A. L. Zolkin [et al.]// European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: AmurCon 2021: International Scientific Conference, Birobidzhan, 17 декабря 2021 года. Vol. 126. – Birobidzhan: European Publisher, 2022. – P. 1034-1040. – DOI 10.15405/epsbs.2022.06.114. – EDN CEANZO.

УДК 378.147 (Методы обучения. Формы преподавания)

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО КРУЖКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

© 2022 О.З. Титова, Ю.А. Фомина

*Титова Оля Зокировна, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры философии и общегуманитарных дисциплин*

E-mail: olya-titova-2012@mail.ru

Фомина Юлия Александровна, курсант 2 курса 1 взвода

E-mail: yliafom2003@mail.ru

Самарский юридический институт ФСИН России

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 11.10.2022

Статья посвящена организации научного кружка по русскому языку для курсантов ведомственных вузов ФСИН России. Авторы обосновывают преимущества участия в научном кружке, приводят упражнения, направленные на формирование словарного запаса, подчеркивает необходимость совершенствования коммуникативных умений. В качестве примера упражнений приводятся задания теме «Приставки со значением отрицания». Авторы приходят к выводу о том, что при выполнении упражнений происходит обогащение лексического запаса обучающихся словами, включающими наиболее частотные интернациональные префиксы, знакомство с латинскими словами, понимание процесса заимствования слов. Следует отметить, что участие в научном кружке по русскому языку повышает общий и культурный уровень будущих выпускников вузов ФСИН России, знакомит с различными языковыми явлениями, формирует речевую культуру. Участие курсантов в работе научного кружка по русскому языку позволяет осмыслить русский язык как главное культурное и национальное достояние страны, понять его эстетическую значимость, развивать собственные коммуникативные навыки, стремиться к соблюдению языковых норм в профессиональном и обычном общении. Умение говорить правильно является условием престижа каждого сотрудника в отдельности и эффективной деятельности уголовно-исполнительной системы в целом.

Ключевые слова: обучающиеся, учебная дисциплина «Русский язык в деловой документации», научный кружок, формирование коммуникативных навыков, языковая подготовка

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-40-44

Введение. Перед образовательными организациями ФСИН России стоит задача подготовить высококвалифицированные кадры для уголовно-исполнительной системы, обладающие универсальными и общепрофессиональными компетенциями, способные осуществлять коммуникацию на высоком уровне в профессиональной деятельности и повседневной жизни [6, с. 148].

Сотрудник ФСИН наряду со специальными знаниями и умениями должен обладать широким спектром профессиональных качеств, не связанных напрямую с правоведением. К их числу относится умение говорить правильно, грамотно, с точки зрения современного русского литературного языка, в соответствии с определённым стилем оформлять свою речь в письменном виде [2, с. 63]. Владение устным и письменным словом становится существенным кри-

териум квалифицированности специалиста, а успешность его деятельности зависит от того, каков его словарный запас, в какой степени он владеет словом, знает его особенности, насколько глубоко разбирается в его семантической структуре, объеме заложенной в нем информации, в его тематических, ассоциативных связях с другими словами.

Профессиональное образование осуществляется не только посредством лекционных, семинарских, практических занятий, прохождением практики в исправительных учреждениях, но и участием обучающихся в научно-исследовательской деятельности. В ведомственных вузах ФСИН России данное направление реализуется согласно Положению о научном кружке курсантов и студентов вуза.

В данной статье мы рассмотрим организацию и проведение научного кружка в вузах ФСИИ России в рамках изучения дисциплины «Русский язык в деловой документации».

Методы исследования. При подготовке нижеизложенного материала используются, кроме общенаучных и практико-педагогических, такие методы исследования, как информационно-аналитический (анализ и обобщение специализированной литературы). Материалом исследования послужили опубликованные научные работы по рассматриваемой теме и опыт занятий в кружке.

История вопроса. Организация и проведение кружка является эффективной формой научно-исследовательской деятельности. На это указывали Т.В. Воробьева [2], Л.М Карпова [8], собственно кружковой работе посвящены исследования С.И. Каргапольцевой [6], Н.Н. Козинец [10].

Отметим, что научный кружок создается на кафедрах института в целях углубления знаний по изучаемым дисциплинам, привития обучающимся навыков самостоятельной научно-исследовательской работы, развития аналитических способностей, эффективного освоения методов и приемов научных исследований.

Результаты исследования. Работа научного кружка осуществляется на основе плана, разрабатываемого на календарный год с делением на полугодия. План работы научного кружка обсуждается на заседании кружка и утверждается начальником кафедры. Научный кружок должен включать в свой состав не менее 15 обучающихся.

Работа обучающихся в кружке по русскому языку направлена на углубление знаний, полученных на занятиях, развитие коммуникативной компетенции, умение составлять деловую документацию, обогащать знания о понятиях и нормах языка [10, с. 55].

Отметим, что дисциплина «Русский язык в деловой документации» относится к обязательной части Блока 1 в структуре образовательной программы и формирует у обучающихся универсальные и общепрофессиональные компетенции.

Работа в кружке также позволяет изучать темы, не заявленные в тематическом плане изучаемой дисциплины. Так, для обогащения словарного запаса и расширения общего кругозора обучающихся предлагается изучение слов с иноязычными словообразовательными элементами.

Иноязычные префиксы входят в состав многих слов современного русского языка [4, с. 41]. Данные слова представляют различные сферы жизни общества: экономику и политику (гиперинфляция, инфраструктура, вице-спикер, пан-американизм), науку и искусство (иррациональный, субкультура, псевдоготика, постмодернизм), здравоохранение и образование (аритмия, гиповитаминоз, ревакцинация, транскрипция и др.).

Выпускники образовательных организаций ФСИИ России в силу их профессиональной деятельности будут взаимодействовать с людьми разных профессий. Следовательно, умение использовать в речи лексику, представляющую разные сферы жизни общества, поможет сотрудникам уголовно-исполнительной системы в решении их профессиональных задач [11, с. 33].

Изучение слов с иноязычными префиксами предполагает в большей степени работу с различными словарями и источниками. Формат научного кружка удобен для работы с различными языковыми явлениями и позволяет совершенствовать навыки получения и обработки информации. В данной статье рассматриваются приставки со значением отрицания. Отметим, что данная тема касается иностранного языка, а именно английского и латинского. Это объясняется тем, что слова с иноязычными словообразовательными элементами заимствованы в русский язык из английского, который в свою очередь заимствовал их из латинского [3, с. 120]. Руководитель научного кружка приводит сведения обучающимся о вышеупомянутых приставках и предлагает им следующие упражнения:

Задания теме «Приставки со значением отрицания»

1. Объяснить значения слов: *аполитичный, аморфный, аморальный, алогизм.*

2. Определите, в чем суть заболеваний, обозначенных терминами с греческой приставкой А: аритмия, амимия, адинамия, арефлексия.

3. Объясните, в чем состоят различия в значениях слов:

апатия – антипатия; гипертрофия – атрофия – дистрофия.

4. Объясните фонетическую вариативность префикса in:

immedicable /неизлечимый/, illimitable /беспредельный/, irregular /нерегулярный/, imperfect /несовершенный/, invisible /невидимый/.

5. Объясните значение слов *дивергенция*, *дисморфофобия*, *депривация*, *дизъюнкция*, *дислексия*, *дисграфия*? [7, с. 120]

6. Определите значения приставки в следующих английских словах: *disclaim* «отрекаться», *disown* «отрицать», *dispel* «рассеивать», *displease* «неудовольствие», *deprive* «лишать», *dethrone* «свергать с трона», *defreeze* «размораживать», *decolourize* «обесцвечивать», *demagnetize* «размагничивать»

7. С помощью Словаря иностранных слов определите семантику слова *дефолиация* и значение, внесенное в него приставкой.

8. Определите, какое из значений приставки *ДЕ* реализовано в следующих русских словах: *демунциализация*, *дегероизация*, *деидеологизация* [9, с. 162].

9. Образуйте прилагательные со значением «направленный против» от слов: правительство, склероз, материализм, партия, религия, диалектика, коррозия, общество.

10. Сравните слова – синонимы *дистанция* и *расстояние*. Что общего в их морфемном составе?

11. В 70^е годы XX в. из английского языка было заимствовано слово *дисплей*, означающее устройство для вывода результатов обработки

данных из компьютера и отображение их на экране. Английское *to display* означает «показывать, демонстрировать». Какое значение имеет в данном слове приставка *дис-*?

Выводы. При выполнении упражнений происходит обогащение лексического запаса обучающихся словами, включающими наиболее частотные интернациональные префиксы, знакомство с латинскими словами, понимание процесса заимствования слов [1, с. 54].

Следует отметить, что участие в научном кружке по русскому языку повышает общий и культурный уровень будущих выпускников вузов ФСИН России, знакомит с различными языковыми явлениями, формирует речевую культуру [5, с. 220].

Участие курсантов в работе научного кружка по русскому языку позволяет осмыслить русский язык как главное культурное и национальное достояние страны, понять его эстетическую значимость, развивать собственные коммуникативные навыки, стремиться к соблюдению языковых норм в профессиональном и обычном общении [8, с. 3]. Умение говорить правильно является условием престижа каждого сотрудника в отдельности и эффективной деятельности уголовно-исполнительной системы в целом.

1. Введенская, Л. А. Русский язык. Культура речи. Деловое общение: учебник / Л.А. Введенская. – М.: КНОРУС, 2012. – 424 с.
2. Воробьева, Т. В. Формирование профессиональной коммуникативной культуры будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы средствами родного языка с применением исследовательских методов обучения // Вестник Кузбасского института. – 2011. – № 3 (6). – С. 63-67.
3. Земская, Е. А. Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов: дис...канд. филол. наук / Е.А. Земская. – М., 1952. – 230 с.
4. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. Изд. 2-е, стереотипное / Е.А. Земская – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
5. Ивакина, Н. Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина – М.: Юристъ, 2001. – 348 с.
6. Каргапольцева, С. И. Об организации кружковой работы по русскому языку в национальном техническом вузе / С. И. Каргапольцева. – Текст: непосредственный // Образование и воспитание. – 2017. – № 2 (12). – С. 81-82. – URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/56/2180/> (дата обращения: 04.10.2022).
7. Карасик, В. И. Значение слова: определение и толкование / В.И. Карасик // Коммуникативные аспекты значения: Межвуз. сб. науч. Работ. – Волгоград: Изд-во «Волга», 1990. – С. 58-67.
8. Карпова, Л. М. Формирование коммуникативной грамматической компетенции в неязыковом вузе (на материале английского языка). автореферат. дис... канд. пед. наук: 13.00.08 / Л.М. Карпова. – Пятигорск, 2005. – 19 с.
9. Кацман, Н. Л. Латинский язык. – 10-11 кл. (для лицеев и колледжей) / Н.Л. Кацман [и др.] – М.: Владос, 2001-2005. – 192 с.
10. Козинец, Н. Н. Методика проведения занятий кружка в объединениях художественно-эстетической направленности / Н. Н. Козинец, М. В. Аксенова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 6.2 (110.2). – С. 55-57. – URL: <https://moluch.ru/archive/110/27149/> (дата обращения: 10.10.2022).
11. Никитина, Т. В. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции курсантов ведомственных вузов в процессе самообразования // Полицейская деятельность. – 2017. – № 4. – С. 32-47.

**ORGANIZATION OF A SCIENTIFIC CIRCLE ON THE RUSSIAN LANGUAGE FOR CADETS
OF DEPARTMENTAL UNIVERSITIES
OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE**

© 2022 O.Z. Titova, Yu. Fomina

*Olya Z. Titova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of Philosophy and Humanities Disciplines department*

E-mail: olya-titova-2012@mail.ru

Yulia A. Fomina, 2nd year 1st platoon student

E-mail: yliafom2003@mail.ru

Samara Law Institute of the Russian Federal Penitentiary Service
Samara, Russia

The article is devoted to the organization of scientific circle on the Russian language for the cadets of departmental higher educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The author substantiates the advantages of participation in the scientific circle, gives exercises aimed at forming vocabulary, stresses the need to improve language skills. As an example of exercises, assignments to the topic "Prefixes with the meaning of negation" are given. The authors come to the conclusion that when performing exercises, the students' vocabulary is enriched with words that include the most frequent international prefixes, familiarity with Latin words, and understanding of the process of borrowing words. It should be noted that participation in a scientific circle on the Russian language increases the general and cultural level of future graduates of the universities of the Federal Penitentiary Service of Russia, introduces them to various linguistic phenomena, and forms speech culture. The participation of cadets in the work of the scientific circle on the Russian language makes it possible to comprehend the Russian language as the main cultural and national heritage of the country, to understand its aesthetic significance, to develop their own communication skills, to strive to comply with the language norms in professional and ordinary communication. The ability to speak correctly is a condition for the prestige of each employee individually and for the effective operation of the penitentiary system as a whole.

Key words: trainees, academic discipline "Russian language in business documentation", scientific circle, formation of communicative skills, language training

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-40-44

1. Vvedenskaya, L. A. Russkij yazyk. Kul'tura rechi. Delovoe obshchenie : uchebnik (Russian language. Culture of speech. Business communication) / L.A. Vvedenskaya. – Moskva: KNORUS, 2012. - 424 s.
2. Vorob'eva, T. V. Formirovanie professional'noj kommunikativnoj kul'tury budushchih sotrudnikov ugovorno-ispolnitel'noj sistemy sredstvami rodnogo yazyka s primeneniem issledovatel'skih metodov obucheniya (Formation of professional communicative culture of future employees of the penitentiary system by means of the native language with the use of research methods of teaching) // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2011. – № 3 (6). – S. 63-67.
3. Zemskaya, E. A. Voprosy izucheniya pristavochnogo slovoobrazovaniya glagolov (Issues in the study of prefix word formation): dis...kand. filol. nauk / E.A. Zemskaya. — M., 1952. – 230 s.
4. Zemskaya, E. A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' (Word formation as an activity). Izd. 2-e, stereotip- noe / E.A. Zemskaya – M.: KomKniga, 2005. – 224 s.
5. Ivakina, N.N. Osnovy sudebnogo krasnorechiya (Fundamentals of judicial eloquence) / N.N. Ivakina – M.: YUrist", 2001. – 348 s.
6. Kargapol'ceva, S. I. Ob organizacii kruzhkovoj raboty po russkomu yazyku v nacional'nom tekhnicheskom vuze (On the organization of Russian language clubs in a national technical university) / S. I. Kargapol'ceva. — Tekst: neposredstvennyj // Obrazovanie i vospitanie. — 2017. — №2 (12). — S. 81-82. — URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/56/2180/> (data obrashcheniya: 04.10.2022).
7. Karasik, V. I. Znachenie slova: opredelenie i tolkovanie (Meaning: definition and interpretation) / V.I. Karasik // Kommunikativnye aspekty znacheniya: Mezhdvuz. sb. nauch. Rabot. – Volgograd: Izd-vo «Volga», 1990. – S. 58-67.
8. Karpova, L. M. Formirovanie kommunikativnoj grammaticheskoy kompetencii v neyazykovom vuze (Formation of communicative grammatical competence in a non-language university) (na materiale anglijskogo yazyka). avtoreferat. dis... kand. ped. nauk: 13.00.08 / L.M. Karpova. – Pyatigorsk, 2005. – 19 s.
9. Kacman, N. L. Latinskij yazyk. (Latin Language. - 10th-11th grades) – 10-11 kl. (dlya liceev i kolledzhej) / N.L. Kacman [i dr.] – M.: Vados, 2001-2005. – 192 s.

10. Kozinets N. N., Aksenova M. Methodology of the circle classes in the associations of artistic and aesthetic orientation. - Text: immediate // Young scientist. — 2016. — № 6.2 (110.2). — С. 55-57. — URL: <https://moluch.ru/archive/110/27149/> (date of reference: 10.10.2022).
11. Nikitina T. V. Formirovanie professional'noj kommunikativnoj kompetencii kursantov vedomstvennyh vuzov v processe samoobrazovaniya (Formation of professional communicative competence of departmental university cadets in the process of self-education) // Policejskaya deyatel'nost'. — 2017. — № 4. — С. 32-47.

УДК 821.161.1 (Русская литература)

ХАОС «ГОРИЗОНТОВ ОЖИДАНИЙ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

© 2022 Е.А. Горбаренко

*Горбаренко Екатерина Алексеевна, старший преподаватель
кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин*

E-mail: romanovakaterina@list.ru

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 25.10.2022

В статье предлагается совершенно новый для достоевсковедения ракурс исследования художественного творчества Достоевского, конкретно – одного из романов «великого пятикнижия» - романа «Бесы». Понятие «горизонты ожиданий», которое используется в представленном исследовании, получило свое обоснование в рамках рецептивной эстетики Г.Р. Яусса. В работах Яусса основное внимание уделяется особенностям читательского восприятия текста. В нашем исследовании мы предлагаем расширить возможности данного подхода. Поэтому понятие «горизонт ожиданий» используется нами применительно не только к уровню читательского восприятия текста, но и к «ожиданиям» писателя и героев романа. С этой целью привлекаются черновые варианты текста, которые помогают проследить динамику авторского замысла и, соответственно, смену «горизонтов ожиданий» писателя. Не менее важным представляется анализ «горизонтов ожиданий» наиболее важных героев, их смену, взаимное пересечение или подмену. Это позволяет, во-первых, по-новому осмыслить сюжетные роли основных героев романа (Степана Трофимовича Верховенского, Ставрогина, Петра Верховенского, Шатова, Кириллова), а также ряда женских персонажей, и, во-вторых, расширить имеющиеся в достоевсковедении представления о концептуальном значении каждого художественного образа в романном целом.

Ключевые слова: рецептивная эстетика, читательская рецепция, сюжет, «горизонты ожиданий», центральный художественный образ

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-45-52

Введение. В настоящее время назрела необходимость современного прочтения творческого наследия Федора Михайловича Достоевского. Начиная с конца XX в., отечественное литературоведение и, в том числе, достоевистика, продуктивно осваивало в прикладном виде западную философскую методологию [5]. Рецептивная эстетика как направление в теории литературы возникло в 60–70 годы XX столетия и продолжает пополняться научными работами в основном зарубежных исследователей. Необходимо сразу определить принципиально важное для нас положение: в нашем случае знакомство с теоретическими работами Р-Х Яусса [15] и концепцией рецептивной эстетики [16] послужило стимулом для формирования собственного литературоведческой концепции, апробацию которой мы предлагаем на основе анализа романов Ф. М. Достоевского.

Методы исследования. Методологическим основанием для исследования текстов Достоевского для нас является сочетание нескольких аналитических методов. По отношению к роману «Бе-

сы» наиболее продуктивными, на наш взгляд, являются:

1. проблемно-тематический (анализ тематики и проблематики произведений писателя в свете особенностей его миропонимания);
2. историко-литературный (исследование произведений писателя в контексте его творчества);
3. аксиологического (интерпретация поведения героев романов в свете актуальных ценностей и идеалов [2]).

В качестве общих ориентиров использованы рекомендации герменевтической школы (П. Рикёр [13]).

История вопроса. Понятие «горизонты ожиданий» является, как известно, ключевым в теории восприятия Х.-Р. Яусса и используется в рецептивной эстетике. Между тем, сам Х.-Р. Яусс, известный историк и теоретик литературы, по его признанию, заимствовал это понятие из работ социолога Карла Маннгейма и философа Карла Поппера: «Поппер рассматривает «гори-

зонт ожидания» как предпосылку наблюдения, а такой разворот проблемы наблюдения дает основание сопоставить его с моей попыткой определить специфическую роль литературы в общем процессе формирования опыта <...>. По Попперу, прогресс в науке и донаучный опыт объединяет то, что каждой гипотезе, как и каждому наблюдению, всегда предшествуют ожидания, «и именно те, которые конституируют горизонт ожидания, собственно, и делающий значимыми наблюдения <...>» [11]. Для прогресса науки, как и для практики жизненного опыта, весьма существенным моментом является «разочарование в ожиданиях» [16].

Мы предлагаем использовать это понятие в более широком значении, нежели Г.Р. Яусс, который рассматривал в рамках рецептивной эстетики «горизонты ожиданий» у читателя, то есть уделяя внимание прежде всего проблеме рецепции текста. На наш взгляд, «горизонты ожиданий» образуются и меняются не только у читателя, но и у автора и, конечно, у героев произведения. Нас интересуют прежде всего герои романов Ф.М. Достоевского, их субъективные «ожидания», сбывшиеся и несбывшиеся. Не менее важное значение имеет «репутация» героя в глазах автора и читателей, которая может быть внутренне противоречивой либо динамично меняющейся по ходу развития сюжета или оформления творческого замысла.

Результаты исследования. Роман «Бесы» занимает свое уникальное место с точки зрения нашего исследования. В «Преступлении и наказании» центральные герои – Раскольников и Соня Мармеладова – являют собой персонализированное конфликтное противостояние основных различающихся «горизонтов». В романе «Идиот» князь Мышкин – представляет собою персонализированное средоточие очень разных «горизонтов ожиданий» для остальных персонажей. В романе «Подросток» главный герой также безусловен и подразумевается уже в названии. В итоговом произведении основные герои также обозначены в названии – это все «братья Карамазовы».

С романом «Бесы» всё сложнее. Не случайно Л.И. Сараскина отмечала, что это «самый спорный, самый многострадальный» роман писателя [14]. Основанием к такому выводу служит сама история создания произведения [2, т. 12]. Работа над романом на стадии меняющихся один за

другим творческих планов шла у Достоевского более года, с 1869 по 1871 гг. Примечательно, что в ходе этого творческого процесса менялись и претенденты на роль главного героя.

Первоначально «эти планы объединяет памфлетная направленность замысла. Главные герои памфлета – Грановский и его сын, Нечаев. Образ Князя играет в планах второстепенную роль. Своеобразие и значительность образ этот начинает приобретать в записях второй половины февраля 1870 г.» [2, т. 12, с. 173]. Здесь упомянуты два прототипа (Грановский и Нечаев), которых в романе сменяет отец и сын Верховенские. Что касается «Князя», то в романе это будет Николай Ставрогин (уже без «княжеского» статуса). Одна из позднейших его характеристик в черновых авторских записях заканчивается обобщением: «ИТАК, ВЕСЬ ПАФОС РОМАНА В КНЯЗЕ, он герой. Всё остальное движется около него, как калейдоскоп» [2, т. 11, с. 136]. Автор Комментариев к роману, Н.Ф. Буданова, делает вывод, что «творческие искания Достоевского весной 1870 г. подготовили совершившийся летом 1870 г. коренной перелом в творческой истории романа, в результате которого политический памфлет соединился с романом-трагедией, а *центральным персонажем «Бесов» стал Ставрогин*» [2, т. 12, с. 183].

Мы остановили внимание на истории замысла, потому что статус «центрального героя» в «Бесах» можно еще уточнять. Самому Ф.М. Достоевскому могло казаться (и это отражалось в черновых записях), что он с главным героем окончательно определился – это Ставрогин. Однако художнический инстинкт не позволял писателю отодвинуть на второй план других претендентов, это касается прежде всего Степана Верховенского. В этом отношении нам представляются убедительными суждения Н.А. Макаричевой. Имея в виду аргументы в пользу Ставрогина как центрального героя, она указывает: «В целом принимая приведенную логику, нельзя не заметить, что в ней образу Степана Верховенского отводится почти служебная роль (родитель Петра и домашний воспитатель Николеньки Ставрогина). Между тем, это несправедливо. Если оставаться в рамках романа, то сопоставление сюжетных судеб Степана Верховенского и Николая Ставрогина позволяет прямо соотносить их образы как в равной мере, хотя и по-разному – *центральные* для этого произведения» [8].

Таким образом, в связи с переменами авторского замысла, с неизжитым до конца статусом главного героя обнаруживаются подвижные «горизонты ожиданий» самого Достоевского. В зависимости от того, кто на данный момент занимает место главного героя, творческая энергия Достоевского направляется то по одному вектору, то по-другому.

В окончательном тексте романа такая исходная переменчивость не только оставила свой след, но обусловила, на наш взгляд, важную составляющую концепции произведения в целом. Обозначенное в названии явление – это *бесовщина*, или *одержимость*, которая по-разному и в разной степени овладевает едва ли не всеми персонажами романа. Здесь нет *полноценных* персонифицированных «горизонтов» (как Раскольников или князь Мышкин), то есть таких героев, к кому интерес остальных персонажей не остывал бы или не менялся бы кардинально. В то же время личностных «горизонтов», характерных для того или иного персонажа, порой даже слишком много: они чередуются и мешаются друг с другом. Хорошо передает эту особенность слово из черновых записей Достоевского, где про Степана Верховенского сказано, что он «не поддался новым идеям и остался верен старому идеальному сумбуру» [22, т. 11, с. 176].

Ближайшие «горизонты ожиданий» часто оборачиваются в романе обманчивыми «псевдогоризонтами», что вполне соответствует «бесовщине», на которую указывает не только название романа, но и один из эпиграфов, из пушкинских «Бесов»: «Хоть убей, следа не видно, / Сбились мы, что делать нам? / В поле бес нас водит, видно, / Да кружит по сторонам...» [2, т. 10, с. 7].

Н.А. Макаричева в своем исследовании применительно к «Бесам» удачно ввела в обиход понятие «гендерной валентности», имея в виду отношения героев с женщинами. Согласно ее наблюдениям, в этом романе есть персонажи «многовалентные» (Степан Верховенский и Николай Ставрогин), и напротив, персонажи с «нулевой валентностью» [8, с. 178–179]. В свете нашей темы здесь возможна аналогия с вариативностью «горизонтов ожиданий» у разных персонажей романа. Только «нулевой валентности» (то есть полного отсутствия «горизонтов ожиданий») в романе «Бесы» почти не наблюдается. Таких «горизонтов», даже персонифицированных, по ходу сюжета может обнаружиться всего два или три. Но их сочетаниям в одном

«лице» свойственна *сумбуристность*.

Хорошей иллюстрацией к этому служит образ генеральши Варвары Ставрогиной. С одной стороны, ее устремления охарактеризованы очень обобщенно: «Это была женщина-классик, женщина-меценатка, действовавшая в видах *одних лишь высших соображений*» [2, т. 10, с. 12]. С другой стороны, не столько ее «соображения», сколько фантазии ищут и находят персонифицированные воплощения. Вначале она избирает своим «горизонтом ожиданий» давнего друга Степана Верховенского. Он «стал наконец для нее ее сыном, ее созданием, даже, можно сказать, ее изобретением, стал плотью от плоти ее <...> Она его выдумала и в свою выдумку сама же первая и уверовала. Он был нечто вроде какой-то ее мечты» [2, т. 10, с.16].

Затем, даже еще без утраты прежнего «горизонта», возникает новый, олицетворенный в сыне Николае Ставрогине: «...сын явился пред нею теперь как бы в виде *новой надежды и даже в виде какой-то новой мечты*» [2, т. 10, с. 38]. Примечательно, что в отношениях Варвары Ставрогиной как к «давнему другу» Степану Верховенскому, так и к своему сыну повторяется мотив «рабства». Только при этом он как бы *переворачивается*: от друга она требует «даже рабства»; а к сыну сама относится «словно раба». Дело, на наш взгляд, в том, что оба эти персонифицированные «горизонты» в ее воображении оказываются нестойкими и даже взаимозаменяемыми.

Степан Верховенский сумел вырваться из «рабства» и в «новый путь», на котором его подстерегали болезнь и гибель. Последнее же примирение у него с генеральшей состоялось, когда она хватилась «друга» и настигла его на «большой дороге», но уже на смертном одре. Это способствует и освобождению (правда, временному) Варвары Петровны от рабства перед другим ее мнимым «горизонтом», воплощенном в Николае Ставрогине.

Однако и в этом случае всё оборачивается самообманом. Генеральша недолго способна оставаться «на саму себя», без «горизонтов» как жизненных ориентиров. Когда Николай Ставрогин письмом зовет за собой в Швейцарию беззаветно преданную ему Дарью Шатову, то и Варвара Петровна намерена следовать за ними. Помимо этих двух персонифицированных «горизонтов ожиданий» на Варвару Ставрогину постоянно оказывают влияние другие манящие цели и «проекты». В этом отношении она тоже как бы *многовалентна* и потому не способна выбраться из пау-

тины своих и чужих «горизонтов».

Например, был в череде ее увлечений «идейный период»: «...кроме фактов явились и какие-то сопровождавшие их идеи, и, главное, в чрезмерном количестве. <...> Решено было ехать в Петербург без малейшего отлагательства, разузнать всё на деле, вникнуть лично и, если возможно, *войти в новую деятельность всецело и нераздельно*. Между прочим, она объявила, что готова основать свой журнал и *посвятить ему отныне всю свою жизнь*. <...> Всё, однако, <...> лопнуло, как радужный мыльный пузырь. Мечты разлетелись, а сумбур не только не выяснился, но стал еще отвратительнее» [2, т. 10, с. 20–21]. Характерно, что «проект» генеральши Ставругиной возник на пересечении и смене двух ее персонализированных «горизонтов». Надежды на Степана Верховенского потускнели, а на сына Николая, напротив, – обострились. Между тем, пошли слухи, что Ставругина и воспитанницу генеральши Дарью связывают некие тайные «чувства». Она «...мысли она не могла допустить, чтоб ее Nicolas мог увлечься ее... «Дарьей»» [2, т. 10, с. 56]. Так и рождается взбалмошный проект генеральши – сделать Степана Трофимовича и Дарью «горизонтами ожиданий» друг для друга, то есть сочетать узамы брака, притом добровольного. И она их обоих изобретательно *уговаривает*.

Примечательно, что ее уговоры во многом сходны с тактикой Петра Верховенского, когда он почти принуждает членов «пятерки» к участию в убийстве Ивана Шатова. Он, как и она, навязывает им свой личный «горизонт». Но такая манипуляция людьми срабатывает только на ближайшую перспективу. Этот «проект» тоже «лопнул как радужный мыльный пузырь» прямо в день его обнародования. Главную роль сыграло то, что «горизонт» Варвары Петровны пересекся и вошел в противоречие с планами Петра Верховенского и Николая Ставругина на будущее. И Петр, как более умелый манипулятор и искусный в интригах персонаж, легко одержал верх.

Наибольшее влияние на окружающих (особенно женщин) оказывает в романе Николай Ставругин. Среди его «побед» – Марья Шатова, Лиза Дроздова, Марья Лебядкина и девочка Матреша. Всех женщин Ставругин довел до гибели. Поэтому можно считать, что в этом герое воплотился их «гибельный горизонт».

В этой связи особенно примечательна Марья Лебядкина, или «Хромоножка». Для Ставругина она – никакой не «горизонт», а лишь подвернувшаяся жертва, прихоть его многовалентного сладострастия. С ее же стороны различимы признаки *одержимости*, притом даже и в значении психиатрическом. Развитие их взаимоотношений проходит по сюжету несколько стадий. Первая известна в двух трактовках, от лица Петра Верховенского и Кириллова. Верховенский: «Лебядкина, которой одно время слишком часто пришлось встречать Николая Всеволодовича, была поражена его наружностью. Это был, так сказать, бриллиант на грязном фоне ее жизни <...> А Николай Всеволодович, как нарочно, еще более раздражал мечту: вместо того чтобы рассмеяться, он вдруг стал обращаться к mademoiselle Лебядкиной с неожиданным уважением». Кириллов же считал, что это был новый этюд пресыщенного человека с целью узнать, до чего можно довести сумасшедшую калеку.

Оба интерпретатора – как Верховенский, так и Кириллов – согласны в том, что Марья Лебядкина живет своими большими фантазиями. В первой фазе своего восприятия Ставругина она видит в нем «предел мечтаний», единственный светлый горизонт на мрачном фоне ее жизни. И это завершилась «немыслимым» для многих венчанием. Даже и при новой встрече, после большой паузы, Хромоножка продолжает видеть в Ставругине своего кумира, хотя в ее впечатления уже проникают противоречивые мотивы: «...и испуг и восторг» [2, т. 10, с. 146].

Переворот происходит в последней фазе, когда в больном сознании Марьи Лебядкиной светлый горизонт сталкивается с обратным по значению. И это, как ни парадоксально, делает Хромоножку прозорливой носительницей народной правды. В результате она обвиняет Ставругина, который будто бы подменил в ее воображении прежнего кумира:

«Похож-то ты очень похож, может, и родственник ему будешь, – хитрый народ! Только мой – ясный сокол и князь, а ты – сын и купчишка! <...> Прочь, самозванец! – повелительно вскричала она» [2, т. 10, с. 219].

Это будет стоить ей жизни, потому что последующее ее убийство инспирировано Ставругиным.

Одержимы Ставругиным и мужские персона-

жи. Например, Петр Верховенский видит в нем возможного и желанного вождя революционных потрясений. Петр Верховенский, как и ранее Лебядкина, также *выдумал себе* Ставрогина, глядя на него «из угла». Для нее он был «ясным соколом и князем», а для Петра Степановича – «Иван-Царевичем». Если Хромоножка обвиняла его в «самозванстве», то теперь Верховенский-младший пытается навязать ему такую роль. И обоих Ставрогин воспринимает *исступленными* фантазерами. А ближе к финалу Петр Степанович вновь напоминает Хромоножку, когда в его восприятии Ставрогин как желанный «горизонт» так же, как у нее, сменяется на противоположный: «Какая вы «ладья», старая вы, дырявая дровяная барка на слом!..» [2, т. 10, с. 408].

Принципиальное отличие Верховенского-младшего от Хромоножки состоит в том, что оба ее «горизонта» были зациклены на Ставрогине, тогда как у Петра Степановича «горизонтов ожиданий» множество, он в этом отношении *многовалентен*. Крупные, масштабные его устремления сочетались с мелкими, и одни служили другим: «У Петра Степановича действительно были некоторые замыслы на родителя. <...> Это нужно было ему для целей дальнейших, посторонних, о которых еще речь впереди. Подобных разных расчетов и предначертаний в ту пору накопилось у него чрезвычайное множество, — конечно, почти все фантастических. Был у него в виду и другой мученик, кроме Степана Трофимовича. Вообще мучеников было у него немало, как и оказалось впоследствии» [2, т. 10, с. 241].

Что касается Ставрогина, то он также способен жить на сочетании и перекрестье разных своих и чужих «горизонтов». В этом его уникальность в романе, потому и не состоялись расчеты Петра Верховенского на него. Ставрогин остается *свободен* даже от собственных, тем более от чужих увлечений, в чем выражается его душевная ущербность. Убедительно прокомментировал это Е.М. Мелетинский: «Ставрогин *совмещает в себе разнообразные и противоречащие друг другу идеи*, к которым при этом практически совершенно равнодушен. Он вместилище *этического хаоса, метания между добром и злом*, между полнейшим атеизмом и верой, силой и бессилием. Он – воплощение русского хаоса в рамках личности, а Пётр Верховенский – сеятель хаоса в общественной жизни» [10, с. 113].

Итак, Ставрогин способен иметь в виду разнообразные «горизонты». Они равновеликие в том отношении, что каждый из них может стать

для кого-то другого *всепоглощающей* целью жизни (или даже смерти). Но сам Ставрогин как «генератор идей» (а вернее, «генератор горизонтов») остается свободен от их влияния. Самого его они не «поглощают» целиком, но ищут выхода, воплощения – и находят своих «носителей». Ставрогин фактически как бы заражает некоторыми своими «идеями-горизонтами» других персонажей. Таковыми в романе являются Кириллов и Шатов, и оба в отношении к «ставрогинским» идеям-горизонтам *одновалентны*. Они *одержимы* этими идеями, устремлены к этим горизонтам.

Кириллов признаёт свою зависимость от Ставрогина лишь однажды в очень лаконичной реплике: «Вспомните, что вы значили в моей жизни, Ставрогин» [2, т. 10, с. 189]. Особенно подробно развернута в романе логика зависимости от Ставрогина его прежнего ученика Шатова, который не так далеко зашел в устремлении к своему «горизонту», как Кириллов – к своему. Поэтому первый из них остается более зависимым, чем второй. В то же время у Шатова заметно двойственное, еще противоречивое отношение к Ставрогину – именно потому, что он готов еще сохранять надежды на «учителя»: «...Я об вас говорю, я вас два года здесь ожидал... <...> Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!..». В то же время у Шатова, как у Кириллова, заметно нарастание скепсиса по отношению к Ставрогину. Тем самым Шатов фактически подвергает «ревизии» и разоблачает прежний, безусловный для себя «горизонт»: «Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастной, зверскою штукой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизнью для человечества? Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения?» [2, т. 10, с. 201, 202].

Другое отличие Шатова от Кириллова состоит в том, что по своим *личностным* возможностям он к финалу романа оказывается *шире* Кириллова. Кириллов поглощен «ставрогинской» идеей и развивает ее дальше, до логического конца, до своего самоубийства. У Шатова же на усвоенной от Ставрогина идее еще не все закончилось в жизни. Накануне гибели Шатову суждено открыть для себя новый, живительный «горизонт», который делает его на несколько часов настоящим счастливым. К нему приезжает его бывшая супруга Мария, ранее обманутая Ставрогиным и беременная от него ребенком, – и Шатов преображается: «Этот сильный и шершавый

человек, постоянно шерстью вверх, вдруг весь смягчился и просветлел. В душе его задрожало что-то необычайное, совсем неожиданное. <...> Марья Шатова вдруг опять в его доме, опять пред ним... этого почти невозможно было понять! Он так был поражен, в этом событии заключалось для него столько чего-то страшного и вместе с тем столько счастья, что, конечно, он не мог, а может быть, не желал, боялся опомниться» [2, т. 10, с. 434].

Под влиянием такого душевного потрясения Шатов избавляется от прежних наваждений и готов вступить на новую дорогу, двигаться к другому «горизонту»: «– Marie, – вскричал он, держа на руках ребенка. – кончено с старым бредом, с позором и мертвечиной! Давай трудиться и на новую дорогу втроем, да, да!..» [2, т. 10, с. 453]. Однако жертва была уже обречена. К тому же не только Иван Шатов, но и его вновь обретенная супруга и только что родившийся ребенок тоже погибли вслед за ним.

Таким образом, Шатов и Кириллов задуманы Достоевским и показаны в романе как незаурядные личности. В них воплотились кардинально разные личностные горизонты Ставрогина. Он, как былой «кумир», заразил их своими идеями, которые в дальнейшем Шатов и Кириллов развивают, живут ими до одержимости. Это тоже своего рода «бесовщина», но питается она глубоким личностным содержанием и энергией. Не случайно сам Ставрогин относится к этим своим последователям серьезно и не без уважения.

Другое дело – Петр Верховенский. К нему Ставрогин относится, напротив, с опаской и не без брезгливости. Он знает цену этому «сеятелю хаоса в общественной жизни». По мнению Николая Всеволодовича, Петр Степанович – «полупомешанный энтузиаст». Тем самым если образ Ставрогина является художественным средоточием разных идейных измерений (горизонтов), то для образа Верховенского-младшего характерна стихийность [9]. Этот герой – носитель стихии бесовщины. «Стихия» заразительна, потому что безличностна. Подобно зловредному вирусу, она поражает самые нестойкие натуры, не имеющие к ней иммунитета. Или даже натуры, уже предрасположенные к восприятию такой стихии. Эта закономерность и отражена в романе.

Петр Верховенский одержим идеей разрушения устоев, потрясения основ, политического

хаоса. Однако само по себе это может и отпугнуть. Тогда нужно замаскировать ее, например, под «горизонты» утопического социализма и самоотверженной борьбы со злом. Хорошо знающий цену подобным социалистическим идеям, Степан Трофимович пронизательно замечает: «Их пленяет не реализм, а чувствительная, идеальная сторона социализма, так сказать, религиозный оттенок его, поэзия его... с чужого голоса, разумеется» [2, т. 10, с. 324]. Сам Петр позднее, в минуту откровенности, признается Ставрогину: «Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха!» [2, т. 10, с. 324]. Именно поэтому он склонен к манипулированию людьми недалекими, нестойкими, и ему легко удается их устремления направить будто бы на благое «общее дело», а конкретно – на убийство Шатова. Наиболее типичные его сторонники – прапорщик Эркель, чиновники Виргинский и Липутин. «Бесовщина» как стихия еще до череды беспорядков и убийств захватила не только последователей Ставрогина и Петра Верховенского. Например, не без влияния Петра Верховенского это коснулось Варвары Ставрогиной: «Казалось, она точно переродилась и из прежней недоступной «высшей дамы» (выражение Степана Трофимовича) обратилась в самую обыкновенную взбалмошную светскую женщину» [2, т. 10, с. 261]. Выразительный сумбур «горизонтов ожиданий» овладел головой губернаторши Юлии Лембке – и тоже не без влияния Петра Верховенского. Амбициозная губернаторша показана в романе взбалмошной дамой, одержимой своей репутацией. Она и объединительница сословий и партий, и воспитательница молодежи, покорительница сердец, и даже спасительница отечества. Под стать своей супруге и губернатор, Андрей Антонович Лембке [12]. Если ей мерещится в губернии «антиправительственный заговор», то ему – городской «бунт». Это его негативный «горизонт ожиданий».

Таким образом, в этом романе Ф.М. Достоевский представил «бесовщину» в широких ее разновидностях – идейную, политическую, личностную, стихийную и прочую. Он видел в ней болезнь своего времени, 1870-х гг. Но, возможно, писатель заглядывал и гораздо дальше. Понятие «горизонта ожиданий» помогает нам увидеть динамику образов романа, подверженность той «бесовщине», которые становятся смертельной для многих из них.

Выводы. Применение понятия «горизонты

ожиданий» при анализе романа «Бесы» позволяет сделать нам ряд важных выводов. Во-первых, анализ истории создания романа и поиски главного героя Ф.М. Достоевским свидетельствуют о том, что «авторские ожидания» неоднократно подвергались корректировке в зависимости от смены концепции романа.

Во-вторых, Ставругину как главному герою романа свойственна уникальная многовалентность по отношению к личным горизонтам ожи-

даний, которая при этом сочетается со свободой от их влияния.

В-третьих, «бесовщина» как стихийное явление, способное захватывать умы и сердца людей, мастерски показана через стихийный характер идейного влияния на окружающих Петра Верховенского. Это обеспечивает ее широкое распространение и высокую степень «заразности», о чем свидетельствуют судьбы Эркеля, Виргинского, Липутина.

1. Буданова, Н. Ф. Бесы (The Possessed) // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. – СПб.: «Пушкинский дом», 2008. – 468 с.
2. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 тт. – Л.: Наука, 1972–1990.
3. Власкин, А. П. Аксиологическая составляющая художественного мира романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / А.П. Власкин // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. (Dostoevsky monographs; Вып.3). – 491 с.
4. Власкин, А. П., Рудакова, С. В. Метасмыслы заглавий романов Достоевского // LIBRI MAGISTRI. – Вып.2 (16). Наследие Ф. М. Достоевского и современность. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И.Носова, 2021. – С. 119–128.
5. Егорова, Л. П. К вопросу о литературоведческой интерпретации и ее исследовательских призмах // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 1 (23). – С. 182–186.
6. История эстетики: Учебное пособие / Отв. ред. В. В. Прозерский, Н. В. Голик. – СПб, 2011. – 702 с.
7. Кожанова, В. Ю. Концепты рецептивной эстетики в интерпретативной парадигме медиатекста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2012. – № 5. – С. 97–107.
8. Макаричева, Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 301 с.
9. Макаричев, Ф. В. Художественная индивидуология Ф. М. Достоевского. – СПб: ЭлекСис, 2016. – С. 122–339.
10. Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского. – М.: РГГУ, 2001. – 187 с.
11. Поппер, К. Объективное знание: Эволюционный подход. – М: Эдиториал УРСС, 1979. – 91 с.
12. Постникова, Е. Г. Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков-Щедрин – Ф. М. Достоевский. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2009. – 230 с.
13. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
14. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. – М.: Сов. писатель, 1990. – 478 с.
15. Яусс, Г. Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова. – М., 2004. – 342 с.
16. Яусс, Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.
17. Jaus, H-R. Question and answer: forms of dialogic understanding. – Minneapolis: University of Minnesota Press. 1989. – 283 p.

CHAOS OF «HORIZONS OF EXPECTATIONS» IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE POSSESSED»

© 2022 E.A. Gorbarenko

*Ekaterina A. Gorbarenko, Senior lecturer
of Socio-Economic and Humanitarian Subjects Department*

E-mail: romanovakaterina@list.ru

**Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Saint Petersburg, Russia**

The article offers a completely new perspective for Dostoevsky studies of the study of Dostoevsky's artistic creativity, specifically one of the novels of the «great five books» – the novel «The Possessed». The concept of «horizons of expectations», which is used in the presented study, has received its justification within the framework of the receptive aesthetics of G.R. Jaus. In the works of Jaus, the main attention is paid to the peculiarities of the reader's perception of

the text. In our study, we propose to expand the possibilities of this approach. Therefore, the concept of «horizon of expectations» is used by us in relation not only to the level of reader's perception of the text, but also to the «expectations» of the writer and the characters of the novel. For this purpose, draft versions of the text are involved, which help to trace the dynamics of the author's idea and, accordingly, the change of the «horizons of expectations» of the writer. Equally important is the analysis of the «horizons of expectations» of the most important characters, their change, mutual intersection or substitution. This allows, firstly, to rethink the plot roles of the main characters of the novel (Stepan Trofimovich Verkhovensky, Stavrogin, Pyotr Verkhovensky, Shatov, Kirillov), as well as a number of female characters, and, secondly, to expand the ideas available in Dostoevsky studies about the conceptual meaning of each artistic image in the novel as a whole.

Keywords: receptive aesthetics, reader's reception plot, «horizons of expectations», central image

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-45-52

1. Budanova, N. F. Besy // Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik (Dostoevskij: Essays, letters, documents: Dictionary-reference). – SPb.: «Pushkinskii dom», 2008. – 468 s.
2. Dostoevskii, F. M. Poln. sobr. soch. (Complete works) v 30 tt. – L.: Nauka, 1972–1990.
3. Vlaskin, A. P. Aksiologicheskaiia sostavliaiushchaia khudozhestvennogo mira romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» (The axiological component of the artistic world of F. M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment») / A.P. Vlaskin // Dostoevskii: Filosofskoe myshlenie, vzgliad pisatel'ia. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2012. (Dostoevsky monographs; Vyp.5) – 491 s.
4. Vlaskin, A. P., Rudakova, S. V. Metasmysly zaglavii romanov Dostoevskogo (Meta - meanings of the titles of Dostoevsky 's novels) // LIBRI MAGISTRI. – Vyp.2 (16). – Nasledie F. M. Dostoevskogo i sovremennost'. – Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G.I. Nosova, 2021. – S. 119–128.
5. Egorova, L. P. K voprosu o literaturovedcheskoi interpretatsii i ee issledovatel'skikh prizmakh (To the question of literary interpretation and its research prisms). // Izvestiia Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 1 (23). – S. 182–186.
6. Istoriia estetiki: Uchebnoe posobie (History of aesthetics: Study guide) / Otv. red. V.V. Prozerskii, N.V. Golik. – SPb, 2011. – 702 s.
7. Kozhanova, V. Iu. Kontsepty retseptivnoi estetiki v interpretativnoi paradigme mediateksta (Concepts of receptive aesthetics in the interpretative paradigm of media text) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 10. Zhurnalistika. – 2012. – № 5. – S. 97–107.
8. Makaricheva, N. A. Khudozhestvennaia genderologiya v tvorcheskikh iskaniiakh F. M. Dostoevskogo (Artistic genderology in the creative quest of F. M. Dostoevsky). – SPb.: Izd-vo SPbGEU, 2019. – 301 s.
9. Makarichev, F. V. Khudozhestvennaia individologiya F.M. Dostoevskogo (F.M. Dostoevsky 's Artistic Individuology). – Spb: ElekSis, 2016. – S. 122–339.
10. Meletinskiĭ E.M. Zametki o tvorchestve Dostoevskogo (Notes on Dostoevsky 's work). – M.: RGGU, 2001. – 187 s.
11. Popper, K. Ob'ektivnoe znanie: Evoliutsionnyi podkhod (Objective Knowledge: An Evolutionary Approach). – M: Editorial URSS, 1979. – 91 s.
12. Postnikova, E. G. Mifologiya vlasti i vlast' mifologii: M.E. Saltykov-Shchedrin – F.M. Dostoevskii (The mythology of power and the power of mythology: M.E. Saltykov-Shchedrin – F.M. Dostoevsky). – Magnitogorsk: Izd-vo MaGU, 2009. – 230 s.
13. Riker, P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenvtike (Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics). – M.: Akademicheskii Proekt, 2008. – 695 s.
14. Saraskina, L. I. «Besy»: roman-preduprezhdenie («The Possessed»: a warning novel). – M.: Sov. pisatel', 1990. – 478 s.
15. Iauss, G. R. Istoriia literatury kak vyzov teorii literatury (The History of literature as a challenge to the theory of literature) // Sovremennaia literaturnaia teoriia. Antologiya / Sost. I. V. Kabanova. – M., 2004. – 342 s.
16. Iauss, Kh.-R. Istoriia literatury kak provokatsiya literaturovedeniia (The History of Literature as a provocation of literary criticism) // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1995. – № 12. – S. 34–84.
17. Jaus, H-R. Question and answer: forms of dialogic understanding. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. – 283 s.

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

© 2022 Д.В. Денисов

*Денисов Денис Викторович, кандидат культурологии,
доцент кафедры лингвистики*

Самарский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 29.09.2022

Автор статьи рассматривает возможность построения теории циклов посредством обращения к методу онтологического моделирования, восходящего к моделям бытия, которые были популярны в культурах древнего мира. Многие из них насчитывают по 8–10 элементов, но и встречаются насчитывающие 30/32, 45 и 64 и т.д. В современной методологии сопоставимый объём циклов имеет место только в концепции больших экономических циклов Н.Д. Кондратьева длительностью от 47 до 60 лет. Объект исследования – геополитические процессы XIX–XXI вв.; предмет – завершающие этапы макроциклов исторического развития. Цель данной работы – установление средствами гуманитарного исследования общих закономерностей развития и самоорганизации в исторических процессах. Нижний предел длинных циклов получает в настоящем применении интерпретацию относительно 45-элементной онтологической модели миропорядка в индийской Ваасту-видье. На этой основе формируется 90-летний геополитический цикл, ограничивающий стихию войн. Внутренняя динамика развития участников геополитических взаимодействий описывается в рамках 32-летнего цикла, соотносимого с первой половиной 64-элементного цикла китайской «Книги Перемен», описывающего цикл познавательной деятельности. Выход за рамки этого цикла посредством дополнительных 8 этапов переводит подводит к 72-летнему циклу кардинальной смены в самоидентификации и политическом курсе. По итогам исследования делается вывод о перспективности метода онтологического моделирования к анализу исторических процессов и определению перспектив развития.

Ключевые слова: история, исторические процессы, исторические циклы, большие циклы, геополитика, онтологическое моделирование, функционально-топологический подход

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-53-61

Введение. Специфика исторического знания отлична от современного понимания научного знания, основанного на эксперименте и методе моделирования, делающем возможными достаточно точные предсказания. Существовавшие и существующие хронологические системы наиболее оптимальным образом описывают и измеряют природные циклические закономерности, в которых время выступает как результат пространственных положений. Эти закономерности в значительной степени оказывают влияние на деятельность всего человечества, но не служат содержательным мерилем исторических процессов. При переходе к топологическому пониманию времени открывается возможность для выявления и описания единых механизмов развития для разных видов деятельности, включая историческое развитие.

Методы исследования. Топологический подход к временным процессам, отличающийся от метрического, подразумевает последовательность разнокачественных интервалов (а не одинаковых

моментов времени) и их содержательную иерархию. «Топология трактуется как историческая классификация какого-либо процесса, как последовательность разнокачественных состояний выделенной нами системы. Именно в этом смысле допустимо говорить о <...> синонимическом ряде: топологический – качественный – классификационный – целостный – системный» [12, с. 115–116]. В биологии такие разнокачественные этапы были выделены в эмбриональном развитии пойкилотермных животных К.-Э. фон Бэр (1792–1876 гг.). Универсальность общей модели развития была выявлена относительно временных коэффициентов, определяющих длительность этапов развития для каждого отдельного вида [17].

В настоящем исследовании принят метод онтологического моделирования, присутствующий в практике построения древних моделей бытия. При применении к решению задач современности, прежде всего, в сфере человеческой деятельности (как индивидуальной, так и коллективной)

этот метод трансформируется в функционально-топологический, в котором базовая функция определённого этапа определяется его положением (греч. τόπος – «место») как внутри определённого цикла, так и положением этого цикла по отношению к циклу более высокого уровня в рамках определённой онтологической модели. Суммарным выражением этих положений служит порядковое значение определяемого этапа. Изначально данный метод был реализован на материале художественных текстов, что позволило уточнить специфику 64- и 72-элементных циклов повествования [7]. Далее этот метод был применён к принципам освоения физических пространств (секторальная модель функционального зонирования) [14; 16]. Данной статьёй функционально-топологический подход применяется ко времени историческому [8]. Объект анализа – геополитические процессы XIX–XXI веков. Предмет анализа – завершающие этапы макроциклов исторического развития, среди которых: 45-/90-летний геополитический, 32-летний период, составляющий первую (индивидуальную) фазу развития 64-летнего цикла познавательной деятельности; 72-летний цикл кардинальной смены в самоидентификации и политическом курсе.

История вопроса. Проблема времени интересовала человечество на всех стадиях его развития. Яркие примеры точности измерения и расчётов движения небесных тел и, соответственно, календарного времени встречались уже в древности. Первое философское обоснование времени было дано Аристотелем, который соотносил движение, пригодное для измерения, с суточным вращением восьмой, последней небесной сферы, т. е. сферы неподвижных звёзд. Обращение к некоему внерасположенному основанию, относительно которого появляется мера времени, предпринимается Ньютоном в его концепции равномерного абсолютного времени, безотносительного к материальным движениям. Тем не менее, несмотря на достижения научно-философской мысли XIX–XX вв., как отмечает И.А. Хасанов: «...до сих пор нет ответа на вопрос о том, что же мы измеряем, измеряя время, т. е. остаётся нерешённым вопрос об онтологических основаниях времени» [17, с. 7].

Выделение астрономических циклов происходило на всех этапах существования человечества. Обращает на себя внимание то, что мерилom многих процессов при образовании сложных циклов

выступает 8-элементный цикл. Так, в Древнем Китае годовой цикл делился на восемь 45-дневных периодов и 5 священных дней, завершающих год. В Древнем Риме, наоборот, недели были восьмидневными, а общее их число равно было 45. В Древней Греции на октаэтериде (т.е. восьми-элементном цикле) базировались разные циклы: «Обобщением октаэтериды является 16-летний цикл – эккэдекаэтериды» и 160-летний цикл, приписываемый выдающемуся александрийскому учёному Эратосфену (ок. 276 – ок. 196 гг. до н. э.) [10, с. 90–91]. Более точный 19-летний цикл, открытый греческим астрономом Метонem в 432 г. до н. э. и использовавшийся также в Китае с VI в. до н. э., есть комбинация 8- и 11-летнего циклов, причём 11-летний рассматривался как комбинация 3- и 8-летнего цикла: « $19 = 8 + 3 + 8$ » [10, с. 91]. Такие комбинации, в которых в качестве базового цикла принят 8-элементный цикл, указывают на особый статус восьмиэлементной модели. Автор настоящей статьи, приняв во внимание 8-элементный характер большинства мифов творения и восьмеричное подразделение Праkritи, природного, трансцендентального начала древнеиндийской саанкхьи (т.е. философии числа), осуществил качественную интерпретацию этапов 8-элементного цикла в применении к разным видам человеческой деятельности [8]. Сопоставимое число этапов насчитывает древнеиндийская модель познания и исторического процесса. Она включает четыре стадии (эпохи) нисходящего развития и четыре восходящих. При этом середина цикла, как и в цикле Карно (термодинамика), отмечена максимальным сжатием, только объект «сжатия» – время и возможности познания. Максимум познавательной способности измеряется 4 периодами (скр. satya-yuga – «век истины»), например, в тысячах лет, а её минимум – 1 (скр. kali-yuga – от kali-«сторона игральной кости с одним очком; ссора, раздор»). С учётом переходных периодов ($[0,4 + 4 + 0,4] + \dots + ([0,1 + 1 + 0,1])$), позволяющих перейти от идеальной схемы к реальному времени, и восходящей фазы цикла возникает 24-элементный цикл. Подобное структурирование исторических процессов было предпринято Д.В. Денисовым на примере 240-летнего цикла с 1804 по 2044 год [8], который был рассмотрен и на предмет выделения четырёх 60-летних циклов. Исторически 60-летний астрологический цикл возник в Древнем Китае примерно с XXVI в до

н. э. на основе счёта времени по циклам: «Сначала он использовался лишь для счёта суток, несколько позже его стали применять и для счисления годов» [10, с. 194]. В современной Индии аналогичным образом год до сих пор традиционно делится на шесть двухмесячных сезонов.

Теория циклов активно разрабатывается в экономике. Статистические подтверждения 60-летнего цикла в колебаниях конъюнктуры были впервые даны в статье Н.Д. Кондратьева «Большие циклы конъюнктуры» (1925) и одноимённой монографии (1928), написанной в соавторстве с Д.И. Опариным, на статистическом материале США, Германии, Англии и Франции начиная с промышленной революции. Н.Д. Кондратьев (1898–1938 гг.) определил этот цикл как большой экономический цикл длительностью от 47 до 60 лет, наряду с малыми 3–5-летними (циклы Китчина) и средними 7–11-летними циклами экономического и культурного развития («промышленно-капиталистические циклы») [11; 13].

Эти данные в значительной степени согласуются с концепцией космического детерминизма А.Л. Чижевского, учитывающей циклы солнечной активности, сопоставимые по длительности с вышеприведёнными (11-, 58-, а также 6000-летний) [18]. В цикле солнечной активности умеренное повышение радиационного фона увеличивает жизнеспособность организма, малая или сильная интенсивность угнетают его развитие. В годы умеренного солнца одарённых людей рождается больше, чем в годы пассивного, в среднем на 10 %, в то время как общая рождаемость по фазам 11-летнего цикла не изменяется. Биологическое действие ионизирующей радиации на проявление одарённости усиливается с повышением концентрации кислорода в крови, растущей с повышением атмосферного давления. Эпохи длительно пониженной активности в 6000-летнем цикле сопровождаются возникновением и развитием многих прогрессивных явлений. Примером мощных пиков рождаемости служат: 460 г. д.н.э. и 1480 г. н.э., отстоящие друг от друга на 2000 лет. Результатом первого явился высочайший расцвет Греции 420–430-х гг. д.н.э., революция в древнегреческой философии, распространение зороастризма в Двуречье, буддизма в Индии, даосизма в Китае. Результатом второго – апогей Высокого Возрождения около 1510 г., когда получили новый импульс искусство, наука, возник гуманизм и утопический социализм, были сделаны великие открытия. Примеры застоя в общественной

жизни и развитии культуры – римский максимум (100 г.н.э.), вызвавший наступление мистицизма и фанатичного христианства, вандализм по отношению к достижениям раннеантичной культуры и средневековый максимум (1200 г.) с произошедшими в то время монгольскими завоеваниями и крестовыми походами [2; 3].

Один из наиболее ярких ориентиров в динамике исторического развития – вооружённые столкновения. Их периодичность чаще всего попадает во внимание исследователей. Такова концепция немецкого учёного Е. Засса, приведённая в «Прусском статистическом журнале», на который ссылается в своей статье «Теория циклов» Е.П. Блаватская, но который обнаружить, к сожалению, на настоящий момент ещё не удалось. Е. Засс устанавливает периодические закономерности в возникновении вооружённых конфликтов на примере циклов длительностью в 1000, 100, 50 и 10 лет. Для пяти наиболее крупных центров древности (Восточная, Центральная, Западная Азия, Западная и Восточная Европа, Египет) в качестве наиболее значимого предлагается 250-летний цикл. В Европе же, начиная с 1700 г., каждые 10 лет на момент исследования (конец XIX в.) происходили война или революция. «Периоды, когда европейские силы обнаруживали наиболее разрушительную энергию, отмечены циклом длительностью 50 лет» (цитируется по [1, с. 348–349]). Так, 1712 г. был годом, когда воевали все европейские нации (Северная, Турецкая война, война за трон Испании), аналогичная ситуация сложилась около 1761 г. (Семилетняя война, 1810 г. – войны Наполеона).

Результаты исследования. Расплывчатый характер нижней границы большого экономического цикла (от 47 до 60 лет) допускает две интерпретации. Согласно первой, речь действительно идёт об одном цикле, который рассматривается в развитии. Но в таком случае необходимы пояснения причин, почему его длительность то уменьшается, то увеличивается. Согласно второй интерпретации, нижний предел может относиться или быть близким к одному, а верхний – к другому циклу. Вторая интерпретация предполагает функциональное и, если возможно, онтологическое обоснование как минимум двух выделяемых циклов. Анализ актуальных процессов становится возможным, если учитывать не только этапы, завершающие цикл, но и расположенные в его срединной части.

Специфика 45-элементного периода объясняется древнеиндийским мифом о создании 45-элементной ваасту-мандалы, представляющей собой модель пространственной организации и гармонично сочетающей диаметрально противоположные силы. Согласно легенде, могущественное существо Вāсту-Пуруша, стремящееся пожрать все миры, будучи поверженным в схватке на землю лицом вниз, было навечно придавлено 45-ю богами и демонами, которым пришлось объединиться, забыв все прежние распри [15] (сравн. с этапом «Воссоединение /противоположностей/», 45-м в китайской «Книге Перемен»), именно для этой цели. Тем самым был запечатлён Порядок, как это принято понимать в смысле античного Космоса. Иллюстрирует этот миф объединение в 1945 г. стран с диаметрально противоположным политическим устройством в целях уничтожения «демона» фашизма. В Сан-Францисской сессии ООН (25.04–26.06.1945), открывшейся в день окружения Берлина и встречи советских и американских войск на Эльбе, участвовало сопоставимое число делегаций: приглашены были 46, но не все участвовали в открытии конференции.

Модель Ваасту-видьи, индийской науки о строительстве и ритуальном освящении участков и зданий имеет вид квадрата, по периметру которого расположены 32 поля, символизирующие «феноменальный контур реальности». Сравнение с анатомическим строением человеческого позвоночника позволяет назвать это образование «остовом пространственных образований». Центральная часть ваасту-мандалы содержит 13 полей, из которых: а) 5 крупных центральных отражают подразделение трансцендентного начала на стадии, предоставляющие пространство для всякого развития, хотя само трансцендентное остаётся за рамками этого развития; б) 8 диагональных малых (одноклеточных) полей составляют трансцендентную матрицу, используемую для освоения каждой из пяти стадий ($5 \cdot 8 = 40 + 5$) [5; 6]. В некоторых случаях актуальны 40-элементные образования, например: 40-й день в поминальном обряде, 40-минутный школьный урок, а также такая мера времени, как «сорок сороков». 45 дней – максимальный срок медицинского карантина.

Особенность 45-элементных образований в том, что они, с одной стороны, привязаны к 60-ричной системе счисления, с другой, – образуя

пары, формируют 90-элементные циклы. Среди таких образований цикл глубокого сна продолжительностью 90 минут и длительность учебных занятий в высших учебных заведениях ($45 + 45 = 90$ мин). Кроме того, 90-летний цикл включает три 30-летних периода и тем самым коррелирует с 60-летним астрономическим циклом.

Специфика 90-летнего цикла состоит в сдерживании стихийных сил, разжигающих войны. Этот цикл объединяет, например, такие два события, как подписание в марте 1856 г. Пражского мирного договора, завершившего Крымскую войну (1853–1856 гг.) и уничтожение фашизма в 1945 г. Ввиду масштабности театра действий эту войну, которую вели против России Англия, Франция, Османская империя и Сардинское королевство, называют Нулевой мировой. Боевые действия происходили на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, в низовьях Амура, на Камчатке и Курилах. 90 лет отделяют швейцарский поход А. Суворова (10–27.09.1799) от Полтавской битвы (27.06.1709), а также Русско-японскую войну (27.01.1904–23.08.1905) от Парижского мирного договора (1815). Относительно 90-летнего ритма объявлению коллективным Западом тотальной санкционной войны России в феврале-марте 2022 г. предшествовал мировой экономический кризис с особо острой фазой в 1929–1933 гг., но который не затронул СССР, находившийся в стадии мощного промышленного и экономического роста.

Рассмотрение же 30-летнего периода в качестве некой функционально завершённой целостности стало актуальным в контексте 30 лет, прошедших со времени распада СССР и образования СНГ. В декабре 2023 г. завершается сопоставимый 30-летний период со времени основания Европейского Союза. В связи с событиями 2022 г. представления о циклических процессах и алгоритмах процессов обогатились понятиями «тридцатилетие» (с 08.12.2022) и «восьмилетие» (относительно нацистского переворота в Киеве 21.02.2014). Относительно 32-летнего зороастрийского календаря появляется возможность интерпретации понятия «тридцатилетия» именно как 32-летнего цикла. П. Глоба обращает внимание на коренное отличие между коллективистским 12-летним циклом обращения Юпитера вокруг Солнца, составляющим основу 60-летнего азиатского календарного цикла, и 32-летним

календарём, отмеряющим этапы самопознания и раскрытия творческого потенциала человека [4, с. 418]. Поддерживает 32-элементную интерпретацию возможность реализации аналогичного алгоритма в календарном месяце. Примером тому – один из древнеиндийских календарей, в котором: «Продолжительность двух летних месяцев достигала 32-х дней, тогда как двух зимних – по 29–30 дней» [10, с. 206].

Переход от 30- к 32-элементной модели детально описан в китайской «Книге Перемен», насчитывающей три тысячелетия формирования и комментирования. Из 64 этапов познания «Книги Перемен» первые 30 составляют период становления субъекта познания, а 31- и 32-й этапы образуют переход к общественной практике, которая согласует накопленный прежде опыт и новые акты познания [9, с. 390]: 31-й характеризуется как «Взаимодействие» и 32-й – как «Постоянство /договорённостей/» (сравн. с гармонизирующей функцией двух дополнительных эонов в концепции 30 божественных эонов Валентина). Далее на 33-м этапе следует короткая задержка, передышка перед началом периода социализации, составляющем вторую часть цикла.

В актуальных событиях в качестве субъектов познания выступают национальные республики бывшего СССР, которые, с одной стороны, становились всё более антиросийскими (прибалтийские страны, Украина), с другой стороны, шли по пути интеграции (страны-члены СНГ). Относительно «Книги Перемен» бесконтрольная индивидуализация ограничена 30 этапами. В связи с диаметрально противоположным направлением этих двух процессов этап «Взаимодействие» принял вид Специальной военной операции по освобождению республик Донбасса. Достижение договорённостей (точнее, «Постоянства /договорённостей/» – 32-й этап) ожидается, в рамках рассматриваемого цикла, только в период с 08.12.2022 по 07.12.2023.

Европейский же Союз находится, считая от 01.11.1993, на 29-м этапе, который характеризуется как «Бездна» или «Двойная опасность» (КП-29), что особо актуально в свете энергетического кризиса и критического спада производства. На этапы взаимодействия и достижения постоянства договорённостей ЕС выйдет только в 2024 и 2025 годах. В рамках 90-летнего ритма взаимодействие с коллективным Западом, включая Великобританию и США (т.е. сопоставимое с 1945 г.), станет возможным только к 2035 г.

В контексте 32-летнего цикла может быть осмыслено и понятие «восьмилетие». Рубежные этапы первого 32-летия, в соответствии с «Книгой перемен»: 8-й, 16-й, 24-, 32-й. Приведём их, рассмотрев на примере становления Советской власти и Веймарской республики (Германия). Если первые восемь лет становления Советской власти, начиная с событий Февральской революции (1917–1924), увенчались усилением позиций И.В. Сталина и поражением Л.Д. Троцкого на XIII съезде (12.1924 г.), то в Германии первые восемь лет Веймарской республики (1918–1925; провозглашена 11.11.1918) ознаменовались Бамбергской конференцией нацистской партии (14.02.1926), одна из задач которой состояла в установлении положения Гитлера как единственного, абсолютного и неоспоримого высшего авторитета внутри партии, решения которого окончательны и обжалованию не подлежат. В «Книге перемен» восьмой этап определён, соответственно, как «Приближение /царя или субъекта познания к завоёванной области/» (КП-8), на котором важно успеть: опоздание приравнивается к поражению.

Второй восьмилетний период (1926–1933) ознаменован в Германии назначением Гитлера рейхсканцлером Веймарской республики 30.01.1933 и установлением господства НСДП (NSDAP). «Книга перемен» в этом духе характеризует 16-й этап «Вольность» (КП-16) как этап, на котором активности, проявляющейся изнутри, ничто не препятствует, кроме самодисциплины: *«Но если такая вольность ничем и не ограничена извне, то она всё же должна быть ограничена сама собой, ибо иначе она рискует превратиться в хаос»*. Суть этого этапа резюмируется краткой фразой: *«Вольность. Благоприятствует возведению на престол феодалов и движению войск»* [9, с. 331–332].

Третий этап завершается в Веймарской республике 1941-м годом, который соотносится с этапом «Возврат», 24-м в «Книге перемен», и отмечает момент начала противоположного действия, запускающего неизбежный процесс нормализации, иллюстрируемый пространственной аналогией: *«Вновь полученная гексаграмма символизирует то время, когда после самого тёмного времени в году, после времени, предшествующего зимнему солнцевороту, свет вновь начинает прибывать и наступает возврат к светлой половине года. Вначале это возвращение света едва заметно: в графике единственная световая линия находится в самом низу; она покрыта всеми силами тьмы. Но именно ей суждено дальнейшее её*

развитие. При этом её развитие настолько неизбежно, что силы тьмы не могут препятствовать. Наоборот, они лишь всемерно способствуют развитию света» [9, с. 361].

Советская власть вступила в Великую Отечественную войну на этапе «Беспорочность» (КП-25). Это этап, который «не предрасположен к тому, чтобы сразу же предпринимать какие-нибудь действия», но очень важно сохранять стойкость и правдивость [9, с. 365]. 1942 г. пришёлся на этап «Воспитание великим» или «Великое воспитание» (КП-26), 1943 г. – на этап разрыва между высшими и низшими, когда никто не может помочь и стоит рассчитывать только на собственные силы (КП-27), а 1944 г. – на этап сосредоточения мощи, при котором ещё сохраняется слабость конечных структурных элементов (КП-28). Этап, называемый «Бездна» и характеризующий двойной опасностью (КП-29), проявился в 1945 г. в том, что, с одной стороны, военные действия продолжились на дальневосточном фронте, с другой, – в том, что уже в 1945 г. США и Великобритания вынашивали план военных действий против СССР, в которые должны были быть вовлечены пленённые силы Вермахта (план «Немыслимое»). И, главное, с 1945 г. для СССР существовала опасность атомной бомбардировки со стороны США.

В случае с нацистским переворотом в Киеве (22.02.2014) в истории постсоветской Украины, считая от 08.12.1991 г., вступил в действие этап «Разрушение» (КП-23). Ему предшествовал этап «Убранство», соотносимый с 2013 годом, который был отмечен началом украинского Евромайдана (22.11.2013). Этап «Убранство» – этап, на котором «развитие ограничивается лишь незначительными, чисто внешними нововведениями и не вносит ничего нового по существу. Эти нововведения – лишь блестящее украшение, уже потерявшее свою прежнюю ценность» [9, с. 353]. Такова и специфика евроинтеграции – «внешние нововведения, нечего не вносящие по существу».

Этап разрушения (КП-23) в применении к нацистскому перевороту наступает, «когда всё внимание сосредоточено на чём-то внешнем, всё, связанное с самой сущностью, отступает на задний план. <...> Начало же всякого упадка – разрушение существенного. <...> последние остатки света, активности, положительно отходят в прошлое, а надвигается только тьма. И надвигается она изнутри, из самой сущности. <...> сам процесс

познания отступает на второй план и, не развиваясь прогрессивно, приходит к разрушению» [9, с. 357]. «Книга перемен» предупреждает: «Если пренебречь стойкостью, будет несчастье». При этом отмечается, что на данном этапе кризис «уже приобрёл инерцию, в силу которой остановить его невозможно. <...> Следует помнить, что в такой период ломки прежних достижений нельзя оставаться стойко-неизменным, а надо через само разрушение пробиться к возможности нового созидания» [9, с. 358–359]. Тенденции разрушения будут ослабевать, но выход из данной ситуации возможен только благодаря помощи извне, в актуальных событиях помощь пришла со стороны России: «Серьёзное и активное вмешательство со стороны самого человека здесь ещё невозможно. Он будет проводить время за развлечениями и из данной ситуации может выйти лишь благодаря протекции. <...> Но для того, чтобы преодолеть разрушение, необходимы активные, созидательные моральные силы человека. При их наличии благородный человек извлечёт из пережитого опыта весьма значительный урок. Ничтожный же человек, тот, кто не развил в себе мужества, необходимого для преодоления этой разрушительной ситуации, не сможет сам противостоять ей и будет вынужден пережить всю полноту разрушения» [9, с. 360–361].

В настоящей публикации 64-летний цикл представлен только его первой половиной – 32-летним циклом индивидуального развития. В рамках этого цикла той или иной личности удаётся вовлечь в динамику своего развития достаточно большие сообщества и целые страны, что и подготавливает изменения в геополитике.

64-летний цикл представляет собой совершенную циклическую модель. Выход за рамки этого цикла, осуществляемый посредством добавления ещё одного восьмилетнего цикла, приводит к кардинальным изменениям в самоидентификации, политическом курсе и т. п. Причина таких перемен в задействовании онтологических структур, которые составляют основы самоидентификации и миропонимания. В ваасту-мандале эта основа представлена восемью диагональными полями, которые упоминались выше.

Традиционный пример 72-летнего цикла – период существования коммунистической идеологии в России (1917–1989). Другой яркий пример – век женских правлений, начавшийся восшествием на престол Екатерины I (1725–1727 гг.), включающий правление Анны (1730–1741 гг.),

Елизаветы (1741–1762 гг.) и закончившийся правлением Екатерины II (1762–1796 гг.). Век правления Елизаветы II в Англии длился 70,5 лет (06.02.1952–08.09.2022).

72-летний цикл однажды решительным образом проявился во взаимоотношениях Прусской Германии и Австрии. В 1866 г. Пруссия в лице прусского министра-президента Отто фон Бисмарка после победы в семинедельной Австро-пруско-итальянской (Германской) войне против Австрии обеспечила себе лидирующую позицию в новом устройстве Германии без Австрии. В 1938 г. с присоединением Австрии к фашистской Германии данный цикл закончился.

Добавим к этому пример перехода украинского национализма к активным действиям в 2013–2014 гг. параллельно с событиями 1942–1943 гг., т. е. через 72 года. В октябре 1942 г. состоялась «Первая войсковая конференция ОУН(б)», на которой было принято решение о переориентации от Германии на западных союзников. 17–23.02.1943 г. состоялась третья конференция ОУН(б), на которой было принято решение о начале вооружённой борьбы как с нацистами, поляками, так и с советскими партизанами.

В целом рассмотренные циклы – 60-летний, 45- и 90-летний, направленный на преодоление стихии войны, и 72-летний смены самоидентификации – циклы могут объединяться в ритмическое образование более крупного порядка. Так,

72-летний цикл вмещает двенадцать 6-летних (т. е. средних) периодов, 720-летний цикл, соответственно, задействует двенадцать 60-летних циклов.

Выводы. В настоящей публикации были рассмотрены предпосылки теории циклов, объясняющей комплексный характер актуальных политических и геополитических процессов начала XXI в. Нижний предел длинных экономических циклов получил интерпретацию относительно 45-элементной онтологической модели миропорядка в индийской Ваасту-видье, составляющей основу 90-летнего геополитического цикла. Внутренняя динамика развития участников геополитических взаимодействий была описана в рамках 32-летнего цикла, входящего в состав 64-летнего. Было установлено, что нарушения в этом бесконечном циклическом развитии обеспечиваются действием матрицы этого развития, реализующейся как дополнительный 8-элементный цикл, переводящий 64-летний цикл в 72-летний. Логическая и ритмическая связь между 6- и 60-летними ритмическими образованиями и восьмиэлементной матрицей развития была установлена относительно 72- и 720-летних циклов. Из изложенного следует вывод о перспективности применения метода онтологического моделирования как к завершённым и актуальным историческим циклам, так и к определению перспектив развития.

1. Блаватская, Е. П. Теория циклов / Е.П. Блаватская // Новый Панарион. – М.: МЦФ, 1994. – С. 344–352.
2. Виноградов, Е. С. Изменение частоты рождения одарённых людей в разных фазах 11-летнего цикла за 1100 лет / Е. С. Виноградов // Вопросы психологии. – 1991. - № 6. – С. 96–102.
3. Виноградов, Е. С. О физических факторах интеллекта / Е. С. Виноградов // Вопросы психологии. – 1989. - № 6. – С. 108–114.
4. Глоба, П. П. 32-летний календарь – хранитель царской хварны / Глоба П. П. // Учение древних арьев. – М.: Эксмо, Яуза, 2007. – С. 417–430.
5. Денисов, Д. В. "Чудодейственная диагональ" в пространственной ориентации: от гуморальной теории и концепции стихий в Ваасту-видье к композиции в живописи / Д. В. Денисов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 81. – С. 54–61. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-81-54-61.
6. Денисов, Д. В. Отражение онтологической модели саанкхьи в пространственной организации индийских ваасту-мандал / Д. В. Денисов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 80. – С. 60–67. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-60-67.
7. Денисов, Д. В. Общие макроалгоритмические закономерности развёртывания текстовых структур: на стыке методологий Востока и Запада: монография / Д. В. Денисов. – Самара: СамГУПС, 2009. – 238 с.
8. Денисов, Д. В. Универсальная восьмерка: мера времени, человека и истории: монография / Д. В. Денисов. – Самара: СамГУПС, 2011. – 178 с.
9. И-цзин: Книга Перемен. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. – 640 с.
10. Климишин, И. А. Календарь и хронология / И.А. Климишин. – М.: Наука, 1990. – 480 с.
11. Кондратьев, Н. Д., Яковец, Ю. В., Абалкин, Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Д. Кондратьев, Ю. В. Яковец, Л. И. Абалкин. – М.: Экономика, 2002. – 766 с.

12. Лазарев, С. С. Онтология точности и прогностичности / С.С. Лазарев // Вопросы философии. – 2004. – № 1. – С. 113–127.
13. Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017. – 384 с.
14. Первоначала как фактор организации и освоения пространства: генезис, число, топология, вероятность, классификация: монография / Д. В. Денисов, М. Ю. Журавлёв, Н. Ю. Медведева и др.; под общ. ред. Д. В. Денисова. – Самара: Изд-во СамГУПС, 2016. – 352 с.
15. Тюлина, Е. В. Храм, мир, текст: ваастувидья в традиции пураан. – М.: Вост. лит., 2010. – 255 с.
16. Универсальная топология процессов генезиса и самоорганизации: от числовых моделей бытия к секторальной модели освоения пространства: Монография / Д.В. Денисов, М.Ю. Журавлёв, Н.Ю. Медведева и др.; под общ. ред. Д. В. Денисова. – Самара: «Слово», 2022. – 320 с.
17. Хасанов, И. А. Время: природа, равномерность, измерение. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
18. Чижевский, А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия / А.Л. Чижевский. – М.: Мысль, 1995. – 768 с.

ONTOLOGICAL BASICS FOR CLASSIFICATION OF HISTORICAL CYCLES

© 2022 D.V. Denisov

*Denis V. Denisov, Candidate of Culture Sciences, Associate Professor
of the Department of linguistics
E-mail: denisansk@gmail.com
Samara State Transport University
Samara, Russia*

The author of the article considers the possibility of building a theory of cycles by referring to the method of ontological modeling, which goes back to the models of being that were popular in the cultures of the ancient world. Many of them have 8–10 elements, but there are also those with 30/32, 45 and 64 elements, etc. In modern methodology, a comparable volume of cycles takes place only in the concept of large economic cycles of Kondratiev lasting from 47 to 60 years. The object of analysis is the geopolitical processes of the 19th–21st centuries. The subject of analysis is the final stages of macrocycles of historical development. The purpose of this work is to establish the general patterns of development and self-organization in historical processes by means of humanitarian research. The lower limit of long cycles is interpreted in the present application with respect to the 45-element ontological model of the world order in the Indian Vastu Vidya. On this basis, a 90-year geopolitical cycle is formed, limiting the element of wars. The internal dynamics of the development of participants in geopolitical interactions is described within the framework of a 32-year cycle, correlated with the first half of the 64-element cycle of the Chinese "Book of Changes", which describes the cycle of cognitive activity. Going beyond this cycle by adding another 8 stages leads to a 72-year cycle of radical change in self-identification and political course. Based on the results of the study, the author concludes about the prospects of the method of ontological modeling for the analysis of historical processes and the determination of future development.

Keywords: history, historical processes, historical cycles, large cycles, geopolitics, ontological modeling, functional topological approach

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-53-61

1. Blavatskaya, E. P. Teoriya ciklov (Theory of cycles) // Novyj Panarion (New Panarion). – М.: MCF Publ., 1994. – Pp. 344–352.
2. Vinogradov, E. S. Izmenenie chastoty rozhdeniya odaryonnyh lyudej v raznyh fzah 11-letnego cikla za 1100 let (Change in the frequency of birth of gifted people in different phases of the 11-year cycle for 1100 years) // Voprosy psihologii. – 1991. - № 6. – Pp. 96–102.
3. Vinogradov, E. S. O fizicheskikh faktorah intellekta (On the physical factors of intelligence) // Voprosy psihologii. – 1989. - № 6. – pp. 108–114.
4. Globa, P. P. 32-letnij kalendar' – hranitel' carskoj hvarny (32-year calendar - the keeper of the royal Khvarna) // Uchenie drevnih ar'ev (The teachings of the ancient Aryans). – М.: Eksmo, Yauza Publ., 2007. – Pp. 417–430.
5. Denisov, D. V. CHudodejstvennaya diagonal' " v prostranstvennoj orientacii: ot gumoral'noj teorii i koncepcii stihij v Vaastu-vid'e k kompozicii v zhivopisi (Miracle diagonal" in spatial orientation: from the humoral theory and the concept of elements in the Vastu-vidya to composition in painting) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN.

- Social'nye, gumanitarnye, medikobiologicheskie nauki. – 2021. – Vol. 23. – № 81. – Pp. 54–61. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-81-54-61.
6. Denisov, D. V. Otrazhenie ontologicheskoy modeli sankkh'i v prostranstvennoj organizacii indijskih vastu-mandal (Reflection of the samkhya's ontological model in the spatial organization of the indian vastu-mandal) // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, medikobiologicheskie nauki.* – 2021. – Vol. 23, № 80. – pp. 60–67.
 7. Denisov, D. V. Obshchie makroalgoritmicheskie zakonomernosti razvyortyvaniya tekstovyh struktur: na styke metodologij Vostoka i Zapada (General macro-algorithmic patterns of unfolding text structures: at the intersection of the methodologies of East and West). – Samara: SamGUPS Press, 2009. – 238 p.
 8. Denisov, D. V. Universal'naya vos'merica: mera vremeni, cheloveka i istorii (The Universal Eight: A Measure of Time, Man and History). – Samara: SamGUPS Press, 2011. – 178 p.
 9. Klimishin, I. A. Kalendar' i hronologiya (Calendar and chronology). – M.: Nauka Publ., 1990. – 480 p.
 10. I-czin: Kniga Peremen (I Ching: Book of Changes). – M.: Eksmo Publ.; SPb.: Midgard Publ., 2006. – 640 p.
 11. Kondrat'ev, N. D., Yakovec, Yu. V., Abalkin, L. I. Bol'shie cikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy (Large conjuncture cycles and the theory of foresight. Selected writings). – M.: Ekonomika Press, 2002. – 766 p.
 12. Lazarev S. S. Ontologiya tochnosti i prognostichnosti (Ontology of accuracy and predictability) // *Voprosy filosofii.* – 2004. – № 1. – Pp. 113–127.
 13. N. D. Kondrat'ev: krizisy i prognozy v svete teorii dlinnyh voln. Vzgl'yad iz sovremennosti / Ed. by L.E. Grinina, A.V. Korotaeva, V.M. Bondarenko. – M.: Uchitel' Publ., 2017. – 384 p.
 14. Pervonachala kak faktor organizacii i osvoeniya prostranstva: genezis, chislo, topologiya, veroyatnost', klassifikaciya (Origins as a factor in the organization and development of space: genesis, number, topology, probability, classification) / Ed. by D.V.Denisov. – Samara: SamGUPS Press, 2016. – 352 p.
 15. Tyulina, E. V. Khram, mir, tekst: vaastuvid'ya v traditsii puran (The temple, the World, the Text: Vastuvidya in the Tradition of the Puranas). – Moscow East literature Press, 2010. – 255 p.
 16. Universal'naya topologiya processov genezisa i samoorganizacii: ot chislovyh modelej bytiya k sektoral'-noj modeli osvoeniya prostranstva (Universal topology of the processes of genesis and self-organization: from numerical models of being to a sectoral model of space exploration) / Ed. by D.V.Denisov. – Samara: Slovo Publ., 2022. – 320 p.
 17. Hasanov I. A. Vremya: priroda, ravnomernost', izmerenie (Time: nature, uniformity, measurement). – M.: Progress-Tradiciya Publ., 2001. – 304 p.
 18. CHizhevskij, A. L. Kosmicheskij pul's zhizni: Zemlya v ob'yatiyah Solnca. Geliotaraksiya (Cosmic pulse of life: Earth in the arms of the Sun. Heliotaraxia). – M.: Mysl' Publ., 1995. – 768 p.

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность
и взаимодействие культур)

ПУШКИНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

© 2022 М.А. Дударева

Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук,
доктор культурологии,

доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 08.08.2022

Объектом статьи выступает архетип луны в русской культуре. Предметом исследования являются вариации образа луны и месяца в русской поэзии. Материалом для статьи служат два стихотворения — «Бесы» А.С. Пушкина и «Я по первому снегу бреду...» С.А. Есенина. В центре культурфилософского анализа — взаимодействие двух типов действительности, феноменального и ноуменального начала, рационального и стихийного в искусстве. Большое внимание уделяется проблеме трансформации образа луны в поэзии, анализируется ипостасность луны. Прослеживается, как в пределах одного художественного текста образ луны изменяется. Исследуются «метельный» текст и бесовский миф, которые связаны с архетипом луны в русской литературе. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу поэтических текстов А.С. Пушкина и С.А. Есенина, направленному на высвечивание культурного потенциала проблемы дуализма в русском национальном образе мира, что позволяет с онтологических позиций проникнуть в поэтическое слово. Результаты работы могут быть интересны филологам, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, русской философии.

Ключевые слова: русская культура и литература, стихотворение «Бесы», ранее творчество С.А. Есенина, архетип, луна, зимний цикл А.С. Пушкина, апофатика

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-62-70

Введение. Мужское и женское, черное и белое, день и ночь, солнце и луна, или то, что Вяч. Иванов определил как *чет* и *нечет*, — эти оппозиции пронизывают мировую культуру, без них невозможна жизнь человека [8]. Однако среди них есть неочевидные для людей *цифровой эпохи*, трансцендентное отношение к бытию которых угасает. Например, месяц и луна в повседневном профанном сознании воспринимаются как нечто единое,

в то время как это разные ипостаси одного светила, выступающие культурологическими априори для мировой культуры. Показательна в этом отношении поэзия, которая уловила чутким ухом это различие и большое значение его для человеческого бытия. Так, в стихотворении Валерия Брюсова «Творчество» находим такие апофатические, то есть темные для комментирования строчки:

Всходит месяц обнаженный

При лазоревой луне... [3, с. 35]

Это место в стихотворении вызывало негодование у критиков и недоумение даже у опытных литературоведов (О. Лекманов дает развернутый комментарий к стихотворению в цикле видеопрограмм о литературе на интернет-радио «Арзамас» [13]). Однако даже с точки зрения русской фольклорной традиции, с которой В. Брюсов

хорошо был знаком, поскольку занимался собиранием фольклора (находясь под влиянием дружбы с А.М. Добролюбовым [24, с. 29]), месяц и луна выражают мужское и женское начало в свадебной обрядности. Но дело даже не в эротическом подтексте, который нивелируется самим

процессом мистериального характера, происходящего в культуре с луной. На это обратил внимание М. Элиаде: «Подобно человеку, Луна встречается на своем пути трагедии, ибо ее “ослабление” (уменьшение размеров и формы по фазам), как и ослабление человека, кончается смертью. Три ночи звездное небо лишено Луны. Но за этой “смертью” следует возрождение: новолуние. Угасание Луны в “смерти” никогда не окончательно» [30, с. 117]. Принимая это культурологически точное наблюдение во внимание, укажем на мифологему вневременности, возникающую при *столкновении* дня и ночи, света вечернего и не вечернего, луны в двух ее ипостасях, начальной и конечной (см. подробно о явлении света вечернего и не вечернего в статье Н.В. Брагинской и А.И. Шмаиной-Великановой «Свет вечерний и свет не вечерний» [2, с. 73]). Именно в такой пограничный апофатический час человеку открывается Иерофания, то есть сакральная, божественная реальность. В такой момент рождается творчество, возникает поэзия у В. Брюсова: «Звуки реют полусонно // Звуки ластаня ко мне» [3, с. 35].

История вопроса. Пограничные состояния, или лиминальные, выражаясь языком В. Тернера [28], характерны и для поэзии А.С. Пушкина, и проявляются они в том числе и в оппозиции или парадигме (ставим вопрос) «месяц — луна», на что обращали свое внимание и философы, и филологи. Так, И. Ильин указывает на соединение во вселенной А.С. Пушкина нижнего мира с верхним, демонического — с божественным, цитируя стихотворение 1830 г. «Бесы»: «Всемирная отзывчивость <...> связывает поэта со всей вселенной. И с миром *ангелов*, и с миром *демонов*...» [9, с. 333]. Фольклорист Д.Н. Медриш, анализируя указанный текст, тонко подмечает, что в поэтике А.С. Пушкина как сходятся в пределах одного художественного пространства, так и противостоят друг другу месяц и луна [14, с. 325]. Но эта проблема требует, думается, отдельной проработки, поскольку стихотворение «Бесы» является итоговым для восприятия творчества поэта болдинского периода. В чем же *апофатика* этого текста? Почему исследователи в разные периоды нашей гуманитарной науки продолжают возвращаться к нему?

Методы исследования. В данной работе, посвященной сопоставлению двух ипостасей ночного светила — луны и месяца — в русской фольклор-

ной и литературной традиции, а именно в стихотворениях «Бесы» А.С. Пушкина и «Я по первому снегу бреду...» С.А. Есенина, проведен целостный онтогерменевтический анализ указанных текстов, направленный на высвечивание фольклорной, философской парадигмы данных художественных произведений, что позволяет онтологически подойти к вопросам самого творческого процесса, углубиться в понимание феномена *света вечернего*, мифологемы вневременности, связанных с апофатической традицией в мировой культуре.

Результаты исследования. С одной стороны, «Бесы» одним своим заглавием настраивают нас на метафизику русской литературы, заставляют подумать о *присутствии* духовного мира в жизни человека и встраиваются аксиологически и онтологически в один ряд с произведениями В. Жуковского, в которых представлена пограничная ситуация сна / яви, опасная для героя (баллада «Двенадцать спящих дев», 1812 г., переводная вещь из Гете «Лесной царь», 1817 г.). С другой стороны, стихотворение также вписывается в «метельный» зимний цикл и самого автора («Зимняя дорога»), о чем развернуто в своей статье написала Г.П. Козубовская [10], и общий «метельный» текст русской словесной культуры (Б. Пастернак, С. Есенин, А. Блок, Б. Корнилов, В. Высоцкий), о котором в последнее время все чаще пишут филологи [22; 25].

Человека Нового времени, и особенно конца Нового времени, для которого смерть стала *дальней*, то есть отодвинута в угол дальний, как нечто неудобное и посредственное, по наблюдениям историка и философа Ф. Арьеса [1], можно отрезать только смертью — разговором о ней, художественным проживанием ее, что возвращает этому событию онтологический, сакральный статус. А.С. Пушкин, помещая своего героя в неудобные условия — открытое поле, — тем самым его посылает на встречу с неизведанным, то есть потенциально со смертью. Это одна из любимых его ситуаций, в которой путник в пороговый момент оказывается ближе к Богу (см. комментарий В.П. и Ж.Л. Океанских о «Зимней дороге» [17]). Само состояние героя в дороге всегда потенциально опасно, поскольку «дорога — место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами» [26, с. 124]. Судьба / доля, по общеславянским представлениям, всегда связаны с жизнью и смертью.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин! [21, с. 167]

Литературоведы удивляются: почему *страшно* герою, страх остается до конца *непонятым* [12, с. 228]. Но сама география русской равнины с ее апофатизмом, непостижимостью, на что обращали внимание и культурологи, и философы, сводит человека с судьбой, эта ситуация онтологическая; В.П. Океанский обозначает это как проблему «человек и тотальность» [18]. Интересно, что в первой строфе задана вертикаль — луна в небе, освещающая *невидимкой* снег, это верхняя крайняя точка, и путник среди *неведомых* равнин,

это нижняя точка. А между ними — непостижимое. Дважды здесь А.С. Пушкин применяет языковое отрицание — *невидимкою луна, неведомые равнины*, погружая путника и читателя вместе с ним в состояние на грани «было / не было». Принято думать, что брочка встала, сбилась со следа, но в том-то и дело, что в этом Апейроне русской равнины (Г.Д. Гачев определил именно так характер нашего национального космоса [4, с. 213]) неважно, едешь ты или стоишь на месте, поскольку русская равнина географична, она и путь, и беспутье одновременно:

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам». [21, с. 167]

Ямщик, как и в стихотворении «Зимняя дорога» (там ямщик смолкнул), выпадает из линейного пространства, перестает быть просто ямщиком, поскольку глаза его залепил снег, он ничего не видит, а значит, бесполезен как *вожатый*. Но

он начинает видеть в имажинациях мир духовный, нижний мир, где все наоборот, перевернуто, что А.С. Пушкин очень точно изобразил во фразе — «пень иль волк», которая наполнена семантикой невыразимого:

Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?» [21, с. 168]

В мире оном, на *том свете*, все дано с обратным коррелятивом, это инвертированная реальность: «Все, что характерно для земного мира, мира жизни, имеет свой обратный коррелят в мире потустороннем, который фигурирует в заговорах и заклинаниях как локус, куда изгоняются

болезни и прочие злые силы» [29, с. 345]. Однако нельзя списывать на оплошность или вольность появление на небосклоне месяца, вдруг заменившего луну:

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;

Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают? [21, с. 168]

И нам не понять этой подмены, если мы культурологически не обратим внимание на два момента.

Во-первых, среди картин неведомого, безобразных бесов появляются *духи*, которые, конечно, есть не одно и то же, что и представители нижнего мира. Духи появились «среди белеющих равнин» — впервые в стихотворении происходит

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне... [21, с. 168]

По мнению В.А. Грехнева, финал стихотворения трагичен, заканчивается «...безысходным зрелищем неисчерпаемости зла. Бесы у Пушкина “бесконечны”» [5, с. 48]. Но стоит обратить внимание на то, что А.С. Пушкин с большой вероятностью был знаком с картинами художников раннего Нового времени, с сюжетами на демонологическую тему (свержение сатаны, падших ангелов). В комнате в Тригорском, где часто бывал поэт, висела картина, изображающая искушение св. Антония, мучимого демонами, которая близка по своей эстетике и семантике босховскому миру [11]. На этих полотнах (Иеронима Босха, Питера Брейгеля Старшего, Йоса ван Клеве) Архангел Михаил поражает ангелов-отступников, демонов, которых всегда бесконечно больше, по законам средневековой демографии. А.Е. Махов указывает на непредсказуемость, то есть своего рода

просвещение цвета. До этого момента с точки зрения цвета было трудно описать пушкинское художественное пространство. От чего равнины побелели? Не от света ли духов, которые гонят, прогоняют бесов, стонущих жалобно в беспредельной вышине? Если вначале небо было ограничено лунной и тучами, то теперь перед нами открылась бездна, мир не подлунный, а надлунный:

апофатичность тел демонов, которая создает в некоторых случаях и эффект бесконечного множества этих существ. «В иконографии же раннего Нового времени мы находим немало примеров, дающих нам повод предполагать, что скрывание части дьявольского тела и превращение его в частично непредсказуемое использовано как сознательный прием» [15, с. 10]. Здесь автор исследования «*Diabolus absconditus*: непредсказуемость, неопределенность и невидимость демонического тела в иконографии и текстах раннего Нового времени» обращается к работе Доменико Беккафуми «Архангел Михаил поражает ангелов-отступников» и к картине неизвестного верхнерейнского мастера «Св. Антоний, мучимый демонами». Ученый отмечает: в обоих случаях представлена визуальная редукция, но Беккафуми решает это с помощью светотеневой игры, а другой

мастер — с помощью композиционных средств. Однако в любом случае «прочитать» эту *невидимость*, невидимые части, у нас нет возможности [Там же, с. 11]. Кроме того, и в древнерусской визуальной демонологии и иконографии преисподней мы также сталкиваемся с апофатизмом в изображении демонических существ, который выражается, например, в редукции демонического тела до одной головы, что отражается на количественной неопределенности изображаемых демонов. Так, на фрагменте, посвященном «прениям» ангелов и бесов у одра умирающей Феодоры, из жития Василия Нового, бесы прячутся за колонной, и мы доподлинно не знаем, сколько их пришло, чтобы забрать душу умирающей. В этом контексте также стоит обратить внимание на то, что здесь пушкинские бесы плачут, визжат, а не хохочут и шумят, как, например, в сцене сна Татьяны из романа «Евгений Онегин», значит, их попирают, прогоняют *духи*. Но важна реакция героя, сердце которого надрывается, плачет при виде страданий бесов. Это вполне укладывается в святоотеческую традицию «милующего сердца», о великом назначении которого писал преподобный Исаак Сириянин в «Словах подвижнических» (Слово 48. О различии добродетелей и о совершенстве всего поприща).

Во-вторых, такая ситуация приоткрытия сакральной реальности, или Иерофании, не возникает повседневно и повсеместно. И в этом случае и стоит обратить внимание на появление месяца *при луне*, что может указывать на апофатику ситуации, свет вечерний и невечерний, заря вечерняя и утренняя, жизнь (месяц нарождается) и смерть (луна на увядании) сходятся. А.С. Пушкин соединил начало и конец, уместил в одном небольшом тексте большой жизненный цикл — от рождения к смерти и снова к рождению, но уже в новом качестве. Это своего рода дантовская вселенная, от низа до верха, путешествие по которой начинается всегда с низа.

Вхождение в *иной мир*, по законам русской сказки, для которой характерен поиск «иного царства», всегда связано с преодолением препятствий, всегда нас поджидает ситуация на грани «было / не было», а у А.С. Пушкина это изначальная данность: мутное небо, бескрайнее поле, бескрайняя высь, бездна. Превращение месяца в луну не поддается однозначной литературоведческой интерпретации, но культурологически,

мифологически А.С. Пушкин здесь предельно точен, соединяя жизнь и смерть, что, собственно, свойственно его зимнедорожному циклу [10].

Интересно то, что в начале некалендарного XX века в своем раннем стихотворении «Я по первому снегу бреду...» 1917 г. С.А. Есенин *отозвался* на эту пушкинскую ситуацию, и причем не столько обыграл «бесовский» сюжет, как В. Наседкин («Ночная дорога») и Б. Корнилов («Лес»), сколько точно уловил корневую необходимость для русского человека поиска «иного царства», формулы порога: «Я не знаю — то свет или мрак? // В чаще ветер поет иль петух?» [7, с. 125]. У А.С. Пушкина — пень или волк, у С.А. Есенина — ветер или петух. Неживое становится живым, границы между мирами становятся максимально тонкими, размытыми. Эта ситуация *оборотная* по своей природе, и ее также можно наблюдать на архетипическом уровне в романе «Евгений Онегин». Так, В.И. Пимонов в своей новой работе «Что случилось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа», посвященной онтологическим вопросам произведения, пишет о *скульптурном мифе*, суть которого состоит в следующем: происходит символическая инверсия «живого и мертвого» [20, с. 81].

Показателен и выбор времени года: у обоих поэтов представлен зимний путь, что уже само по себе ритуально значимо, поскольку зима, явления снега, ветра связаны с иномиром (особенно продуктивны для изучения в этом отношении записи обмираний, где описывается путешествие души по *тому свету*, представленному снежным пространством [19, с. 363]). Конечно, у С.А. Есенина зимний путь обогащается дополнительными коннотациями, связанными с явлением первого снега, который в русской поэзии наделен особым символическим смыслом. Так, в лингвокультурологических работах, посвященных этому образу, отмечается по поводу этого стихотворения: поэт воссоздал «картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом» [16, с. 133]. Однако исследователь указывает также и на эстетическое значение образа первого снега и связанное с ним эмоциональное состояние у С.А. Есенина. Но так ли прост этот образ и связан ли он только с пейзажной зарисовкой и эмоциональным настроением? Не является ли он онтологическим, знаком потустороннего? В этой связи интересен и семантически насыщен образ ландыша,

неожиданно возникающего на фоне «метельного», зимнего текста:

Я по первому снегу бреду.
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветил. [7, с. 125]

Ландыш олицетворяет что-то нежное, девственное, зарождающуюся жизнь (см. у А.С. Пушкина раннее стихотворение «Красавице, которая нюхала табак»). Первый снег — предвестник зимы, смерти, а ландыш — новой жизни. С.А. Есенин, как и А.С. Пушкин, соединяет начала и

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив. [7, с. 125]

Что предвещает эта *муть*? Что сулит она герою? Во-первых (что отличает эти стихотворения друг от друга), важно проявление лесостепного топоса, перед нами не только заснеженная пушкинская равнина, где не видно ничего, но и чаща, лес, который также связан, по фольклорным представлениям, с краем, с *тем светом*. Во-вторых, есенинская *муть* еще менее физически проявлена, чем пушкинская, мы можем понять этот образ имажинативно, когда будем говорить об аурном взгляде в искусстве. Филолог В.П. Раков в своих работах о поэтике М. Цветаевой пишет об аурном и аретном взгляде в искусстве, которые были известны еще в античности [23].

Аурный взгляд направлен на восприятие картины в целом, в полутонах, в полусвете, с которыми любил работать еще Леонардо да Винчи. Такое восприятие действительности характерно для эстетики и поэтики авторов Серебряного века [6]. Древесная муть — символ-знак апофатки судьбы героя, которую он принимает. Не случайно у С.А. Есенина возникают дендронимы в этом стихотворении, которые вообще играют большую роль в его художественной системе [27, с. 48]. Береза, по законам мирового алфавита деревьев, дерево начала, а ива — иномирное дерево, соединяющее этот мир и *тот свет*. В трактате «Ключи Марии» поэт пишет: «все от дерева», дерево наш ориентир, наша мировая ось, вертикаль в горизонтальном космосе России. Лирический есенинский герой приник к дереву, даже слился с

концы, образуя единый жизненный цикл. У него также возникает в этом стихотворении лексема «муть», что неслучайно в пушкинском контексте, где, как мы помним, «мутно небо, ночь мутна», «мутная игра» месяца (семь раз упоминается это слово):

ним, что семиотически выражено в объятиях героя ивы (руки сомкнуть над древесными бедрами ив).

Выводы. Для русской словесной культуры онтологически важен поиск «иноного царства», который проявился и в народном искусстве, и в поэтическом авторском слове. Этот поиск обусловлен характером нашего горизонтального космоса, апейронностью русской равнины, которую русскому человеку необходимо принять и преодолеть. Движение, перемещение по такой равнине приравнивается к инициационному пути, который всегда связан со стремлением героя к Мировой оси, такова архитектура архаической культуры. У А.С. Пушкина эта точка остановки в зимнем поле и есть кульминация, точка перехода, в которой начинается новая судьба в ее апофатичности, непостижимости, в восхождении по вертикали. Необходимо встать и подумать, осмотреться в этой метели, мути, воспринять ее на имажинативном уровне, то есть как высший образец и Абсолют. Пушкинский ящик оказывается без глаз («вьюга мне слипает очи», «следа не видно»), есенинский герой тоже мир воспринимает аурно («я не знаю — то свет или мрак?»), но его мировая ось воплощена конкретно в модели мирового дерева, березы, ивы. Стихотворения «Бесы» и «Я по первому снегу бреду...» обладают мощным культурным потенциалом для изучения особенностей русского национального образа мира, понимания феномена русского поиска

«иноного царства», который аксиологически и онтологически важен.

Представляется бесспорным сопоставление есенинского текста с пушкинским в свете разговора о трансформации национального мифа бесовства: бесы побеждены, когда они становятся

проявленными, видимыми для героев-духовидцев, который начинает им сострадать «сердцем милующим». Такая Иерофания, сакральная реальность открывается в поворотный момент годового цикла — у обоих поэтов это происходит в зимнее время года, что весь показательно с точки зрения национальной топики.

1. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти. — М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. — 528 с.
2. Брагинская, Н. В., Шмаина-Великанова, А. И. Свет вечерний и свет не вечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — С. 73–92.
3. Брюсов, В. Творчество // Брюсов В. Собр. соч.: в 7 т. — М.: Худ. лит., 1973. — Т. 1. — С. 35.
4. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — 544 с.
5. Грехнев, В. А. Болдинская лирика А.С. Пушкина (1830 год). — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1980. — 159 с.
6. Дударева, М. А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н.С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») // Наследие веков. — 2020. — № 1. — С. 98–104.
7. Есенин, С. А. Собр. соч. в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1995. — Т. 1. — 672 с.
8. Иванов, Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. — М.: Сов. радио, 1978. — 184 с.
9. Ильин, И. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX в. — М.: Книга, 1990. — С. 328–355.
10. Козубовская, Г. П. Пушкинский зимнедорожный цикл: балладный пласт // Культура и текст. — 2017. — № 1 (28). — С. 98–124.
11. Косякова, В. Что вышло, когда Пушкин «увидел» Босха, а Достоевский — Рафаэля? [Электронный ресурс]. — URL: <https://blog-russia.storytel.com/vspomnit-klassiku/chto-vyshlo-kogda-pushkin-uvidel-boskha-a-dostoevskiy-rafaelya> (дата обращения: 5.08.2022).
12. Кошелев, В. А. «Бесы разны...» // Пушкин: история и предание. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 195–237.
13. Лекманов, О. Брюсов. «Творчество». [Электронный ресурс]. — URL: <https://arzamas.academy/courses/22/1> (дата обращения: 5.08.2022).
14. Медриш, Д. Н. Луна или месяц? (Из наблюдений над поэтикой А. С. Пушкина) // Пушкин в XXI веке: сб. в честь В. С. Непомнящего. — М.: Русский мир, 2006. — С. 321–330.
15. Махов, А. Е. Diabolus absconditus: непредсказуемость, неопределенность и невидимость демонического тела в иконографии и текстах раннего Нового времени // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах № 7. — М.: РГГУ, 2018. — С. 9–36.
16. Морозова, Н. С. Образ первого снега в русской поэтической модели мира // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. — 2013. — № 9. — С. 131–136.
17. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Млечная дорога» — от Пушкина к Бальмонту // Солнечная пряжа: научно-популярный и литературно-художественный альманах. — Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2020. — Вып. 14. — С. 16–22.
18. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШПТУ, 2010. — 358 с.
19. Петрухин, В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 416 с.
20. Пимонов, В. И. Что случилось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2022. — Т. 24. — № 85. — С. 78–83.
21. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — Л.: Наука, 1977. — Т. 3. — 495 с.
22. Пяткин, С. Н. «Кони снова понесли...»: о возможном мифомотиве в «Бесах» А. С. Пушкина // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2005. — № 33. — С. 62–69.
23. Раков, В. П. «Неизреченное» в структуре стиля М. Цветаевой // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исследования и материалы. — Иваново: Ивановский государственный университет, 1998. — С. 87–101.
24. Сатретдинова, А. Х. Интертекстуальность поэзии В. Брюсова: дис. ... канд. филол. наук. — Астрахань, 2004. — 197 с.
25. Скороспелова, Е. Б., Чаглыян, Ш. К. Семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4 (58). — в 3 ч. Ч. 2. — С. 41–44.

26. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. — М.: Международные отношения, 1999. — Т. 2. — 688 с.
27. Соколова, М. Г. Сопоставительная характеристика образных полей «тополь — человек» и «клен — человек» в русской поэзии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2020. — Т. 42. — № 7. — С. 45–53.
28. Тернер, В. Символ и ритуал. — М.: Наука, 1983. — 277 с.
29. Толстая, С. М. Магические функции отрицания в сакральных текстах // Образ мира в тексте и ритуале. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — С. 343–348.
30. Элиаде, М. Очерки сравнительного религиоведения. — М.: Ладомир, 1999. — 488 с.

PUSHKIN'S PRESENCE IN S.A. YESENIN'S CREATIVE WORK: A CULTUROLOGICAL COMMENTARY

© 2022 M.A. Dudareva

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, Doctor of Culturology,
docent of the Department of Russian language no. 2*

of the Institute of the Russian language

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

The *object* of the article is the archetype of the Moon in the Russian culture. The *subject* of the article is the variable images of the crescent and full Moon in the Russian poetry. The *material* of the article is represented by two poems – “The Demons” by A.S. Pushkin and “Through fields of virgin snow I roam” by S.A. Yesenin. The cultural and philosophical analysis focuses on the interrelation of two types of reality, the phenomenal and the noumenal, the rational and the spontaneous in art. Much attention is paid to the problem of transformation of the Moon image in poetry; the Moon’s hypostatic nature is analysed. The author traces the change in depiction of the Moon’s image within a single literary text. The author examines the text describing the blizzard and the demonic myth associated with the Moon’s archetype in the Russian literature. The research *methodology* represents a holistic ontological hermeneutic analysis of poetic texts by Pushkin and Yesenin aimed at highlighting the cultural potential of the problem of dualism in the Russian national world image, which makes it possible to describe the material from ontological positions and gain an insight into the poetic word. The work *results* can be of interest to philologists who include literature in the space of the great dialogue of cultures. The findings can also be used in teaching cultural studies and Russian philosophy courses.

Keywords: Russian culture and literature, poem “The Demons”, S.A. Yesenin’s earlier verses, archetype, the Moon, A.S. Pushkin’s winter cycle, apophaticism

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-62-70

1. Ar'es, F. Chelovek pered licom smerti (Man in the face of death). — М.: Progress — Progress-Akademija, 1992. — 528 s.
2. Braginskaja, N. V., Shmaina-Velikanova, A. I. Svet vechernij i svet nevechernij (Evening light and non-evening light) // Dva venka: Posvjashhenie Ol'ge Sedakovej. — М.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2013. — S. 73–92.
3. Brjusov, V. Tvorchestvo (Creativity) // Brjusov V. Sobr. soch.: V 7 t. — М.: Hud. lit., 1973. — Т. 1. — S. 35.
4. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira (Mentality of the peoples of the world). — М.: Algoritm; Jeksmo, 2008. — 544 s.
5. Grehnev, V. A. Boldinskaja lirika A.S. Pushkina (1830 god) (Boldino lyrics by A.S. Pushkin (1830)). — Gor'kij: Volgo-Vjatskoe kn. izd-vo, 1980. — 159 s.
6. Dudareva, M. A. Apofatika russkogo jazyka i kul'tury v tvorcestve N.S. Gumileva (na primere stihotvorenija «Zhiraf») (Apophaticism of the Russian language and culture in the work of N.S. Gumilyov (on the example of the poem “Giraffe”)) // Nasledie vekov. — 2020. — № 1. — S. 98–104.
7. Esenin, S. A. Sobr. soch. v 7 t. (Collected works in 7 volumes). — М.: Nauka; Golos, 1995. — Т. 1. — 672 s.
8. Ivanov, Vjach. Vs. Chet i nechet: Asimmetrija mozga i znakovyh system (Even and odd: Asymmetry of the brain and sign systems). — М.: Sov. radio, 1978. — 184 s.
9. Il'in, I. Prorocheskoe prizvanie Pushkina (Pushkin's prophetic vocation) // Pushkin v russoj filosofskoj kritike: konec XIX — pervaja polovina XX v. — М.: Kniga, 1990. — S. 328–355.
10. Kozubovskaja, G. P. Pushkinskij zimnedorozhnyj cikl: balladnyj plast (Pushkin's winter road cycle: ballad layer) // Kul'tura i tekst. — 2017. — № 1 (28). — S. 98–124.

11. Kosjakova, V. Chto vyshlo, kogda Pushkin «uvidel» Bosha, a Dostoevskij — Rafajelja? (What happened when Pushkin “saw” Bosch, and Dostoevsky - Raphael?) [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://blog-russia.storytel.com/vspomnit-klassiku/chto-vyshlo-kogda-pushkin-uvidel-boskha-a-dostoevskiy-rafaelya> (data obrashhenija: 5.08.2022).
12. Koshelev, V. A. «Besy razny...» (“Demons are different...”) // Pushkin: istorija i predanie. — SPb.: Akademicheskij proekt, 2000. — S. 195–237.
13. Lekmanov, O. Brjusov. «Tvorchestvo» (Bryusov. “Creation”). [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://arzamas.academy/courses/22/1> (data obrashhenija: 5.08.2022).
14. Medrish, D. N. Luna ili mesjac? (Iz nabljudenij nad pojetikoj A. S. Pushkina) (Moon or month? (From observations on the poetics of A. S. Pushkin)) // Pushkin v XXI veke: sb. v chest' V. S. Nepomnjashhego. — M.: Russkij mir#, 2006. — S. 321–330.
15. Mahov, A. E. Diabolus absconditus: nepredskazuemost', neopredelennost' i nevidimost' demonicheskogo tela v ikonografii i tekstah rannego Novogo vremeni (Diabolus absconditus: unpredictability, uncertainty and invisibility of the demonic body in iconography and texts of the early modern period) // In Umbra: Demonologija kak semioticheskaja sistema: Al'manah № 7. — M.: RGGU, 2018. — S. 9–36.
16. Morozova, N. S. Obraz pervogo snega v russkoj pojeticheskoj modeli mira (The image of the first snow in the Russian poetic model of the world) // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. — 2013. — № 9. — S. 131–136.
17. Okeanskij, V. P., Okeanskaja Zh. L. «Mlechnaja doroga» — ot Pushkina k Bal'montu (“The Milky Road” — from Pushkin to Balmont) // Solnechnaja prjazha: nauchno-populjarnyj i literaturno-hudozhestvennyj al'manah. — Shuja: Izd-vo Shujskogo filiala IvGU, 2020. — Vyp. 14. — S. 16–22.
18. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and totality: the poetics of space and its crisis). — Ivanovo: ShGPU, 2010. — 358 s.
19. Petruhin, V. Ja. Zagrobnyj mir. Mify o zagrobnoj mire: mify raznyh narodov (The afterlife. Myths about the afterlife: myths of different peoples). — M.: AST: Astrel', 2010. — 416 s.
20. Pimonov, V. I. Chto stalos' s Oneginym? Pojetika finala pushkinskogo romana (What happened to Onegin? Poetics of the finale of Pushkin's novel) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. — 2022. — T. 24, № 85. — S. 78–83.
21. Pushkin, A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. (Complete works: in 10 volumes). — L.: Nauka, 1977. — T. 3. — 495 s.
22. Pjatkin, S. N. «Koni snova poneslisja...»: o vozmozhnom mifomotive v «Besah» A. S. Pushkina (“The horses raced again...”: about a possible mythomotive in “Demons” by A. S. Pushkin) // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo. — 2005. — № 33. — S. 62–69.
23. Rakov, V. P. «Neizrechenoe» v strukture stilja M. Cvetaevoj (“Inexpressible” in the structure of the style of M. Tsvetaeva) // Voprosy ontologicheskoi pojetiki. Potaennaja literatura: Issledovanija i materialy. — Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 1998. — S. 87–101.
24. Satretdinova, A. H. Intertekstual'nost' poezii V. Brjusova: dis. ... kand. filol. Nauk (Intertextuality of V. Bryusov's poetry: dis. ... cand. philol. Sciences.). — Astrahan', 2004. — 197 s.
25. Skorospelova, E. B., Chaglyjan, Sh. K. Semantika i funkcii motiva meteli v romane B. Pasternaka «Doktor Zhivago» (Semantics and functions of the blizzard motif in B. Pasternak's novel “Doctor Zhivago”) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2016. — № 4 (58). — V. 3 ch. Ch. 2. — C. 41–44.
26. Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar' (Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary) / pod red. N. I. Tolstogo: v 5 t. — M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999. — T. 2. — 688 s.
27. Sokolova, M. G. Sopostavitel'naja karakteristika obraznyh polej «topol' — chelovek» i «klen — chelovek» v russkoj poezii (Comparative characteristics of figurative fields “poplar - man” and “maple - man” in Russian poetry) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2020. — T. 42. — № 7. — S. 45–53.
28. Terner, V. Simvol i ritual (Symbol and ritual). — M.: Nauka, 1983. — 277 s.
29. Tolstaja, S. M. Magicheskie funkcii otricanija v sakral'nyh tekstah (Magic functions of negation in sacred texts) // Obraz mira v tekste i rituale. — M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2015. — S. 343–348.
30. Jeliade, M. Oчерki sravnitel'nogo religiovedenija (Essays on Comparative Religion). — M.: Ladomir, 1999. — 488 s.

УДК 130.2 :78.01 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения / Общие вопросы. Теории. Эстетика и философия музыки)

А.К. ГЛАЗУНОВ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ ПРИЗНАНИЯ САКСОФОНА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

© 2022 Ли Сию

Ли Сию, аспирант факультета искусств

E-mail: g.v.denissova@gmail.com

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 17.07.2022

В статье рассматривается особая роль А.К. Глазунова в преодолении пренебрежительного отношения «академических» композиторов к использованию саксофона в классических произведениях. Также исследуется история принятия саксофона как нового инструмента в музыкальной среде в целом, эволюция взглядов А.К. Глазунова на саму возможность сочинения концерта исключительно для саксофонной группы. К 1930 г. саксофон завоевал звание «короля джаза», но при этом приобрел некий налет несерьезности и легкомыслия. Анализируя соответствующую литературу, автор приходит к выводу о том, что благодаря активной деятельности выдающегося исполнителя-саксофониста С. Рашера и его договоренностям с признанным мэтром А.К. Глазуновым появились новые классические произведения, которые позволили саксофону вернуться в орбиту «академической музыки». А.К. Глазунов, безусловно, ассоциировал саксофон с некой «американистостью». Л. Сабанеев называл Саксофонный квартет «модернизмом, который позволил себе Глазунов». Таким образом, в творчестве А.К. Глазунова проявилось смешение русской-европейской и американской культур. При этом ему удалось создать произведения навсегда вошедшие в золотой фонд искусства, объединив классическую музыку и новаторский, в то время, саксофон.

Ключевые слова: А.К. Глазунов, А. Сакс, С. Рашер, классическая музыка, саксофон, джаз

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-71-76

Введение. Об уникальности саксофонной музыки, на наш взгляд, наиболее образно высказался в 1924 г. Уильям Болито: «И вдруг я слышу настоящую ноту саксофона, незабываемую, высокую, и ясную, из глубины меди, нечто новое, то, что мы пришли услышать. Для меня этот знаменитый верхний регистр давно покинул человечество, но он все еще достаточно близок, чтобы я мог его понять; пронзительный, музыкальный, крик фавна, который прекрасен и болезненен. Солист – он дует изо всех сил, но его щеки остаются бледными. Сейчас он на вершине своего искусства. Голос нашей эпохи сорвался с его губ благодаря его чудесному инструменту. Он священник одержимый получеловеком, полубогом, бесконечно печальный, но совершенно несентиментальный. Не способный сожалеть, без прошлого, без воспоминаний, без будущего, без надежды. Звук колет танцоров, разводит их губы, сжимает как пружину их движения. Это то, что делает саксофон великим и обогащает, и разрушает саксофонистов». Актуальность настоящего исследования обусловлена неугасаемой популярностью саксофона в мировой культуре, необходимостью

устранения белых пятен в истории его появления и широкого распространения.

Методы исследования: обзор и анализ литературы, архивов, исторических памятников.

История вопроса. Бельгийский мастер Адольф Сакс изобрел саксофон в 1840 г. Патент (не без сложностей) А. Сакс получил в 1846-м. Тембровые особенности саксофона удивительным образом подошли романтическим настроениям того времени, которые, по мнению Ю. Усова, «расцвели симфонический оркестр разнообразными тембровыми красками, <...> придали ему необыкновенную красочность звучания и поистине блестящий колорит» [10, с. 92]. Богатейшая тембровая палитра саксофона помогала создавать «темы-образы» (выражение Е. Назайкинского) [7, с. 59-98.] – от необычайно выразительных и мелодичных до жизнерадостных и виртуозных.

Саксофон смог стать связующим звеном между могучей медью и изысканными деревянными инструментами. Саксофон – это тот инструмент, «который не мог бы заглушить слабых, но и был бы наравне с сильными» [5, с. 14]. Именно потому, что этот инструмент занял

пустую нишу, он и стал столь популярен. Судьба саксофона претерпела многие повороты со времени его изобретения. И сам он менялся в соответствии с требованиями времени. Популярен он стал изначально во Франции, где особым декретом в 1845 г. саксофон стал обязательным инструментом, во всех духовых оркестрах. Это привело к тому, что саксофоны стали популярны не только во Франции. Группа состояла из пар саксофонов-баритонов, саксофонов-теноров саксофонов-альтов и саксофонов-сопрано. Изначально А. Сакс создал два разных типа инструментов: один для духового, другой для симфонического оркестра. Но, в будущем, саксофоны для симфонического и оперного оркестров не прижились и остались только для духовых. Тем временем популярность нового инструмента росла – в Парижской консерватории открывается в 1857 г. класс саксофона, который возглавил его создатель А. Сакс. Э. Гобер (E. Gaubert), один из первых исполнителей, начал преподавать в консерватории города Лилль. В силу обстоятельств именно Франция стала основоположницей развития саксофонной исполнительской культуры. В этой стране были открыты первые классы саксофона, создана первая методическая и художественная литература, получило развитие сольное, ансамблевое и оркестровое исполнительство [5, с. 23-24]. Популяризации саксофона способствовали и первые конкурсы саксофонистов, проводимые в Париже. Ученики класса А. Сакса стали победителями этих конкурсов. К сожалению, развитию саксофона во Франции страшный удар нанесла историческая действительность. Из-за франко-прусской войны в 1870 г. учебное заведение было закрыто, а класс саксофона расформирован и вновь открылся только в 1942 г. Европе стало не до саксофона. Сложившиеся обстоятельства побуждают многих исполнителей (в их числе оказался и один из лучших – Э. Лефебр) эмигрировать в Америку. Саксофон никак не мог закрепиться в академической симфонической партитуре. Место было занято традиционными духовыми инструментами, к которым все привыкли. Многие композиторы 19 в. пытались внедрить саксофон, но попытки «Берлиоза, Кастнера, Мейербергера, Тома, Штрауса и других закрепить их (инструменты группы саксофонов) в оперно-симфонических партитурах не увенчались успехом, настолько сильны были традиции, сложившиеся в оркестровой стилистике и в построении

составов групп. Не оправдались полностью расчеты на внедрение этих инструментов в различные ансамблевые комбинации, а вместе с тем и надежда изобретателя на их звуковые преимущества в окружении струнных и традиционных оркестровых духовых инструментов» [5, с. 17].

Большую роль в популяризации саксофона сыграли гастролы Большого республиканского оркестра Франции. Особый интерес новый инструмент вызвал в Америке. Так, П. Гилмора (P. Gilmore), стал активно использовать его в своем оркестре. П. Гилмор был известен своим новаторским подходом и постоянным поиском новых инструментовок. Прообразом для них служили пьесы для джаз-оркестров, где использовались саксофоны. Эдуард Лефебр, покинувший враждебную для саксофона Францию, создал ажиотаж вокруг нового инструмента в США. «New York Saxophone Quartet Club» - первый квартет для саксофонов, был организован именно ему. Благодаря его выступлениям на главных площадках страны саксофон стал популярен в США.

К середине 19 в. образное наполнение музыкальных произведений привело к тому, что духовые инструменты практически стали петь подобно голосу человека. Саксофон являлся здесь одним из непревзойденных кандидатов. Эти вокальные способности стали особенной чертой духовых инструментов, они создали «тембро-интонацию» [1, с. 287.], новую образность. Одним из первых, кто использовал саксофон в классическом произведении, был Г. Кастнер. Он использует саксофон в партитуре своей оперы «Последний царь Иудеи». Г. Кастнер на 10 лет опередил всех композиторов, приняв непривычное звучание, преодолев неприятие инструмента. Для одних композиторов интересен был только тембр саксофона как дополнительная яркая нота в оркестре, для других он был важен только для исполнения сольной партии (некоторые из них до сих пор являют собой пример непревзойденной красоты), кто-то использовал целые группы саксофонов. Как было сказано выше, исторические обстоятельства (Франко-прусская война) привели к тому, что основной интерес к инструменту стал проявляться в США.

И главную роль здесь сыграл джаз. Именно с джазом стал ассоциироваться саксофон, именно там он обрел своё место. Джаз был настолько популярен, что сформировал целую эпоху. Недаром Ф. Фицджеральд называл период начала XX в.

«веком джаза». Позднее, в 20-х – начале 30-х гг., биг-бенды (big-bands) сыграли важную роль в становлении искусства игры на саксофоне. Большая биг-бендов в «эпоху свинга» (период примерно с середины 30-х до середины 40-х годов) привела к тому, что саксофон занял в джазе господствующее положение. Именно став «королем джаза», саксофон проявил свой потенциал как «наиболее концертного инструмента из всех духовых, который может звучать нежнее флейты, мощнее трубы, виртуознее кларнета» [11, с. 11]. Однако данное обстоятельство плохо скажется на популярности саксофона у авторов классической музыки. Слово «саксофон» стало синонимом слово «джаз». Для многих «академических» авторов использование саксофона в своих произведениях стало означать вульгаризацию и потакание (как они считали в то время) низким вкусам. Композитор А. Онеггер констатировал этот факт, обозначив и свою позицию: «Саксофон стал широко популярным благодаря джазу и различным видоизменениям своего тембра. Однако, из-за указанных видоизменений, все клеветали на него. Сделали из саксофона инструмент, виновный во всех непристойных звучаниях, <...> а между тем, у саксофона голос благородный, серьезный и захватывающий. В руках хорошего солиста – это инструмент-певец» [9, с. 58-59].

В начале XX в. саксофон, считающийся исключительно «джазовым» инструментом, не признавался достойным того, чтобы его изучали в учебных заведениях в США. «Официальная система музыкального образования джаз в свои пределы не допускала. Классика и только классика господствовала в аудиториях американских консерваторий, музыкальных школ и колледжей» [6]. Тем не менее саксофон привлекал внимание выдающихся композиторов. Обычно выделяют три направления применения этого инструмента в оркестровом творчестве первой половины XX в. Р. Штраус осознал невероятный потенциал саксофона. В свою «Домашнюю симфонию» он смело ввел в группу из четырех саксофонов (сопрано, альт, баритон, бас), поражающей исключительной звуковой колоритностью и эмоциональностью. Р. Штраус стал основоположником первого направления. Необходимо отметить, что автор продолжает линию экспериментирования, начатую композиторами-романтиками. В произведениях второй половины XIX в. также используются различные комбинации саксофонных групп. Количество инструментов варьировалось от трех в операх «Иродиада» Ж. Массне до 4-х в «Фервааль»

В.Д. Энди и до 6, в симфонии «Голос в Париже» Г. Кастнера, где звучали саксофоны- сопрано, саксофона-альты, а также саксофоны-тенор и баритон. М. Равель, возглавил второе направление. В «Болеро» композитор использовал три саксофона – сопранино, сопрано и тенор, противопоставив звучание несходных разновидностей. Это создало удивительный колорит. (В настоящее время саксофон-сопранино не используются и при воплощении произведения звучат только тенор и сопрано). В пьесе «Старый замок» М. Равель использует саксофон-альт при создании оркестровки «Картинок с выставки» М. Мусоргского. Звук и тембр этого инструмента воплощают образ странствующего трубадура. Дж. Гершвин обычно считается родоначальником третьего экспериментального направления. Это направление некий синтез джаза и классической музыки. Произошло взаимообогащение, возникли коллективы «симфоджаза», где использовалась полная группа саксофонов (два альты, два тенора, баритон и сопрано). Авторы третьего направления используют саксофонные группы как особую самостоятельную группу, например, в «Рапсодии в блюзовых тонах» и симфонической картине «Американец в Париже» Дж. Гершвина. Дж. Гершвин использует только два саксофона-альта и один саксофон-тенор в картине-симфонии «Американец в Париже».

Благодаря произведениям зарубежных композиторов, саксофон попал в работы русских авторов в 30-х гг. XX в., «проникнув» в русские оперы и симфонии. Здесь «голос» саксофона воплощает романтический настрой произведений. Саксофон используют многие композиторы, например, С.В. Рахманинов в «Симфонических танцах». Саксофон можно услышать в сочинениях Д.Д. Шостаковича, А.И. Хачатуряна и С.С. Прокофьева. Одной из главных вех превращения саксофона в инструмент классической музыки стало творчество А.К. Глазунова. В 1932 г., неожиданно для многих музыкантов, А.К. Глазунов обращается к совершенно новому для себя инструменту – саксофону – и создает Квартет для саксофонов B-dur. В следующем году композитор напишет Концерт для саксофона-альта и струнного оркестра Es-dur. Современники весьма удивились такому интересу Глазунова к саксофону. Из письма А.К. Глазунова Я. Вольфману от 11 мая 1932 г. из Парижа: «Очень извиняюсь, что давно не писал Вам, - был очень занят сочинительством и почти окончил квартет для (?) 4-х саксофонов. Работа эта меня очень заинтересовала своею новизною, так как до сих пор

я писал квартеты для струнных инструментов. Не знаю, как все будет звучать» [4, с. 410]. В приведенном письме А.К. Глазунов поставил вопросительный знак перед тем, как сообщить адресату инструментальный состав только что завершеного им опуса, вероятно, предугадывая удивление Я. Вольфмана. Ведь изобретенный в 1840-х гг., к началу XX в. саксофон все еще оставался инструментом-новинкой, репертуар которого был невелик, особенно в сольных ролях.

Несмотря на то что саксофон все чаще использовался в симфонических и оперных партитурах, к 1930-м гг. в истории европейской музыки можно обнаружить единичные примеры творений для саксофона соло, а произведения для ансамбля саксофонов – вообще явление уникальное для того времени. Мы знаем из переписки А.К. Глазунова, что его фактически заставил написать сочинения для саксофона выдающийся исполнитель С. Рашер. Именно он «заставлял» классических композиторов создавать произведения для своего любимого инструмента. А.К. Глазунов пишет в своем письме от 21 марта 1932 г. к А. Штейнбергу: «Задумал сочинить квартет для саксофонов. Эти инструменты очень звучны и сильны, и в оркестре даже покрывают обычные духовые инструменты. В духовом оркестре национальной гвардии имеются превосходные солисты на саксофонах» [2, с. 308]. При этом А.К. Глазунов не был уверен, что исполнительское мастерство саксофонистов позволит воплотить его замыслы. О «взаимоотношениях» А.К. Глазунова с саксофоном может рассказать один из рукописных автографов квартета, хранящийся в архиве Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Автограф представляет собой вертикальный лист нотной бумаги, на котором композитор выписал два такта из вариации *a la Schumann* второй части. Внизу листа помещена надпись, сделанная рукой Глазунова и обращенная к одному из исполнителей: «Est-il possible de faire des triller sur et sur». («Возможно ли сделать трель над?»). На этом же листе Глазунову был дан ответ. Над первой нотой подписано «Oui» («Да»), над второй «Oui mais difficile» («Да, но трудно»). Такой диалог с исполнителем о возможности или невозможности сыграть трель над нотами *des3* и *e3* свидетельствует, что Глазунов не был детально знаком со спецификой инструмента и нуждался в совете саксофониста.

Результаты исследования. Для русского композитора саксофон представлял инструмент-новинку. Сигурд Рашер убедил А.К. Глазунова, что он сможет всё исполнить. А.К. Глазунов неоднократно советовался с С. Рашером в процессе работы над Концертом относительно вероятных ограничений при исполнении новаторского произведения. Его волновало справится ли исполнитель с дыханием, как исполнит штрихи или целые музыкальные фразы. Саксофонисту потребовалось несколько недель, чтобы разучить Концерт, после чего он прибыл в Париж с целью сыграть его автору и получить необходимые рекомендации. С. Рашер очень ценил это произведения, часто исполнял его на своих концертах, состоял с Глазуновым в постоянной переписке... Глазунов отмечал в письмах своим корреспондентам в Советской России: «Концерт для саксофона войдет в программу многих концертов в Англии и Скандинавии. Играть будет датский саксофонист С. Рашер, очень хороший, с громадной техникой» [3, с. 84]. После Первой мировой войны джаз, а с ним и мода на саксофон, пришли в Европу. Из письма А.К. Глазунова Штейнбергу от 2 июня 1932 г. из Парижа: «Окончил пьесу для четырех саксофонов (2 части в партитуре, а III в эскизе). I часть — Аллегро с ритмом <...>: немного американисто!» [3, с. 69-70]. «Американский стиль» первой части квартета, о котором упоминал А.К. Глазунов в письме Штейнбергу, имеет следующее объяснение. А.К. Глазунов слышал джаз на улицах Парижа (куда он эмигрировал из Советской России). Незадолго до написания этого сочинения, А.К. Глазунов совершил гастрольное турне по Америке (пусть и не очень удачное), во время которого композитор также познакомился с музыкальной культурой США. В одном из интервью Нью-Йоркской газете «Новое Русское Слово» на вопрос «Нравится ли вам джаз?» А.К. Глазунов ответил «Вам покажется странным, но мне он нравится. Это – не простая безделушка. В нем попадаются чудные ритмы. Однако, как говорил Р. Вагнер, это – совокупное искусство. В нем трудно отличить творчество от исполнения: успех в джазе зависит почти в одинаковой степени и от одного, и от другого» [8, с. 1]. Кроме того, А.К. Глазунов познакомился с музыкой современных американских композиторов, в частности, Дж. Гершвина. А.К. Глазунов лично встречался с музыкантом в Нью-Йорке во время гастролей и присутствовал на концерте Филармонического оркестра, который

исполнял «Рапсодию в стиле блюз». По окончании концерта представленный А.К. Глазунову Дж. Гершвин высказал желание отправиться в Россию изучать оркестровку у маститого композитора. Глазунов ответил, что у него ничего не выйдет, поскольку Дж. Гершвин, по его мнению, имел слабую теоретическую подготовку. Между тем американец не сдался и позднее серьезно занимался по рекомендациям А.К. Глазунова. А.К. Глазунов, безусловно, ассоциировал саксофон с некой

«американистостью». Л. Сабанев называл Саксофонный квартет «модернизмом, который позволил себе Глазунов».

Выводы. В творчестве А.К. Глазунова проявилось смешение русской-европейской и американской культур. При этом ему удалось создать произведения навсегда вошедшие в золотой фонд искусства, объединив классическую музыку и новаторский, в то время, саксофон.

1. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев. – Л.: Музыка, 1971. – 287 с.
2. Глазунов, А. К. Музыкальное наследие. Исследования, материалы, публикации, письма / Под ред. Ю.В. Келдыша и др. – Л.: Музгиз, 1959. – Т 1. 555 с
3. Глазунов, А.К. Музыкальное наследие: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: в 2-х т. Т. 2 / Под ред. Ю.В. Келдыша и др. – Л.: Музгиз, 1960. – 570 с.
4. Глазунов, А.К. Письма, статьи, воспоминания. Избранное / А.К. Глазунов / Сост. и вст. ст. М.А. Ганиной. – М.: Гос. муз. изд-во, 1958. – 550 с.
5. Иванов, В. Д. Современное искусство игры на саксофоне: проблемы истории, теории и практики исполнительства: дис. доктора искусствоведения: 17.00.02 / В. Д. Иванов. – М., 1997. – 296 с
6. Мошков, К. В. История джазового образования в США: краткий обзор [Электронный ресурс] / К. В. Мошков // Полный джаз: электронный журнал. – № 22. – 2002. – URL: <http://www.jazz.ru> (дата обращения: 16.07.2022).
7. Назайкинский, Е. В. О константности в восприятии музыки / Е. В. Назайкинский // Музыкальное искусство и наука: сборник статей. – М.: Музыка, 1973. – Выпуск 2. – С. 59-98.
8. Новое русское слово. – 1929. – № 6138.
9. Онеггер, А. О музыкальном искусстве / А. Онеггер. – Л.: Музыка, 1979. – 264 с.
10. Усов, Ю. А. История зарубежного исполнительства на духовых инструментах / Ю. А. Усов. – М.: Музыка, 1989. – 205 с.
11. Эпштейн, Е. И. Женщина из страны «саксофония» / Е. И. Эпштейн // Музыкальная жизнь. – 1990. – № 21. – С. 11-12.

ALEXANDER GLAZUNOV AND HIS ROLE IN THE HISTORY OF RECOGNITION OF THE SAXOPHONE IN THE ACADEMIC ENVIRONMENT

© 2022 Li Siyu

Li Siyu, graduate student of the Faculty of Arts

E-mail: g.v.denissova@gmail.com

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Moscow, Russia

The article discusses the special role of A.K. Glazunov in overcoming the dismissive attitude of "academic" composers to the use of the saxophone in classical works. The history of the adoption of the saxophone as a new instrument in the musical environment as a whole, the evolution of the views of A.K. Glazunov to the very possibility of composing a concerto exclusively for a saxophone group. By 1930, the saxophone had won the title of "King of Jazz", but at the same time acquired a certain touch of frivolity and frivolity. Analyzing the relevant literature, the author comes to the conclusion that thanks to the active work of the outstanding saxophonist S. Rascher and his agreements with the recognized master A.K. Glazunov, new classical works appeared, which allowed the saxophone to return to the orbit of "academic music". A.K. Glazunov, of course, associated the saxophone with a certain "Americanism". L. Sabaneev called the Saxophone Quartet "modernism that Glazunov allowed himself." Thus, in the work of A.K. Glazunov showed a mixture of Russian-European and American cultures. At the same time, he managed to create works that forever entered the golden fund of art, combining classical music and innovative, at that time, saxophone.

Keywords: A.K. Glazunov, A. Sax, S. Rascher, classical music, saxophone, jazz
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-71-76

1. Asaf'ev, B. V. Muzykal'naia forma kak protsess (Musical form as a process) / B. V. Asaf'ev. – L.: Muzyka, 1971. – 287 s.
2. Glazunov, A. K. Muzykal'noe nasledie. Issledovaniia, materialy, publikatsii, pis'ma (Musical heritage. Research, materials, publications, letters) / Pod red. Iu.V. Keldysha i dr. – L.: Muzgiz, 1959. – T 1. 555 s
3. Glazunov, A.K. Muzykal'noe nasledie: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii. Pis'ma: v 2-kh t. T. 2 (Musical Heritage: Research. Materials. Publications. Letters: in 2 vols. Vol. 2) / Pod red. Iu.V. Keldysha i dr. – L.: Muzgiz, 1960. – 570 s.
4. Glazunov, A.K. Pis'ma, stat'i, vospominaniia. Izbrannoe (Letters, articles, memoirs. Favorites) / A.K. Glazunov / Sost. i vt. st. M.A. Ganinoi. – M.: Gos. muz. izd-vo, 1958. – 550 s.
5. Ivanov, V. D. Sovremennoe iskusstvo igry na saksofone: problemy is-torii, teorii i praktiki ispolnitel'stva: dis. doktora iskusstvovedeniia: 17.00.02 (Modern art of playing the saxophone: problems of history, theory and practice of performance: dis. Doctor of Arts: 17.00.02) / V. D. Ivanov. – M., 1997. – 296 s
6. Moshkov, K. V. Istoriia dzhazovogo obrazovaniia v SShA: kratkii obzor (History of jazz education in the USA: a brief overview) [Elektronnyi resurs] / K. V. Moshkov // Polnyi dzhaz: elektronnyi zhurnal. – № 22. – 2002. – URL: <http://www.jazz.ru> (data obrashcheniia: 16.07.2022).
7. Nazaikinskii, E. V. O konstantnosti v vospriatii muzyki (On constancy in the perception of music) / E. V. Nazaikinskii // Muzykal'noe iskusstvo i nauka: sbornik statei. – M.: Mu-zyka, 1973. – Vypusk 2. – S. 59-98.
8. Novoe russkoe slovo (New Russian word). – 1929. – № 6138.
9. Onegger, A. O muzykal'nom iskusstve (About musical art) / A. Onegger. – L.: Muzyka, 1979. – 264 s.
10. Usov, Iu. A. Istoriia zarubezhnogo ispolnitel'stva na dukhovykh instrumentakh» (The history of foreign performance on wind instruments) / Iu. A. Usov. – M.: Muzyka, 1989. – 205 s.
11. Epshtein, E. I. Zhenshchina iz strany «saksofoniia» (Woman from the country "saxophony") / E. I. Epshtein // Muzykal'naia zhizn'. – 1990. – № 21. – S. 11-12.

УДК 130.2 :78.01 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения /
Общие вопросы. Теории. Эстетика и философия музыки)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ А.К. ГЛАЗУНОВА

© 2022 Ли Сию

Ли Сию, аспирант факультета искусств

E-mail: g.v.denissova@gmail.com

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 17.07.2022

В статье рассматривается творчество композитора А.К. Глазунова в относительно новой парадигме. В этой связи автор прибег к биографическому, музыковедческому методам исследования, а также к системному анализу. На примере его произведения «Саломея» рассмотрен вклад композитора в мир символизма, популярного в конце 19 - начале 20 вв. «Танец Саломеи», написанный для Иды Рубенштейн и исполненный ею вопреки цензурным ограничениям, является ярким примером новаторского искусства того времени. Над постановкой трудились и другие выдающиеся художники того времени - Мейерхольд, Бакст, Фокин. В статье изучается роль экзотической музыки в творчестве А.К. Глазунова. Выводы исследования: А.К. Глазунов создал великолепное символистское произведение в духе передовых идей своего времени, раскрыв новые грани своего таланта. В творчестве А.К. Глазунова «Саломея» не единственное «экзотическое» произведение, были еще несколько, в том числе «Испанская серенада» (1888), «Восточная мечта» (1888 г.), «Восточная сказка» из струнного квартета «Пять новелл» (1886), «Восточный танец» из балетных сцен (1904), «Вакханалия» из оперы «Раймонда» (1898), Восточная рапсодия (1889 г.), Восточная сюита (1895) и песня «Восточный романс» в дополнение к отрывку из «Сезонов», использованному в «Клеопатре».

Ключевые слова: А.К. Глазунов, Ида Рубенштейн, «Саломея», Оскар Уайльд, символизм, симфоническое движение
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-77-82

Введение. Александр Константинович Глазунов (1865–1936) не у всех ассоциируется с новаторскими решениями в музыке. Он часто видится продолжателем дела «могучей кучки», верным традициям своего учителя Н.А. Римского-Корсакова, классическим русским композитором. Однако творчество А.К. Глазунова гораздо шире этого определения. В поздний период своей жизни он внес, например, выдающийся вклад в развитии саксофона как инструмента классического искусства.

Мы хотели бы остановиться на специфическом произведении А.К. Глазунова, которое пронизано символизмом, неожиданным для непосвященного слушателя. Это музыкальное произведение, которое он написал по заказу танцовщицы-любительницы Иды Рубинштейн – «Танец Саломеи».

Методы исследования. В работе использован биографический метод исследования, системного анализа, а также музыковедческий.

Ида Рубенштейн, обладательница огромного состояния, вошла в историю русской культуры как новаторская танцовщица. Отсутствие профессионального образования сильно

ограничивало хореографические возможности постановок с ее участием. Тем не менее, поскольку над ее постановками трудились лучшие постановщики и музыканты своего времени, они вызывали неподдельный интерес у публики. Так, над постановкой «Саломеи» работали В.Э. Мейерхольд, выдающийся художник Л. Бакст, постановку танца осуществил М. Фокин, а музыку написал А.К. Глазунов.

«Саломея» – музыкальное произведение, основанное на литературной пьесе О. Уайльда. Пьеса вышла в России в 1904 г. в переводе К. Бальмонта. Пьеса пользовалась большим успехом у композиторов.

Пляска была задумана как театрализованная сцена с живописным оформлением. Кроме Саломеи, в ней должны были участвовать царь Ирод, Иродиада, группы народа и римские воины.

Не всё из задуманного было осуществлено при исполнении на вечере художественного танца И.Л. Рубинштейн 20 декабря 1908 г. «Репетиция в Большом зале Консерватории, — вспоминал позже Глазунов, — прошла блестяще, но тут вмешалась цензура и полиция. Почему-то уничтожили трон Ирода и весь задуманный

Мейерхольдом план действия. На самом спектакле Ирод с женою стояли где-то около кулис, так как трон был убран, тем не менее спектакль и в искаженном виде произвёл впечатление». Скандал устроил В. Пуришкевич, недавно основавший «Союз Михаила Архангела» и искавший возможности привлечь к себе внимание. В результате уже разрешенная постановка Саломеи в театре Комиссаржевской была отменена, а постановка Иды Рубинштейн сильно урезана.

Помимо «Танца Саломеи» А.К. Глазунова на ту же тему почти одновременно вышли несколько произведений: опера «Саломея» Антуана Мариотта (1908), опера «Саломея» Рихарда Штрауса (1905), и балет «Трагедия Саломеи» Флорана Шмитта (1907). Произведение Р. Штрауса привлекло к себе наибольшее внимание.

Сам О. Уайльд не думал, что в его пьесе нужна музыка. Выбор Иды Рубинштейн включить музыку в ее постановку, скорее всего, был предпринят, учитывая важность музыки в ее символистской эстетике. Кроме того, как показал музыковед Питер Ламот, музыкальное сопровождение было «вездесущим» в театральных представлениях конца века, особенно во Франции [7, с. 1]. Музыка играла все более важную роль в разговорном театре по мере того, как девятнадцатый век шел на убыль, становясь неотъемлемым аспектом как популярного, так и традиционного театра, а также «гибридных» произведений, которые включали музыку, танец и устный текст. Ранние театральные эксперименты французских символистов почти всегда включали музыку как ключевой фактор создания мультисенсорного и синестетического опыта для публики. Стефан Малларме постулировал музыку как средство, способное победить вездесущую материальность театра, которую драматурги и режиссеры-символисты хотели смягчить. «Простое оркестровое дополнение меняет все», — заключил С. Малларме [8, с. 156].

Ламот пишет: «Сочетание танца и аккомпанемента во Франции все более приходит к пантомиме по своей природе к концу девятнадцатого века», перечисляя в качестве примеров композиции Камиллы Сен-Санс для пьес Дежанир (1898) и Парисатида (1902), а также, что характерно, музыку, сочиненная для пьес, написанных для Рубинштейн и исполненных ею: композиции Дебюсси для «Мученика» (1911) и Ильдебрандо да Парма для «Пизанеллы или духов смерти» (1913).

Ламот также подчеркивает важность аккомпанементной музыки, особенно той, которая объединяет балетную и пантомимическую танцевальную музыку, в пьесах с «протохристианскими» сюжетами, такими как Калигула (Габриэль Фор, 1888 г.), La Legende de Sainte Cecile (Эрнест Шоссон, 1891), Quo vadis? (Фрэнсис Том, 1901 г.) и Les Noces Corinthiennes (Томе, 1902 г.)» [7, с. 122].

На протяжении всей карьеры актрисы и продюсера Ида Рубинштейн привлекала самых известных и признанных критиками музыкантов своего времени, заказав работы, в частности, Флорану Шмитту («Антуан и Клеопатра», 1920), Игорю Стравинскому («Поцелуй Феи», 1928, и «Персефона», 1934), Жоржу Орику («Очарования Альсины», 1928), Морису Равелю («Болеро», 1929) и Артуро Онеггеру («Амфион», 1931 и «Жанна д'Арк в Буше», 1938) и др.

В контексте этого списка прогрессивных композиторов, нанятых И. Рубинштейн, ее выбор А.К. Глазунова для сочинения музыки к «Саломее» может показаться странным, по крайней мере, с точки зрения восприятия А.К. Глазунова как музыканта в XXI в., технически виртуозного, но также консервативного и чрезмерно академичного. Однако в 1908 г. А.К. Глазунов был самым известным композитором в России и считался последней нитью, связывающей музыкальную культуру с почитаемым им Римским-Корсаковым, его наставником, которого А.К. Глазунов сменил на посту директора Санкт-Петербургской консерватории в 1906 г. Как отмечает музыковед Джеральд Абрахам, «за десятилетие до [Первой мировой] войны Глазунов был практически музыкальным диктатором России» [2, с. 239]. Выбор Идой Рубинштейн Глазунова, скорее всего, отражал ее зарождающуюся, но давнюю привычку нанимать «лучших» в каждой области. «Глазунов почти стал символом всей русской музыки в одном теле», — пишет музыковед Анна Владимировна Нисневич, репутация которой была известна Рубинштейн [10, с. 12].

Выбор А.К. Глазунова в качестве композитора музыки «Саломеи», возможно, также был предложен И. Рубинштейн Бакстом и Фокиным, оба из которых работали над балетами на музыку А.К. Глазунова в Мариинском театре, доме Императорского балета в Санкт-Петербурге. А.К. Глазунов имел репутацию человека, привносящего качество и серьезность в свою балетную музыку, что сильно отличало ее от той, что традиционно

звучала в Мариинском театре [5, с. 114]. А.К. Глазунов также внес свой вклад в качестве оркестратора в ранние произведения Русского балета, оркестровав уже существующую музыку для «Шопенианы» (1907 г. в Санкт-Петербурге, 1909 г., как «Сильфиды» в Париже), действие II оперы Александра Бородина «Князь Игорь» (впервые исполнено «Русские балеты» в 1909 г. и «Карнавал» (1910) на темы Роберта Шумана. Дягилев явно не считал музыку А.К. Глазунова несовместимой с его собственным символистским видением; он использовал музыку А.К. Глазунова в попури, которые импресарио иногда собирал для нового балета, примером чего являются «Фестин» (1909), «Клеопатра» (1909) и «Восточные» (1910), все из которых включали музыку А.К. Глазунова.

Возможно, Дягилев оценил мастерство, с которым А.К. Глазунов интегрировал экзотичные элементы в преимущественно западный музыкальный язык. Эксплуатация западного восприятия России как «восточной» была характерна для самых успешных постановок первых сезонов «Русских балетов». Как выразилась историк танца Нэнси Ван Норман Бэр, цель экзотики для Русских балетов заключалась в том, чтобы «поддерживать эстетику символизма, чтобы расширить разум / чувства и усилить эмоции в поисках возвышенной, высшей реальности» [9, с. 25].

История вопроса. Современная критика высоко оценила балетную музыку А.К. Глазунова, отметив глубину звучания и значительную роль его оркестра. В музыке для танца А.К. Глазунова «тяжесть балетов заключается в оркестре — танцы только дополнение, иллюстрация музыки, в отличие от старых балетов, где можно было наблюдать полную противоположность», — писал Ю.Д. Энгель в 1907 г. в «Русских музыкальных ведомостях» [10, с. 171]. Для критиков музыка А.К. Глазунова доминировала над хореографией, занимая свое место, как полагали мистические символисты, как наиболее важное из художественных средств, способствующих театральной постановке. Энгель продолжал: «Разве нет у нас в Глазунове всемогущего владыки звука — в первую очередь владыки оркестровых красок и нюансов, великого мастера инструментовки, достойного стоять рядом с Римским-Корсаковым» [10, с. 173]. В 1912 г. Волынский, друг Рубинштейн и журналист петербургской ежедневной газеты «Биржевые новости», размышлял о важности оркестра в балетах А.К. Глазунова. Обсуждая балет А.К. Глазунова 1898 г. «Раймонда», Волынский писал: «Александр Глазунов внес в музыку балета

элемент симфонического движения. Он как бы оправдывал мысль Вагнера о том, что симфония вообще должна быть растворением танца в звуке. Отсюда следует вывод, которого сам Вагнер никогда не делал, что балетное движение по своей природе есть лишь сжатие симфонического звука. Таким образом, мелодии оркестровой композиции с их акустическим богатством таят в себе скульптурные формы, дающие мотивы для танца» [3, с. 33].

Показательно сравнение музыки Р. Вагнера и А.К. Глазунова. Даже относительно консервативный композитор, такой как А.К. Глазунов, не мог полностью игнорировать влияние музыки Р. Вагнера на Россию Серебряного века. Римский-Корсаков, сам, конечно, не вагнерианец, так описывал исполнение вагнеровского цикла «Кольцо Нибелунгов» гастрوليрующей немецкой оперной труппой в Петербурге в сезоне 1888–1889 гг.: «Весь музыкальный Петербург интересовался. Мы с Глазуновым присутствовали на репетициях, сопровождая их партитурой в руках... Вагнеровский метод оркестровки поразил Глазунова и меня, и отныне вагнеровские приемы постепенно стали составлять часть наших оркестровых приемов» [6, с. 251]. Влияние Р. Вагнера на А.К. Глазунова, однако, обнаруживается не столько в использовании А.К. Глазуновым некоторых «оркестровых приемов», сколько в повествовательно-символическом весе, которым он наделял свой оркестр, «передавая невыразимое, открывая зрителю тайну», как считал Мейерхольд. Музыкальный критик Вячеслав Каратыгин согласился с этим и охарактеризовал произведения А.К. Глазунова как метамузыку, поскольку они «вызывают чувство погружения ... в глубины чистой музыкальной красоты» [4, с. 2]. Сочинения современных слушателей, таких как Энгель, Волынский и Каратыгин, доказывают, что современники связывали аспекты музыки Глазунова с музыкой Вагнера.

Именно благодаря некоторым чертам его сценической музыки, прежде всего ее выразительному характеру и важной роли, отведенной оркестру, музыку А.К. Глазунова можно интерпретировать как символистскую. Моррисон показал, что даже русские композиторы, враждебные символизму, могли писать сочинения, демонстрирующие его влияние. Точно так же в своей музыке к «Саломее» классик А.К. Глазунов вызвал потустороннюю атмосферу, продиктованную текстом О. Уайльда и переданную музыкальностью его языка. Реакция А.К. Глазунова на символистские

литературные приемы в его музыкальном сочинении показывает, как красочная и экзотичная музыка, написанная относительно консервативным музыкальным языком (и очень далекая от радикальных гармоний и мерцающего акустического мира Дебюсси), может восприниматься как символистская. Для мистических символистов, таких как соавторы Саломеи, музыка А.К. Глазунова могла стать важным вкладом в синтетическое театральное произведение, способное раскрывать проблеск иного света.

Музыка А.К. Глазунова для Саломеи состоит из двух частей: Вступления и Танца Саломеи. Вступление для минор носит эпизодический характер и служит прелюдией к пьесе. Множественные эпизоды, некоторые из которых повторяются с изменением, а некоторые - новые, следуют друг за другом, сопровождаясь непрерывными раундами модуляции. Аффект, который преобладает в большей части произведения, оставляет у слушателя в конце смутное чувство беспокойства.

«Танец Саломеи» это череда неистовых танцев – А.К. Глазунов ограничил их семью. Эти танцы имеют общую основу, но сильно различаются в воздействии. Эти танцы иногда почти плавно переходят друг в друга, в то время как в других случаях момент молчания или неожиданное изменение тональности вводят следующий танец. Каждый танец характеризуется особым воздействием, инструментарием или мелодией, хотя все мелодии каким-то образом связаны общим мотивом; фригийская и пентатоническая гамма делают некоторые мелодии особенно экзотичными.

А.К. Глазунов использовал экзотические элементы во Вступлении (вся шкала тонов, фригийский лад, тяжелый хроматизм, быстрые хроматические орнаменты и синкопы), но они бледны, по сравнению с восточным колоритом, которым он пронизал «Танец». А.К. Глазунов, «великий волшебник инструментовки», как сказал Энгель, добавил к оркестровой палитре «Танца Саломеи» английский рожок, инструмент, который в западной музыке часто ассоциируется с экзотикой, и расширил свою перкуссионную секцию, включив в нее бубен и малый барабан, наряду с треугольником, тарелками и бас-барабанными вступлениями. А.К. Глазунов манипулировал целыми коллекциями тонов во вступительных тактах «Танца Саломеи», сбивая с толку слушателя, который не может твердо установить основную тональность для большей части. Как и Вступление,

«Танец Саломеи» демонстрирует оркестровую широту и вес, отмеченные современными критиками музыки Глазунова и которые способствуют пышной и чувственной атмосфере, созданной в «Танце». Однако эта атмосфера часто окрашена темным предчувствием. Даже более беззаботные танцы кажутся тщетными попытками изменить роковую цепь событий, преследующую Саломею О. Уайльда.

Результаты исследования. Музыка А.К. Глазунова для «Саломеи» отличается структурным повторением и использованием музыкальных символов, характерных для музыки символистов. Это видно прежде всего в Разделе I Вступления и служит символистской и аффективной цели. Имея в виду религиозно окрашенную мистическими символистами интерпретацию «Саломеи» О. Уайльда (в которой пьеса воплощает символическую борьбу между эстетическим/языческим и протохристианским), зловещую и статичную музыку, услышанную в Разделе I, можно интерпретировать как символ более крупных сил, которые действуют в драме. Зловещая музыка, характеризующаяся экзотическими музыкальными элементами, представляет дионисийскую культуру двора Ирода, лучшим примером которой является сама Саломея. Последующий хорал, долгое время связанный с христианским ритуалом, символизирует Иоанн Креститель, чьи пророчества о грядущем царствовании Христа, кажется, простираются от рожкового хорала до мирной, статичной музыки, возможно, символизирующей предсказанное небесное царство. Хорал является явным символом Иоанна Крестителя, даже если слушатель отвергает его традиционные религиозные коннотации. Во всех музыкальных интерпретациях Саломеи О. Уайльда в этом исследовании используется хорал валторны и/или тембр валторны как символы Иоанна Крестителя, ассоциация, которая, скорее всего, началась с Саломеи И. Штрауса. Противоречивая партитура И. Штрауса, премьера которой состоялась в конце 1905 г., активно изучалась современными композиторами. Одним из таких композиторов был Глазунов, который не любил Штрауса и его музыку вообще, но был близко знаком с творчеством немецкого композитора.

Символы зловещей и статичной музыки связаны с повторяющейся структурой Вступления, которая на элементарном уровне укореняет в партитуре представление о борьбе между

эстетическим/языческим и протохристианским миром. Это сочетание структурного повторения и использования музыкальных символов вдвойне подчеркивает религиозную интерпретацию Саломеи мистическими символистами, в которой чувственная Саломея, очарованная физической красотой Иоанна Крестителя, побеждает строгого, морализирующего пророка. В каждом из трех эпизодов Раздела I зловещая музыка смело объявляет о своем присутствии, но прерывается хоралом валторны и, как следствие, музыкальным застоем. Первые два эпизода, кажется, предполагают, что статичная музыка, представляющая Иоанна Крестителя, пересилит зловещую музыку Саломеи, представительницы эстетизированного язычества. Однако в Саломее чувственный, дионисийский мир, любимый мистиками-символистами, одерживает победу над протохристианским в результате инициированной Саломеей казни Предтечи. Это развитие, триумф язычества (представленного красивой и чувственной Саломеей и ее любовью к Иоанну Крестителю) над протохристианством (представленным Иоанном Крестителем и его полемическими

пророчествами), подразумевается в эпизодах 1 и 2, но становится явным в эпизоде 3. В эпизоде 3 зловещая музыка пересиливает статичную музыку, что символизирует отказ валторн от своего хорала ради фанфар зловещей музыки. Раздел II отбрасывает любые сомнения относительно победителя борьбы, полностью исключая статичную музыку и вместо этого сосредотачиваясь на создании предчувствия аффекта, аналогичного тому, что пронизывает пьесу «Саломея».

Выводы. Таким образом, А.К. Глазунов создал великолепное символистское произведение в духе передовых идей своего времени, раскрыв новые грани своего таланта. В творчестве А.К. Глазунова «Саломея» не единственное «экзотическое» произведение, были еще несколько, в том числе «Испанская серенада» (1888), «Восточная мечта» (1888 г.), «Восточная сказка» из струнного квартета «Пять новелл» (1886), «Восточный танец» из балетных сцен (1904), «Вакханалия» из оперы «Раймонда» (1898), Восточная рапсодия (1889 г.), Восточная сюита (1895) и песня «Восточный романс» в дополнение к отрывку из «Сезонов», использованному в «Клеопатре».

1. Абрахам, Дж. О русской музыке. - Нью-Йорк: Johnson Reprint Corp., 1970. — С. 2.
2. Волинский, А.Л. «Раймонда», *The Stock Exchange News* (12 ноября 1912 г.). — С. 5–6
3. Каратыгин, В. А.К. Глазунов. К 50-летию со дня рождения // Речь. - 1915. — № 206.
4. Римский-Корсаков, Н. Летопись моей музыкальной жизни. 1844-1906. — СПб, 1909. — 190 с.
5. Тарускин, Р. Антилитературный человек: Дягилев и музыка / В книге: Nancy Van Norman Baer, *The Art of Enchantment: Diaghilev's Ballets Russes, 1909-1929 Paperback*. — March 1, 1989, Нью-Йорк: University Books, 1989.
6. Энгель, Ю. Глазунов как симфонист // Русский музыкальный вестник. - 1907. - С. 171-175.
7. Lamothe, P. *Theater Music in France, 1864-1914: Dissertation for the degree of Doctor of Science*. University of North Carolina at Chapel Hill, 2008, Mallarmé Divagations. — URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/Divagations_\(1897\)/Texte_entier](https://fr.wikisource.org/wiki/Divagations_(1897)/Texte_entier) (date of access: 07/16/2022).
8. Nancy Van Norman Baer. *The Art of Enchantment: Diaghilev's Ballets Russes, 1909-1929 Paperback*. — March 1, 1989. — 159 p.
9. Nisnevich Anna *The Silver Age and Its Echo: St. Petersburg Classicism at Home and Abroad, 1890-1921: Dissertation for the degree of Doctor of Science*, UC Berkeley, 2007.
10. Taruskin, R. *On Russian Music*. — Berkeley: University of California Press, 2009. — 416 p.

MUSICAL SYMBOLISM BY ALEXANDER GLAZUNOV

© 2022 Li Siyu

Li Siyu, graduate student of the Faculty of Arts

E-mail: g.v.denissova@gmail.com

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Moscow, Russia

The article deals with the work of the composer A.K. Glazunov in a relatively new paradigm. In this regard, the author resorted to biographical, musicological methods of research, as well as to system analysis. On the example of his work "Salome", the composer's contribution to the world of symbolism, popular in the late 19th - early 20th centuries, is considered. The Dance of Salome, written for Ida Rubenstein and performed by her in defiance of censorship restrictions, is a prime example of the innovative art of the time. Other outstanding artists of that time also worked on the production -

Meyerhold, Bakst, Fokin. The article studies the role of exotic music in the work of A.K. Glazunov. Research findings: A.K. Glazunov created a magnificent symbolist work in the spirit of the advanced ideas of his time, revealing new facets of his talent. In the work of A.K. Glazunov's "Salome" is not the only "exotic" work, there were several more, including "Spanish Serenade" (1888), "Oriental Dream" (1888), "Oriental Tale" from the string quartet "Five Novels" (1886), "Oriental Dance" from ballet scenes (1904), "Bacchanalia" from the opera "Raymonda" (1898), Oriental Rhapsody (1889), Oriental Suite (1895) and the song "Oriental Romance" in addition to an excerpt from "Seasons", used in "Cleopatra".

Keywords: A.K. Glazunov, Ida Rubenstein, Salome, Oscar Wilde, symbolism, symphonic movement
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-77-82

1. Abrakham, Dzh. O russkoi muzyke (About Russian music). - N'iu-Iork: Johnson Reprint Corp., 1970. — S. 2.
2. Volynskii, A.L. «Raimonda», The Stock Exchange News (12 noiabria 1912 g.). — S. 5–6.
3. Karatygin, V. A.K. Glazunov. K 50-letiiu so dnia rozhdeniia (A.K. Glazunov. To the 50th anniversary of his birth) // Rech'. - 1915. — № 206.
4. Rimskii-Korsakov, N. Letopis' moei muzykal'noi zhizni. 1844-1906. (Chronicle of my musical life. 1844-1906). — SPb, 1909. — 190 s.
5. Taruskin, R. Antiliteraturnyi chelovek: Diaghilev i muzyka (Antiliterary Man: Diaghilev and Music) / V knige: Nancy Van Norman Baer, The Art of Enchantment: Diaghilev's Ballets Russes, 1909-1929 Paperback. — March 1, 1989, N'iu-Iork: University Books, 1989.
6. Engel', Iu. Glazunov kak simfonist (Glazunov as a symphonist) // Russkii muzykal'nyi vestnik. - 1907. - S. 171-175.
7. Lamothe, P. Theater Music in France, 1864-1914: Dissertation for the degree of Doctor of Science. University of North Carolina at Chapel Hill, 2008, Mallarmé Divagations. — URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/Divagations_\(1897\)/Texte_entier](https://fr.wikisource.org/wiki/Divagations_(1897)/Texte_entier) (date of access: 07/16/2022).
8. Nancy Van Norman Baer. The Art of Enchantment: Diaghilev's Ballets Russes, 1909-1929 Paperback. — March 1, 1989. — 159 p.
9. Nisnevich Anna The Silver Age and Its Echo: St. Petersburg Classicism at Home and Abroad, 1890-1921: Dissertation for the degree of Doctor of Science, UC Berkeley, 2007.
10. Taruskin, R. On Russian Music. — Berkeley: University of California Press, 2009. — 416 p.

УДК 009 (Гуманитарные науки в целом)

МИМИКРИЯ И ТЕАТРАЛЬНОСТЬ: СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

© 2022 В.И. Пимонов

Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук,
профессор-эмерит (Копенгаген, Дания)

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР)
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 10.10.2022

Объект статьи: мимикрия и театральность. Предмет статьи: сходство и различие между мимикрией и театральностью. Цель исследования: построение семиотической модели преобразования мимикрии в театральность. Результаты: в мимикрии выделяются три метароли: 1. роль имитатора (англ. *mimic*), в которой выступает вид, имитирующий другой вид, то есть, изображающий «другого». 2. роль оператора (жертвы обмана – англ. *dupe*), в которой выступает вид, для которого имитатор притворяется другим видом – играет роль «другого»; 3. роль модели (*model*). Имитатор подражает сигналам, которые посылает модель. Оператор, будучи врагом имитатора, принимает сигналы имитатора за сигналы модели, становясь жертвой обмана. В общем виде мимикрию можно выразить схемой: «А» выступает перед «В» в роли «С», где «А» – имитатор (*mimic*), «В» – оператор (*dupe*) – жертва обмана, «С» – модель (*model*). Аналогичная схема («А» выступает перед «В» в роли «С») описывает феномен театральности, где «А» – персонаж пьесы (функционально соответствующий «имитатору»), «В» – персонаж зритель, соответствующий «жертве обмана», «С» – другой персонаж, соответствующий «модели». Принципиальное различие между мимикрией и театральностью заключается в том обстоятельстве, что мимикрия основана на сигналах, а театральность – на знаках. Область применения: семиотика, литературоведение. Выводы: Преобразование мимикрии в театральность предполагает: 1) «двумерность» – то есть, пространство, разделенное на две части: обыденное и маркированное; 2) «торможение» автоматической реакции на сигнал в маркированном пространстве.

Ключевые слова: мимикрия, театральность, стимул, сигнал, знак, маркированная территория, торможение

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-83-90

Автор признателен С.М. Грачевой, О.Б. Заславскому и Дану Уитмену за стимулирующее обсуждение и ценные советы.

Введение. В настоящей статье предлагается формальная семиотическая модель преобразования мимикрии в театральность. Театральность связывают, с одной стороны, с игрой как формой врожденного поведения животных и человека, с другой – с языком драматического искусства как знаковой системой. (Первое семиотическое определение понятия театральности дал Ролан Барт в 1954 году – в форме ответа на вопрос: «Что такое театральность? Это театр-минус-текст, это плотность знаков и ощущений, которая создана на сцене из письменного утверждения» - «What is theatricality? It is theatre-minus-text, it is a density of signs and sensations which is constructed on stage starting from the written argument»). Тем самым понятие театральности проецируется как на инстинктивное игровое поведение, наблюдаемое в животном мире, так и

на осознанную эстетическую деятельность человека, например, перевоплощение актера в «другого» перед зрителями в театре [11, с. 194]. Мы исходим из гипотезы, что природная мимикрия представляет собой биологический *прототип* театральности как категории культуры.

История вопроса. Идею о биологических корнях театральности разрабатывал Н.Н. Евреинов (1879-1953), считавший мимикрию проявлением врожденного «инстинкта театральности» и «началом <...> драматических игр» – «театра у животных» [1, с. 291]. «Путь от животного к человеку» рассматривался как переход «от бессознательной маски (мимикрии) к сознательному лицедейству» [1, с. 301]. Тезис о связи между мимикрией и театральностью получил развитие в современных исследованиях, посвященных сравнению мимикрии с мимесисом [8, с. 58-72],

схожести между биологической эволюцией и эволюцией театра [6, с. 270], а также гипотезе о «целенаправленности» (goal orientedness) мимикрии у организмов, обладающих способностью имитировать внешность и поведение других организмов в ситуации угрозы [16, с. 441-467]. Моделирование механизма преобразования мимикрии в театральность представляется нам важным для понимания процесса перехода от сигнальной системы коммуникации животных к знаковым системам человека.

Методы исследования. В данной работе применен семиотический подход: переход от мимикрии к театральности рассматривается в свете преобразования сигнальной коммуникации в знаковую.

Результаты исследования. В рамках предлагаемой модели переход от мимикрии, основанной на сигнальном принципе, к театральности, основанной на знаковом принципе, предполагает 1) «двумерность» - пространство, разделенное на природное и маркированное; 2) торможение (блокировку) автоматической реакции на сигнал.

Мимикрия. В определениях мимикрии делается упор на ее сигнальный характер: «In studies of animal communication, a fundamental distinction is made between signals, which have evolved specifically to alter a receiver's behaviour, and cues, which are incidental sources of information detected by unintended receivers» [13, с. 284] («В исследованиях коммуникации животных имеется фундаментальное различие между сигналами (signals), которые специально подаются для изменения поведения конкретного реципиента, и сигналами (cues), которые являются случайными источниками информации, обнаруженными непреднамеренными реципиентами» – пер. мой, В.П.).

Маскировка. Под мимикрией понимают «близкое внешнее сходство одного организма (имитатора) с другим организмом (моделью), который «обманывает» третьего (оператора)» [15, с. 169-99]. Мимикрия имеет место в ситуации, когда съедобный вид, с помощью маскировки (изменение окраски, притворная смерть) имитирует перед опасным для себя видом (хищником) несъедобный (ядовитый) вид. В так называемой агрессивной мимикрии в роли имитатора выступает хищник, который имитирует, как правило, с помощью специфических сигналов (вибрация паутины, выделение химических

веществ, имитирующих половые феромоны) другой, «дружественный» вид с целью обмануть и завлечь в ловушку свою жертву.

Метароли. В мимикрии можно выделить три метароли: 1. роль имитатора (mimic), в которой выступает вид, имитирующий другой вид, то есть, изображающий «другого». В роли имитатора может выступать как хищник, который притворяется перед жертвой безобидным видом, так и съедобный вид, который притворяется несъедобным при встрече с хищником; 2. роль оператора (жертвы обмана - dupe), в которой выступает вид, для которого имитатор притворяется другим видом, то есть, играет роль «другого»; 3. роль модели (model – объект-прототип), которую имитирует (изображает) имитатор [12, с. 229]. Имитатор имитирует сигналы, подаваемые моделью (объектом-прототипом). Объект-оператор, который является врагом имитатора, становится жертвой обмана, принимая сигналы имитатора за сигналы модели (объекта-прототипа).

Модель. Формальную семиотическую модель мимикрии можно записать в виде схемы: «А» выступает перед «В» в роли «С», где «А» - имитатор (mimic), «В» – оператор (dupe) – жертва обмана, «С» - модель (model). Модель театральности можно выразить той же схемой, что и мимикрию: «А» выступает перед «В» в роли «С», где «А» – это персонаж пьесы (функционально соответствующий имитатору), «В» – персонаж-зритель, соответствующий жертве обмана, «С» – другой персонаж, соответствующий модели. Эта схема описывает ситуацию, в которой действующее лицо, выступая в метароли драматурга, режиссера или актера, осуществляет театральную инсценировку с целью обмана или введения в заблуждение другого действующего лица, выступающего в метароли невольного зрителя или жертвы.

Метапьеса. Обозначим инсценировку, которую разыгрывают действующие лица внутри основного действия, рабочим термином метапьеса, которую условно будем считать базовой единицей театральности [3, с. 26]. Приведем некоторые примеры метапьес, построенных по схеме «А» выступает перед «В» в роли «С»: Гамлет (А) выступает перед Клавдием (В) в роли сумасшедшего «С»; Иуда (А) выступает перед Иисусом (В) в роли друга «С» («Друг, для чего ты пришел? Мф. 26:50); Дон Кихот (А) выступает

перед окружающими (В) а роли рыцаря (С); Онегин (А) выступает перед читателем (В) в роли Чайльд-Гарольда (С) («Москвич в гарольдовом плаще»); Эдмон Дантес (А) выступает перед тюремщиками (В) в роли умершего аббата Фариа (С) (В романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо» вместо умершего аббата в море бросили Эдмона, зашитого в мешок, и он сумел выплыть); Сальери (А) выступает перед Моцартом (В) в роли друга (С). В основе метароловых отношений между актантами А, В и С лежит «обман»: в природной мимикрии – как форма адаптации, в театре – как драматургический прием. Между тем, еще Н.Н. Евреинов, говоря о «театре животных», был «очень далек <...> от усмотрения в этом «театре» всех тех элементов, какие обычны для <...> «театра у людей», располагающего «сценой», «декорациями», «музыкой», «хором» и т.п., кончая подразделением присутствующих в театре на «актеров» и «зрителей». Хотя «маска», «грим» и «костюмировка», несомненно, присущи и театру у животных» [1, с. 301].

Сигнал и знак. При сопоставлении мимикрии и театральности возникает вопрос о различии между ними и тех условиях, которые необходимы для преобразования мимикрии, основанной на сигналах, в театральность как знаковую систему. Фундаментальное отличие сигнала от знака сформулировал Умберто Эко: «A signal can be a stimulus that does not mean anything but causes or elicits something; however, when used as the recognized *antecedent* of a foreseen *consequent* it may be viewed as a sign. <...> A sign is always an element of an *expression plane* conventionally correlated to one (or several) elements of a *content plane*. Every time there is a correlation of this kind, recognized by a human society, there is a sign» [9, с. 48] – «Сигнал может быть стимулом, который ничего не означает, но вызывает или провоцирует что-то; однако, когда он используется в качестве узнаваемого antecedentа заранее ожидаемого результата, то тогда он может рассматриваться как знак. <...> Знак всегда является элементом *плана выражения*, который конвенционально коррелируется с одним (или несколькими) элементами *плана содержания*. Каждый раз, когда имеет место такого рода корреляция, узнаваемая человеческим обществом, мы имеем знак» (пер. мой – В.П.). В рамках предлагаемой модели сигнал рассматривается нами как стимул, который вызывает или провоцирует автоматическую реакцию реципиента, а знак – как

стимул, который не вызывает автоматической реакции реципиента.

Двумирность. В рамках предлагаемой модели переход от мимикрии к театральности предполагает «двумирность». Под «двумирностью» мы понимаем пространство, разделенное на две части: природное и маркированное. Ю.М. Лотман обратил особое внимание на деление театрального пространства на две части: «сцену и зрительный зал, между которыми складываются отношения, формирующие некоторые из основных оппозиций театральной семиотики» [2, с. 408]. Для преобразования мимикрии в театральность, то есть, по существу, в «мета-мимикрию», необходимо наличие «границы», аналогичной рампе в театре, которая отделяет сцену от зрительного зала.

Инверсия «живого-мертвого». Граница, разделяющая пространство на две части, делает возможной инверсию необратимой в реальной жизни оппозиции «живое-мертвое», например: «А» убивает «В» / «В'» убивает «А», когда в роли «В'» выступает статуя убитого «В». Эта схема лежит в основе истории о Митии из «Поэтики» Аристотеля, где посмертная статуя Мития падает и убивает убийцу этого самого Мития. На том же принципе построена легенда о Дон Гуане, который гибнет в результате столкновения с «ожившей» статуей убитого им ранее Командора. Инверсия оказывается возможной в театральном или литературном сюжете за счет двумирности, то есть, символического удвоения реальности в пространстве художественного произведения [2, с. 388]. Символическая инверсия «живого-мертвого», характерная для литературного сюжета, имеет соответствие и в реальной жизни – также за счет введения маркированного (табуированного) пространства. Так, например, покойный руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен, чье забальзамированное тело помещено в мавзолей (табуированное пространство), согласно Конституции страны, является «вечным президентом КНДР». Из этого логически следует, что ныне здравствующий высший руководитель страны Ким Чен Ын является лишь временным его заместителем. Тем самым мёртвый выступает в роли живого, в живой играет роль мертвого. Аналогичная инверсия имела место во времена СССР с мертвым Лениным, который «и теперь живее всех живых, / Наше знание – сила и оружие», как сказано в поэме В. Маяковского. В ситуации природной мимикрии такая «двумирность» отсутствует: природное пространство не

разделено границей, создающей иерархию уровней условности, которая необходима для преобразования сигнала в знак.

Семиотизация. Театральность характеризуется тем обстоятельством, что все объекты при переходе из бытового пространства в пространство по другую сторону «рампы», то есть на сцену, изымаются из утилитарной сферы и *семиотизируются*. Человек на сцене становится актером. Процесс театральной семиотизации описан П. Богатыревым: «on the stage things that play the part of theatrical signs ... acquire special features, qualities and attributes that they do not have in real life» [7, с. 35-36] («на сцене вещи, которые играют роль театральных знаков <...> приобретают особые черты, качества и свойства, которыми они не обладают в реальной жизни» (пер. мой — В.П.). Тезис о том, что «все, что находится на сцене, является знаком» – «all that is on stage is a sign», сформулированный Иржи Вельтруски [17, с. 84], стал своеобразным манифестом Пражского кружка.

Семиосфера. Важнейшим свойством пространства сцены как «театральной семиосферы» является ее табуированность, которая характеризуется наличием *системы запретов*, например, на проникновение в нее посторонних, а также запрет на совершение определенных действий и манипуляций с предметами, которые осуществляются в обыденной жизни. (Концепция семиосферы, сформулированная Ю.М. Лотманом в 1982 г. по аналогии с биосферой В.И.Вернадского, описывает пространство, в котором имеются условия, необходимые для функционирования языков и других знаковых систем). К табуированным пространствам, кроме театральной сцены, относятся храмы, музеи, выставки, витрины, кладбища, охраняемые государственные и военные учреждения, спортивные арены и стадионы. Любые объекты, помещенные в табуированное пространство, утрачивают свою утилитарную, условно говоря, «сигнальную» функцию (предполагающую стереотипное или автоматическое их использование или отношение к ним в обыденной жизни) и приобретают знаковый характер. Так, письменный стол известного писателя в музее — это уже не обыденный предмет мебели, а знак письменного стола: к нему *запрещено* прикасаться. Святая вода в храме — символ Святого Духа — ее *запрещено* пить как обычную воду. Обыкновен-

ный фарфоровый писсуар, выставленный французским художником Марселем Дюшаном на нью-йоркской выставке 1917 года, превращается в знак писсуара — его *запрещено* использовать как писсуар. Возможен и обратный процесс: перемещение знака из маркированного пространства в обыденное приводит к преобразованию его в сигнал. Перенос писсуара из выставочной экспозиции в общественный туалет превращает его из знака снова в сигнал, стимулирующий инстинктивную реакцию.

Политический театр. Маркированное пространство изменяет модальность отношения к вещам и явлениям, превращая их в знаки этих вещей и явлений, в том числе в сакральные символы, с которыми допустимы лишь ритуальные действия. Этот семиотический механизм играет важную роль в повседневной жизни. В законодательствах многих стран предусмотрено уголовное наказание за надругательство над национальным флагом, который, будучи помещенным в специальное пространство (актовый зал, сцена съезда партии) служит территориальным (табуированным) символом государства. Между тем, в профанном пространстве флаг представляет собой обычный кусок материи на палке. При перенесении любых объектов, людей, высказываний в маркированное пространство (по другую сторону воображаемой рампы) эти объекты, люди и высказывания утрачивают утилитарно-прагматическую, сигнальную функцию, которую они имеют в обыденной жизни, и превращаются в знак. Этот процесс семиотизации наблюдается не только в театре, но и в общественно-политической жизни (политический театр). Политиков и лидеров от общего коллектива (зрителей, народа) отделяет условная рампа (подиум, сцена, трибуна, охрана, огороженная территория, высокая стена). Связанные с этой маркированной территорией запреты выключают из круга прагматических, сигнально-коммуникативных действий и самого лидера, что подчеркивается особыми правилами его общения с коллективом, например, не напрямую, а через секретаря, или виртуально — посредством изображения (портрет, видео). Структурно-семантической точки зрения лидер играет ту же роль, что и тотем в первобытном обществе, чьи слова и действия утрачивают непосредственную коммуникативную функцию

и преобразуются в ритуальную формулу, регулирующую поведение коллектива.

Торможение. Особенность знаковой деятельности человека связана с феноменом торможения, который блокирует автоматическую связь между стимулом и реакцией. Важнейшей функцией слова является торможение реакций на раздражитель, что и отличает человека с его второсигнальной системой от животных, у которых она отсутствует: «Слово невидимо совершает тормозную, всегда нечто запрещающую работу <...> словесная система оказывает тормозное влияние на непосредственные, т.е. первосигнальные, реакции. Она предотвращает элементарное замыкание на основе простой взаимосвязи стимула и реакции» [4, с. 152]. Система запретов, которая характеризует маркированное пространство (музей, витрину, храм, могилу, сцену, выставку), обладает функцией *торможения* автоматической, стереотипной реакции на находящиеся внутри этого пространства объекты, которые утрачивают свою утилитарную функцию и приобретают свойства знака. Когда зритель во время спектакля слышит возглас «Пожар!» от администратора театра, то это воспринимается, как *сигнал* опасности, который провоцирует автоматическую реакцию - стремление покинуть зал. В случае же, когда зритель слышит слово «Пожар!» от актера на сцене, то это уже не сигнал, а *знак*, связанный с событиями в пьесе. Именно «рампа» тормозит автоматическую реакцию зрителя (бегство из зала) на восклицание «Пожар!», произнесенное на сцене, создавая эффект «подавления недоверия» (англ. *suspension of disbelief*) или «веры в предлагаемые обстоятельства». При этом в контексте пьесы то же самое восклицание «Пожар!» может нести сигнальную функцию для персонажей, которые по ходу действия будут реагировать на него как на сигнал о пожаре. Необходимо учитывать иерархию уровней условности. Так, когда зритель в зрительном зале отделен от актеров на сцене рампой, то речь идет о первом уровне условности. Одновременно внутри театральной постановки может существовать другая условная рампа для действующих лиц пьесы, выступающих в роли зрителей «спектакля внутри спектакля». В этом случае можно говорить о втором уровне условности, который создается приемом «театр в театре», например в виде вставной пьесы внутри основной. Одно и то же действие на сцене может служить сигналом для одного персонажа, но знаком – для другого. Так, вставной спектакль

«Мышеловка» в «Гамлете» – это сигнал опасности для Клавдия, в то время как для других действующих лиц и для зрителя в зале это знак. Известны случаи неопределенности уровней условности и в жизни: зрители концерта в парижском клубе Bataclan поначалу приняли захват заложников террористами за часть представления [14].

Обман. Мимикрия как сигнальная форма коммуникации также обладает функцией торможения: «Насекомое, застигнутое врагом, вдруг останавливается, поджимает лапки и остается совершенно неподвижным несколько минут. <...> во-первых, неподвижное тельце насекомого легко может остаться незамеченным в куче разного сора, покрывающего почву; во-вторых, хищники, питающиеся исключительно живой добычей, не тронут трупа» [1, с. 287]. В данном случае насекомое имитирует неживой объект с целью *обмана*, что оказывает тормозное воздействие на инстинктивное поведение хищника – потребление пищи. Прием обмана (*deception*), основанный на мимикрии, лежит в основе современной теории стратегии [10].

Присущая мимикрии функция торможения, которая *блокирует автоматическую реакцию* хищника, например, агрессию или каннибализм, описана в [18, с. 421-437]. Подражание несъедобным объектам или элементам окружающей среды превращает животного-имитатора из реальной жертвы, то есть, из *сигнала* для хищника – в *знак*. Необходимо подчеркнуть, что в рамках предлагаемой модели преобразования мимикрии в театральность речь идет о преобразовании сигнала в знак в условном, функциональном смысле. С биологической точки зрения любые виды мимикрии (имитация смерти, смена окраски, принятие выражения глаз другого животного) хотя и переключаются с такими «знаковыми» приемами театральности, как «розыгрыш» и «обман», но продолжают оставаться сигналами, а не знаками. Сигнал, в отличие от знака, вызывает однозначную реакцию реципиента. По мнению О.Б. Заславского, отличие мимикрии от театральности заключается в том, что мимикрия служит для того, чтобы хищник был обманут однозначно, в то время как театр заставляет зрителя воспринимать действие на сцене двойным зрением: с одной стороны, он должен верить происходящему, как если бы это была реальная жизнь, а с другой – понимать, что это происходит «понарошку», дабы не прыгнуть на сцену ради спасения Дездемоны.

Четвертая стена. Граница, отделяющая маркированное пространство от обыденного, играет роль «четвертой стены» в театре, которая преобразует все объекты, находящиеся на сцене, в знаки этих объектов. Хотя в природной мимикрии отсутствует такая «граница» («четвертая стена»), ее функцию выполняет территориальный дисплей (англ. territorial display – «выставление напоказ») – ритуализованное территориальное поведение имитатора, преобразующее добычу (для хищника) из «сигнала» в «знак» (в условном, функциональном смысле). В зоологии известна разновидность «отвлекающего дисплея» (distraction display), которая называется дисплей «сломанного крыла» [19] (broken-wing display). Это обманый сигнал, состоящий в том, что птица лежит на песке, имитируя травму крыльев с целью отогнать хищника от гнезда, т.е. затормозить (или заблокировать) его автоматическую агрессивную реакцию.

Выводы. Для преобразования мимикрии в театральность необходимы два условия: 1) «двумерность», то есть, пространство, разделенное на две части: природное (обыденное) и маркированное; 2) «торможение» автоматической реакции на сигнал в маркированном пространстве. Маркированное пространство отделено от обыденного границей, которая тормозит автоматические реакции на сигналы. Граница играет роль «четвертой стены» в театре, которая преобразует все объекты, находящиеся на сцене, в знаки этих объектов. Предложенная модель так-

же применима для описания ряда явлений, таких, например, как действие вакцины, которая имитирует вирус: «Vaccines are made up of viruses or bacteria that are altered or weakened so that they only cause an imitation of the disease and not the disease itself» [5] («Вакцины изготовлены из вирусов или бактерий, которые изменены или ослаблены таким образом, что они вызывают лишь имитацию болезни, а не саму болезнь» – пер. мой, В.П). Аналогичный механизм имитации лежит в основе: искусственного интеллекта, который имитирует работу человеческого мозга; «операций под чужим флагом», когда действия одной стороны конфликта имитируют действия противника с целью введения в заблуждение общественности; «активных мероприятий» – пропагандистских операций в СМИ и социальных сетях, направленных на оказание выгодного влияния на общественное мнение путем манипуляции фактами и распространения дезинформации о зловердных действиях, которые ложно приписываются противнику; деятельности «фабрики троллей» (англ. troll farm or troll factory), которая с помощью ботов или специально нанятых комментаторов (троллей) имитирует действия другого субъекта с целью обмануть противника; фальшивых новостей (англ. fake news) – имитации реальных новостей путем намеренного распространения ложных сведений; актов агрессии, которые имитируют оборотительные действия.

1. Евреинов, Н. Н. Театр животных // Оригинал о портретистах. — М.: Совпадение, 2005. - 399 с.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике искусства. – С.-Пб., 2002. - 543 с.
3. Пимонов, В. Поэтика театральности в творчестве Шекспира. - М.: Флинта, 2020. - 248 с.
4. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) - М.: Фэри-В, 2006. - 635 с.
5. ACS Chemistry for Life. A protein-based COVID-19 vaccine that mimics the shape of the virus. - ACS News Service Weekly PressPac: August 11, 2021.
6. Bhattacharya, N. Origin and Evolution of Theatre: A Biological Interpretation. Journal of Studies in Social Sciences. Volume 18, Number 2, 2019.
7. Bogatyrev, P. Semiotics in the Folk Theatre. // Matejka L., Titunik I. R. Semiotics in Art: Prague School Contributions. - Cambridge, MIT Press 1976. - 298 p.
8. Diamond, E. Mimesis, Mimicry and the “True-Real”. Modern Drama. - University of Toronto Press. Vol. 32, number 1, March 1989.
9. Eco, U. A Theory of Semiotics. - L.: Indiana University Press, 1976. – 363 p.
10. Freedman, L. Strategy. A History. - L.: Oxford, 2013. - 751 p.
11. Grammatos, T. Theatricality before the theater. The beginning of theatrical expression / in: Antropoly e Teatro, no. 3 (2012).
12. Hurley, S., Chater, N. Perspectives on Imitation: from Neuroscience to Social Science. Vol. X. Imitation, Human Development and Culture. - Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2005.
13. Jamie, G. A. Signals, cues and the nature of mimicry. - Proc. Biol. Sci. 2017 Feb 22; 284 (1849).
14. NBC News. <https://www.nbcnews.com/paris-terror-attacks>

15. Pasteur, G. A Classificatory Review of Mimicry Systems. *Ann. Rev. Ecol. Syst.* 1982. 13:169-99.
16. Ureña Gómez-Moreno, J.M. The 'Mimic' or 'Mimetic' Octopus? A Cognitive-Semiotic Study of Mimicry and Deception in: *Thaumoctopus Mimicus*. *Biosemiotics*. – 2019. –12.
17. Veltrusky, Jiří. Man and Object in the Theatre // Garvin, P. *A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure and Style*. – Washington: George Town U.P., 1964. – 175 p.
18. Zaret, T. Inhibition of Cannibalism in *Cichla Octllaris* and Hypothesis of Predator Mimicry Among South American Fishes. *Evolution*, 1977 June 31 (2).
19. Zenado.org. [Сайт]. – URL: <https://zenodo.org/record/6458744#.YzIKLnZBzIU>. The broken-wing display across birds and the conditions for its evolution. Francis, C; de Framond, L.; Brumm, H. (дата обращения: 10.10.2022).

MIMICRY AND THEATRICALITY: A FORMAL MODEL

© 2022 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology, professor emeritus

(Copenhagen, Denmark)

GITR Film & Television School

Moscow, Russia

Object of the article: mimicry and theatricality. Subject of the article: difference and similarity between mimicry and theatricality. Purpose of the research: creating the semiotic model of transformation of mimicry into theatricality. Results: in mimicry, three meta-roles are at play: the mimic, the dupe and the model. The mimic imitates signals, emitted by the model. The dupe, being an enemy of the mimic, is thus deceived by the mimic's signals. Mimicry can be expressed by the scheme: "A" acts in front of "B" in the role of "C", where "A" is the mimic, "B" is the dupe - a victim of deception, "C" is the model. Mimicry formally resembles theatricality, where "A" is the character of the play (functionally corresponding to the mimic), "B" is the character-spectator, corresponding to the dupe (victim of deception), "C" is another character, functionally corresponding to the "model". Even so, the difference between signals in mimicry and signs in theater is crucial. Field of application: semiotics, literary studies. Conclusions: The mimicry-to-theatricality transformation requires a real or imaginary border between the space of everyday life and "marked" territory (museum, house-of-worship, stage) that serves as a stop-signal inhibiting (or preventing) automatic actions.

Key words: mimicry, theatricality, stimulus, signal, sign, marked territory, inhibition

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-83-90

1. Evreinov, N. N. *Teatr zhivotnyh // Original o portretistah (The Animal Theatre // The Original about the Artists)*. – М.: Sovpadenie, 2005. – 399 s.
2. Lotman, J. M. *Stat'i po semiotike iskusstva (The Articles on the Semiotics of Art)*. – Sankt-Peterburg, 2002. – 543 s.
3. Pimonov, V. *Pojetika teatral'nosti v tvorchestve Shekspira (The Poetics of Theatricality in the Works of Shakespeare)*. – М.: Flinta, 2020. – 248 s.
4. Porshnev, B. F. *O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsihologii) (On the Origins of Human History - The Problems of Paleopsychology)*. – М.: Fjeri-V, 2006. – 635 s.
5. ACS Chemistry for Life. A protein-based COVID-19 vaccine that mimics the shape of the virus. - ACS News Service – Weekly PressPac: August 11. – 2021.
6. Bhattacharya, N. Origin and Evolution of Theatre: A Biological Interpretation. *Journal of Studies in Social Sciences*. – Volume 18, Number 2. – 2019.
7. Bogatyrev, P. *Semiotics in the Folk Theatre*. // Matejka L., Titunik I. R. *Semiotics in Art: Prague School Contributions*. - Cambridge, MIT Press 1976. – 298 p.
8. Diamond, E. Mimesis, Mimicry and the "True-Real". *Modern Drama*. – University of Toronto Press. – Vol. 32, number 1. – March 1989.
9. Eco, U. *A Theory of Semiotics*. – L.: Indiana University Press, 1976. – 363 p.
10. Freedman, L. *Strategy. A History*. – L.: Oxford, 2013. – 751 p.
11. Grammatos, T. Theatricality before the theater. The beginning of theatrical expression / in: *Antropoly e Teatro*. – no. 3. – 2012.
12. Hurley, S., Chater, N. *Perspectives on Imitation: from Neuroscience to Social Science*. Vol. X. *Imitation, Human Development and Culture*. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2005.
13. Jamie, G. A. Signals, cues and the nature of mimicry. – *Proc. Biol. Sci.* 2017 Feb 22; 284 (1849).
14. NBC News <https://www.nbcnews.com/paris-terror-attacks>
15. Pasteur, G. A Classificatory Review of Mimicry Systems. *Ann. Rev. Ecol. Syst.* 1982. 13:169-99.

16. Ureña Gómez-Moreno, J. M. The 'Mimic' or 'Mimetic' Octopus? A Cognitive-Semiotic Study of Mimicry and Deception in: *Thaumoctopus Mimicus*. *Biosemiotics* 12. (2019).
17. Veltrusky, Jiří. *Man and Object in the Theatre* // Garvin, P. *A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure and Style*. - Washington: George Town U.P., 1964. - 175 p.
18. Zaret, T. Inhibition of Cannibalism in *Cichla Octllaris* and Hypothesis of Predator Mimicry Among South American Fishes. *Evolution*, 1977 June 31 (2).
19. Zenado.org [Website]. - URL: <https://zenodo.org/record/6458744#.YzIKLnZBzIU>. The broken-wing display across birds and the conditions for its evolution (Francis, C; de Framond, L.; Brumm, H.) (data obrashcheniia: 10.10.2022).

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

ГЕРОИЗАЦИЯ ПОДВИГА МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ В СЦЕНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ЛУГАНСКИХ ТЕАТРОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РЕГИОНА

© 2022 В.Н. Титова

*Титова Владислава Николаевна, кандидат философских наук,
заведующая кафедрой театрального искусства,
доцент кафедры театрального искусства
E-mail: lgaki_titova@mail.ru*

Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского
Луганск, Россия

Статья поступила в редакцию 16.10.2022

В мировой философско-эстетической традиции сформировалось представление о герое как совершенном в духовном и физическом плане человеке, который, совершая подвиг, становится олицетворением достойного поведения. В подвиге наиболее ярко проявляется внутренняя сила, волевые и моральные качества личности, умение возвыситься над обыденным, разрушить границы возможного. Анализ историографии луганских театров позволяет констатировать, что идеологический контекст времени определял неоднократное обращение луганских театров в советский период их становления к героической теме. Историческая самоидентификация региона обусловила обращение луганских режиссеров к историческим событиям, происходившим на Луганщине во время Гражданской войны, Великой Отечественной войны. В статье сквозь призму режиссерских работ рассмотрена проблема героической личности молодогвардейца, составляющая категории подвига, которая определяется набором личностных свойств. В исследовании приводится анализ творческой практики луганских театров XX в. и современности с позиции осмысления подвига молодогвардейцев. Отмечено, что историческая самоидентификация региона обусловила обращение луганских режиссеров к историческим событиям, происходившим на Луганщине во время Великой Отечественной войны, вследствие чего знаковыми театральными работами стали спектакли «Молодая гвардия», «Спроси когда-нибудь у трав», «Распятая юность», воссоздающие подвиг молодогвардейцев. *Ключевые слова:* луганский театр, спектакль, «Молодая гвардия», подвиг молодогвардейцев, историческая самоидентификация

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-91-98

Введение. Одним из основных принципов репертуарной политики луганских театров XX в. явилась идеализация концепта «героическое», транслируемого преимущественно через героико-патриотическую направленность спектаклей, в которых на первый план выступает оптимистичность, романтическая революционность, массовость. Значение указанных основополагающих характеристик репертуара усиливается в годы Великой Отечественной войны: изображение общенациональной борьбы с фашизмом, жертвенного подвига народа на полях сражений и в тылу, преодоление тяжелых лишений и страданий советских людей – мощный фактор эмоционального воздействия на зрителей с целью их объединения во имя защиты Родины.

Актуальность исследования обусловлена социально-историческими трансформациями, дающими импульс культуротворчеству. Вооруженный конфликт, в состоянии которого находятся

Луганская и Донецкая Народные Республики уже на протяжении восьми лет, повлиял на контекст современной культуры региона. Исторические события и социокультурные явления становятся предметом современной рефлексии в силу своей значимости для самоидентификации жителей Луганской Народной Республики.

Методы исследования. В исследовании используется методология комплексного анализа, в котором ключевыми являются историко-культурологический и краеведческий методы. На основе данных методов прослежена проблема героизма в региональной театральной культуре.

История вопроса. Неоспоримым фактом театральной культуры Луганщины является направленность репертуарной политики, заключающаяся в пристальном внимании к событиям Великой Отечественной войны, что обусловлено военными событиями, происходящими на луганской земле. Регион был оккупирован немецкими

захватчиками, и мирное население в полной мере испытало агрессию нацистской политики. Высокий патриотизм и самоотверженность, исключительное мужество и героизм проявили шахтеры Луганской области в годы войны как на фронте, так и в забое. В августе 1941 г. в г. Луганске было начато формирование 395-й стрелковой дивизии.

Мемориализация памяти о Великой Отечественной войне на сегодняшний день является наиболее важным аспектом общественного сознания жителей ЛНР. На наш взгляд, это обусловлено и тем, что луганская земля – это родина молодого гвардейцев, ставших ярчайшим примером патриотизма и идеалом служения Родине, жертвенности во имя Великой Победы, сформировавшимся в контексте советской идеологии. День сегодняшний подтверждает актуальность подвига молодежной подпольной организации «Молодая гвардия».

Примечательно, что впервые спектакль по роману А. Фадеева «Молодая гвардия» был поставлен на луганской земле в 1947 г. русским и украинским драматическими театрами города. Отметим, что отдельные главы первой редакции романа А. Фадеева «Молодая гвардия» были опубликованы в советской периодике еще в 1945 г. В 1946 г. роман вышел отдельной книгой.

Исследователь О. Г. Манукян в диссертации «Две редакции романа А. Фадеева «Молодая гвардия». Исторические и образные акценты» отмечает, что первая редакции романа имела ряд неточностей, наиболее явной из которых было повествование о гибели партийного подполья до момента возникновения молодежной подпольной организации «Молодая гвардия». На основе сопоставительного анализа двух редакций романа А. Фадеева ученый приходит к выводу, что во второй редакции писателем была пересмотрена роль «взрослого» подполья и усилен образ его районного руководителя Лютикова, при этом основная сюжетная линия – изображение подпольной деятельности «Молодой гвардии» и героические образы ее членов – осталась неизменной [6].

Трагическое, по мнению ученого М.Н. Липовецкого, проявляется в реализации глубинного устремления героев «Молодой гвардии» к самопожертвованию. История самопожертвования молодого гвардейцев не вмещается в рамки художественного текста, превращая тем самым их в героев-мучеников: смерть и страдания, данные как

награда за достойно прожитую жизнь, возводят героев в ранг «бессмертных» [5].

А. Фадеев создал, по выражению О.Л. Погодиной-Кузминой, «пантеон святых новой эпохи» [8]. Тип героя, принявшего смерть ради мира и справедливости, благодаря А. Фадееву становится актуальным в искусстве соцреализма как части идеологической системы страны. Такие характерные черты образа героя, как решительность, аскетизм, самопожертвование, твердость духа, сила воли, явились фундаментом нового строящегося мира.

Выступая против фальсификации фактов истории молодежной подпольной организации, К. Иванцов подчеркивает, что «...в романе есть все: чистота, вера, подвиг, любовь, борьба, мужество, мечта, надежда» [2, с. 142].

Российский исследователь С.Ю. Смирнов с горечью констатирует, что в сознании современного российского общества происходит дегероизация, мишенью которой выступают не герои Октябрьской революции и Гражданской войны, а герои Великой Отечественной войны, поскольку события данного конкретно-исторического периода являются пространством «информационного противоборства». Реализуется дегероизация, по словам ученого, при помощи различных технологий через нивелирование героического подвига, принижение героического поступка путем его замалчивания, дискредитацию личности героя и сатиризацию его образа [11]. Ким Иванцов еще тридцать лет назад отмечал, что дегероизация подвига молодого гвардейцев, перевираание нашего прошлого предпринимается с целью оставить страну без ее героической истории, вследствие чего лишит молодое поколение примера для подражания [2].

Коллектив русского драматического театра серьезно готовился к созданию данного спектакля. Авторами спектакля выступили режиссер П. Монастырский и художник А. Чечин. Образы юных героев-подпольщиков были созданы молодыми артистами труппы. Критики отмечали мужественность спектакля, его волнующую особенность, созданную за счет реалистичности описания событий в сочетании с героико-романтической тональностью их изображения. Спектакль порадовал массовостью (было задействовано более 40 артистов), интересным музыкальным решением, основанным на произведениях П. Чайковского, Д. Шостаковича, Т. Хренникова; благодаря

этому повествование о краснодонской молодежи обретало силу обобщения. В конце финальной сцены весь зал поднимался, зрители стоя чтили память героев [1].

Руководство театра решило показать премьерный спектакль на родине молодогвардейцев, в г. Краснодоне. В зале присутствовали не только земляки героев, но и матери казненных подпольщиков У. Громовой, И. Земнухова, С. Тюленина, Л. Шевцовой, И. Туркенича, член «Молодой гвардии» О. Иванцова.

Параллельно с русским драматическим театром в 1947 г., выбирая вектор героической тематики, украинский музыкально-драматический театр берет в работу роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Режиссер Н. Макаренко ставит спектакль на основе первой редакции (без партийных указаний) романа о краснодонских подпольщиках. Актеры труппы неоднократно выезжали в Краснодон и Ровеньки для встреч с родителями молодогвардейцев. Консультантом спектакля была мать О. Кошевого Елена Николаевна Кошечкина [4]. Художественное оформление Б. Волкова и блистательная режиссура Н. Макаренко делала спектакль глубоко волнующим: особенно больно и актуально звучал спектакль в годы траура Краснодона, дети которого были замучены фашистами. Спектакль Луганского украинского театра «Молодая гвардия» в 1947 г. стал культурным событием не только Луганской области, но и УССР, поскольку в этом же году постановка спектакля по роману А. Фадеева была осуществлена в Киеве (реж. Г. Юра) и Москве (реж. Н. Охлопков, театр им. Маяковского).

К 30-летию краснодонской эпопеи, в 1972 г. Луганский русский драматический театр вновь обращается к роману А. Фадеева «Молодая гвардия». Для постановки спектакля руководством театра был приглашен известный украинский режиссер, заслуженный артист УССР, заслуженный деятель искусств УССР А. Барсегиан. Режиссер уже имел опыт постановки «Молодой гвардии» на сцене Киевского театра юного зрителя (1964). Данная работа А. Барсегиана была отмечена премией Ленинского Комсомола.

Режиссер А. Барсегиан, понимая, что взятый материал как генетическая память луганчан оставляет неизгладимый след в их сердцах, выбирает в качестве приоритетной сюжетную линию не смерти юных подпольщиков, а их жизни и победы над врагом, делая акцент на масштабности художественных обобщений, на достоверности.

Образные укрупнения, яркие сравнения, ожившие скульптурные группы, пластические построения мизансцен призваны были вызвать у зрителя сострадание и ужас ради очищения души. Режиссер осознанно вводит в текст спектакля прием повтора для придания действию экспрессивности: трижды повторяется клятва молодогвардейцев в самые кульминационные моменты. В первый раз – торжественно, во второй – после казни коммунистов – мужественно, в третий раз, в финале, – как завет.

И. Давыдова характеризует режиссерскую трактовку «Молодой гвардии» А. Барсегиана следующим образом: «Главный элемент зрительного образа – алое полотнище, начертанные на заставках имена подпольщиков, дорога. И край голубого неба, и силуэт шахты, и известная стела «Скорбящая мать», и музыка Д. Шостаковича, песня «Молодая гвардия», звуки «Интернационала», украинская мелодия, вечный огонь сливаются в единый образ спектакля. Он, как и актерское исполнение, отличался романтической приподнятостью, одухотворенностью, большой искренностью, раскрывал природу героизма молодогвардейцев, раскрывал их духовный мир» [1, с. 38].

Героическая патетика была продолжена темой краснодонской «Молодой гвардии», но уже не по роману А. Фадеева, а по пьесе Я. Стельмаха «Спроси когда-нибудь у трав». Спектакль Луганского украинского музыкально-драматического театра (1983) рождался нелегко.

Трагедия, написанная драматургом в 1979 г. и впервые поставленная луганским театром в 1983 г. (во второй раз театр обратился к этой пьесе в 2002 г.), представляет принципиально новое прочтение пьесы о подвиге «Молодой гвардии», имеющее важное социокультурное и политическое значение. Украинский драматург дает свою художественную версию подвига наших юных земляков. На основе романа А. Фадеева «Молодая гвардия» Я. Стельмах создал трагедию-размышление «Спроси когда-нибудь у трав», в которой, благодаря жанровому решению, использованию образных приемов и стилизованных элементов, обнаруживается принципиально новая трактовка героического подвига молодогвардейцев. Стельмах, стремясь найти новые стороны жизни юных героев, раскрыть героическое в их характерах, исследует формирование героических черт. Однако автор осознанно отказывается от изображения эпизодов подвигов подпольщиков, их арестов, нелепого провала организации: в центре

внимания драматурга – сцены жизни и поведения героев после ареста, моменты, когда они находятся на грани жизни и смерти, поскольку в такой экстремальной ситуации происходят сложные процессы окончательного определения нравственных законов или их разрушения. Автора интересуют не внешние признаки конфликта или поступки героев, а тончайшие психологические нюансы их жизни, мысли о настоящем и будущем, необычайная влюбленность в жизнь, неприкрытость чувств, – именно это давало веру в победу над врагом. Выпуск спектакля был приурочен к 40-й годовщине создания молодежной подпольной организации.

Согласно режиссерскому замыслу А. Бондаренко, это рассуждения о «Молодой гвардии», об истоках героического. Спектакль не пересказывает историю создания подпольной организации в хронологической последовательности событий, а вынуждает зрителя проникнуть в суть подвига юных, разобраться и в том, откуда и когда вырастают ростки предательства. Этот спектакль был отмечен дипломом Министерства культуры УССР и ЦК ЛКСМУ.

Постановка пьесы Я. Стельмаха «Спроси когда-нибудь у трав» 2002 г. была в первую очередь данью памяти луганчан героическому подвигу земляков к 60-летию основания «Молодой гвардии» [7]. Харьковский режиссер Н. Яремкив (сценография – Т. Медвидь, музыкальное решение – Г. Фрола) создал удивительно яркий спектакль, удивляющий своим новаторским решением, дающий повод для рефлексии и непременно вызывающий катарсис. Литературовед М.М. Радецкая в своей критической статье на спектакль определяет его жанр как «философско-историческую оптимистическую трагедию-раздумье, диалог людей сороковых годов с потомками» [9]. Хронотоп режиссерского решения трагедии молодогвардейцев как глобальная проблема борьбы высокого и героического с духовно-низменным представлен сквозь призму современности.

Н. Яремкив строит спектакль на принципе параллельного монтажа: немецкий режиссер снимает фильм о краснодонской молодежной подпольной организации, в котором он же исполняет роль эсесовца – антагониста законов морали советской молодежи.

Спектакль насыщен режиссерскими метафорами и символами, которые условно можно классифицировать следующим образом: 1)

сценографические (статика постоянных декораций: шахтного шурфа, «остановившихся» часов без циферблата, цепи как аллегория тюрьмы и пр.); 2) пластические (массовые танцы довоенных девочек и мальчиков; образно-пластические сцены падений избиваемых молодогвардейцев; «адские» вальсо-ритмические движения передачи Любки из рук эсесовца в руки палачу, пантомима в исполнении жертв и палачей, над которыми возвышается зловещий остов Смерти и др.); 3) звуко-шумовые (тишина и капанье воды в тюремной камере; хлопнула девушки-кинооператора, напоминающая о связи времен и др.); 4) речевые (голос молодогвардейского «коллектива», построенный на функциональных принципах хора античной трагедии; яркие лирико-философские диалоги влюбленных Вани Земнухова и Клавды, для которых и в тюрьме перед лицом смерти длится мечта о жизни и вечном счастье, и др.); 5) световые (багровое небо, пламя костра, в котором видит себя Жанной д'Арк Любка в сцене фантазии-бреда и др.).

Виртуозная игра молодых луганских актеров А. Баркара (Олег), Я. Симухиной (Любка), Н. Кутовой (Уля), Е. Мерзлякова (Сергей), А. Реди (Предатель) и мастеров сцены А. Морозова, А. Гончарова и других в сочетании с философской режиссурой харьковского режиссера Н. Яремкива сгущает, спрессовывает хронотоп событий спектакля. Когда «актеры», сыграв свои роли в фильме немецкого режиссера, возвращаются в зал, а сам режиссер – в свое кресло, зрители осознают вневременной подтекст биографии «Молодой гвардии» и ее носителей идеи бессмертия романтической юности.

Совершенно новое прочтение истории деятельности краснодонской подпольной организации было предложено авторами рок-оперы «Распятая юность». Создание сценической версии нехрестоматийного видения героического подвига молодогвардейцев творческим коллективом Луганского академического украинского музыкально-драматического театра было посвящено 70-летию создания «Молодой гвардии». Это не просто спектакль, а масштабный проект, имеющий, на наш взгляд, огромное социокультурное значение в театральной жизни Луганщины. Впервые в истории региональной театральной культуры тема «Молодой гвардии» воплощена не по мотивам романа А. Фадеева или пьесы украинского драматурга Я. Стельмаха, как это было на

различных этапах становления украинской труппы. Уникальное по своим художественным качествам произведение было создано в 2012 г. нашими земляками-современниками: заслуженным работником культуры Украины В. Зайцевым (автор либретто), заслуженным деятелем искусств Украины Ю. Дерским (автор музыки), заслуженным артистом Украины А. Яворским (режиссура).

Рок-опера «Распятая юность» – это «музыкальный рассказ-боль» [10], в котором не поднимаются спорные исторические вопросы, а лишь с помощью сжатой фактографии, усиленной невербальными текстами пластики и хореографии (хореография О. Тарасенко) в сочетании с роковым исполнением вокальных партий, оттеняемых лирическим соло (хормейстер И. Юсупова), выступают на первый план общечеловеческие ценности.

Героическая патетика рок-оперы «Распятая юность», пропущенная сквозь призму мировосприятия современной молодежи, транслируется в новой редакции спектакля посредством особого театрального языка, в первую очередь музыки, пластики и сценических эффектов.

Следует отметить, что в авторской редакции рок-оперы «Распятая юность» 2012 г. наблюдалась сюжетная линия, персонажами которой были Олег Кошевой, Ульяна Громова и другие герои-молодогвардейцы. Однако в сценической версии спектакля, восстановленного в репертуаре театра после событий 2014 г., по утверждению режиссера А.Н. Яворского, данной сюжетной линии нет. Режиссерский акцент смещается в пользу исторического факта – подвига, готовности молодых ребят встать на защиту Родины.

В системе смысложизненных и нравственных координат, воплощенных в рок-опере, главными ценностями выступают патриотизм и героизм, вступающие в антагонизм с предательством и трусостью. Данные основополагающие концепты «героического» спроецированы специфическим театральным языком постановки на события, которые происходили на территории Донбасса в 2014–2015 гг.

Хронотопом рок-оперы выступает ее пространственно-пластическая система: события переносят зрителя в условное место действия – фашистские застенки, очерчивая время действия – последние дни молодогвардейцев. «Распятая юность» – это история о подвиге героев войны глазами современной молодежи (молодые артисты театра в начале спектакля сами заявляют об

этом со сцены). Объект рок-оперы – героический мир, воссозданный волей художников; это ужасающее своей реальностью пространство пыток; это воскрешенные «человеко-персонажи» – собирательный образ героя «Молодой гвардии» – юноши и девушки, восставшие против фашизма.

Силовым полем как одним из средств художественной выразительности «Распятой юности» является, на наш взгляд, пластическое решение – сложное, насыщенное, масштабное по глубине ассоциативного ряда – массовые хореографические сцены в сочетании с динамичными пластическими эпизодами. Антигерои сценического произведения – предатели, серая масса, не имеющая своего лица, а, возможно, из-за трусости скрывающая его за маской с черными провалами вместо глаз, – выражают своей пластикой специфическое и привычное для предателей действие – «стукачество».

Отдельным, самостоятельным элементом многоуровневой системы луганской рок-оперы является «сквозной» персонаж, ведущий сюжетную линию, участвующий в разворачиваемом действии, но не являющийся его главным героем, – Свидетель, неотвратимый Фатум (Наталья Стародубцева) [3]. Режиссер спектакля отводит этому персонажу не только функцию рассказчика, озвучивающего архивные документы, в отдельных сценах этот образ трансформируется, проецируясь на динамическом заднике – экране. Изначально безликое пятно экрана на заднем фоне постепенно «превращается» в женское лицо. Зритель визуально воспринимает многофункциональность экрана: женский образ сменяется изображением огня, отрывками из кинохроник, фотографиями молодогвардейцев и пр. На наш взгляд, гиперболизированный визуальный женский образ, транслируемый посредством экрана, это собирательный образ: лицо матери, которая следит за судьбой своего ребенка-героя, иногда закрывая глаза, когда ей больно смотреть на все изуверства фашистов, а может быть, это лицо Родины-матери, многострадальной нашей страны.

Художественный руководитель Луганского академического украинского музыкально-драматического театра на Оборонной, народный артист Украины, народный артист ЛНР Михаил Васильевич Голубович называет рок-оперу «Распятая юность» одним из знаковых спектаклей, визитной карточкой коллектива театра. Отмечая огромную благородную миссию театра – воспитывать, учить сопереживать, анализировать и думать, М.В. Голубович, говоря о «Распятой

юности», подчеркивает бессмертность подвига героев-молодогвардейцев: «Проходят годы, а величие подвига молодогвардейцев становится ещё зримее, ещё значимее. <...> Уже много лет нет на карте мира великого государства, воспитавшего «Молодую гвардию», Советского Союза, но имена мальчишек и девчонок, отдавших свою юность во имя свободы своей страны, во имя человечества, навечно останутся в истории, в благодарной памяти потомков. Смерть оборвала их жизни, но бессмертным остался их подвиг» [7].

Согласимся с М.В. Голубовичем: неизгладимым следом на сердце ложатся слова одной из вокальных частей рок-оперы «Вы – гвардия навечно молодая!», убеждая современного зрителя в актуальности тезиса «Донбасс – край непокоренных людей, Луганщина – земля героев» [7]. Несомненно, образы, созданные постановщиками «Распятой юности», являются знаками определенного нравственного выбора, который необходимо сделать зрителю, и в момент катарсиса в хронотопе рок-оперы происходит процесс становления нравственной личности.

Признание неугасающей злободневности подвига героев-молодогвардейцев, воссозданного луганскими художниками в рок-опере «Распятая юность», подтверждается многочисленными гастрольными турами и высокими театральными

наградами. Спектакль луганцев увидели зрители ряда городов Луганской Народной Республики, Крыма, Российской Федерации (Москва, Пенза, Воронеж, Брянск, Ростов, Новочеркасск, Астрахань) и др.

Результаты исследования. Творческая практика луганских театров в условиях советской художественной традиции была ориентирована на создание исторически идентифицируемых героических событий и образов, что определило репертуарную политику и обращение к темам Великой Отечественной войны. Проанализированные спектакли воссоздают героические события времен Великой Отечественной войны и изображают общенациональную борьбу с фашизмом, жертвенный подвиг народа, преодоление тяжких испытаний и страданий советских людей.

Выводы. Таким образом, приходим к выводу, что характерным признаком репертуара луганских театров о событиях Великой Отечественной войны является внимание не только к героическому подвигу советского народа в борьбе с фашизмом, но и к подвигу луганчан, поскольку Луганская земля – это родина молодогвардейцев, ставших ярчайшим примером патриотизма и идеалом служения Родине, жертвенности во имя Великой Победы.

1. Давыдова, И. Н. Театр шахтерского края: Страницы истории / И. Н. Давыдова. – Донецк: ДОНБАСС, 1990. – 87 с.
2. Иванцов, К. «Молодая гвардия»: правда, вымысел, клевета (Выбранные места из публикаций в периодике) / К. Иванцов. – Луганск: Світлиця, 1997. – 206 с.
3. Кукурекин, Ю. Распятая юность / Ю. Кукурекин // Свой вариант. Сайт Межрегионального союза писателей. – URL: <http://mspu.org.ua/pulicistika/11708-raspyataya-yunost.html> (дата обращения: 11.09.2022).
4. Куркін, В. Г. Театр моего сердца: монографія / В. Г. Куркін. – Луганськ: ЛПЦ «Готика», 2007. – 95 с.
5. Липовецкий, М. Н. «Молодая гвардия» А. Фадеева: логика самопожертвования и реальные факты / М. Н. Липовецкий // Филологический класс. – 2013. – № 2 (32). – С. 13–18.
6. Манукян, О. Г. Две редакции романа А. Фадеева «Молодая гвардия». Исторические и образные акценты: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Манукян Оганес Григорьевич. – М., 2005. – 159 с.
7. Михаил Голубович: «Проходят годы, а величие подвига молодогвардейцев становится ещё зримее, ещё значимее». – URL: <https://miaistok.su/mihail-golubovich-prohodyat-gody-a-velichie-podviga-molodogvardejtsev-stanovitsya-eshhe-zrimee-eshhe-znachimee-ne-gotovo/> (дата обращения: 11.09.2022).
8. Погодина-Кузмина, О. Л. Завороженный смертью: Александр Александрович Фадеев (1901–1956) / О. Л. Погодина-Кузмина // Литературная матрица: Советская Атлантида. – СПб.: Лимбус Пресс, 2014. – С. 236–251.
9. Радецкая, М. М. Вечная юность красnodонского подполья / М. М. Радецкая. – URL: <http://www.molodguard.ru/article123.htm> (дата обращения: 11.09.2022).
10. Рок-опера «Распятая юность»: 75-летию подпольной молодежной организации «Молодая гвардия» посвящается... – URL: <https://teatrnaoborony.ru/blog/2017/05/22/rok-opera-raspyataya-yunost/> (дата обращения: 11.09.2022).
11. Смирнов, С. Ю. Трансформации образа героя в сознании российского общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Смирнов Сергей Юрьевич. – М., 2011. – 20 с.

**HEROIZATION OF THE YOUNG GUARDS' FEAT IN THE STAGE PRACTICE
OF LUGANSK THEATERS
AS A MANIFESTATION OF THE HISTORICAL SELF-IDENTIFICATION OF THE REGION**

© 2022 V.N. Titova

*Vladislava N. Titova, Candidate of Philosophical Sciences,
Head of the Department of Theater Arts,
Associate Professor of the Department of Theater Arts
E-mail: lgaki_titova@mail.ru*
Luhansk State Academy culture and arts. M. Matusovsky
Lugansk, Russia

In the world philosophical and aesthetic tradition, the idea of a hero as a spiritually and physically perfect person who, performing a feat, becomes the personification of worthy behavior has been formed. In a feat, the inner strength, strong-willed and moral qualities of the individual, the ability to rise above the ordinary, to destroy the boundaries of the possible are most clearly manifested. An analysis of the historiography of Lugansk theaters allows us to state that the ideological context of the time determined the repeated appeal of Lugansk theaters in the Soviet period of their formation to the heroic theme. The historical self-identification of the region led Lugansk directors to turn to the historical events that took place in the Lugansk region during the Civil War, the Great Patriotic War.

The article examines the problem of the heroic personality of the Young Guard through the prism of director's work, which is a category of feat, which is determined by a set of personal properties.

The study provides an analysis of the creative practice of Lugansk theaters of the 20th century. and modernity from the standpoint of understanding the feat of the Young Guard. It is noted that the historical self-identification of the region led the Lugansk directors to turn to the historical events that took place in the Lugansk region during the Great Patriotic War, as a result of which the performances "The Young Guard", feat of the youth.

Key words: Lugansk theatre, performance, Young Guard, Young Guard feat, historical self-identification

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-91-98

1. Davydova, I. N. *Teatr shakhterskogo kraya: Stranitsy istorii (Theater of the Mining Territory: Pages of History)* / I. N. Davydova. – Donetsk: DONBASS, 1990. – 87 s. (Davydova, I. N. / I. N. Davydova. – Donetsk: DONBASS, 1990. – 87 p.).
2. Ivantsov, K. «Molodaya gvardiya»: pravda, vymysel, kleveta (Vybrannyye mesta iz publikatsiy v periodike) ("The Young Guard": truth, fiction, slander (Selected passages from publications in periodicals) / K. Ivantsov. – Lugansk: Svitlitsya, 1997. – 206 p.
3. Kukurekin, Yu. *Raspyataya yunost' (Crucified Youth)* / Yu. Kukurekin // *Svoy variant. Sayt Mezhhregional'nogo soyuza pisateley (Own version. Site of the Interregional Union of Writers)*. – URL: <http://mspu.org.ua/pulicistika/11708-raspyataya-yunost.html> (date of access: 09/11/2022).
4. Kurkin, V. H. *Teatr moho sertsya: monografiya (Theater of my heart: monograph)* / V. H. Kurkin. – Luhans'k: LPTS «Hotyka», 2007. – 95.
5. Lipovetskiy, M. N. «Molodaya gvardiya» A. Fadeyeva: logika samopozhertvovaniya i real'nyye fakty ("Young Guard" by A. Fadeev: the logic of self-sacrifice and real facts) / M. N. Lipovetskiy // *Filologicheskii klass (Philological class)*. – 2013. – No. 2 (32). – P. 13–18.
6. Manukyan, O. G. *Dve redaktsii romana A. Fadeyeva «Molodaya gvardiya». Istoricheskiye i obraznyye aktsenty (Two editions of A. Fadeev's novel "The Young Guard". Historical and figurative accents): dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01 / Manukyan Oganeg Grigor'yevich*. – M., 2005. – 159 p.
7. Mikhail Golubovich: «Prokhodyat gody, a velichye podviga molodogvardeytsev stanovitsya yeshcho zrimye, yeshcho znachimeye» (Mikhail Golubovich: "Years pass, and the greatness of the feat of the Young Guards becomes even more visible, even more significant"). – URL: <https://miaistok.su/mihail-golubovich-prohodyat-gody-a-velichie-podviga-molodogvardeytsev-stanovitsya-eshhe-zrimee-eshhe-znachimee-ne-gotovo/> (date of access: 09.11.2022).
8. Pogodina-Kuzmina, O. L. *Zavorozhennyy smert'yu: Aleksandr Aleksandrovich Fadeyev (1901–1956) (Fascinated by Death: Alexander Alexandrovich Fadeev (1901–1956))* / O. L. Pogodina-Kuzmina // *Literaturnaya matritsa: Sovetskaya Atlantida (The Literary Matrix: Soviet Atlantis)*. – SPb.: Limbus Press, 2014. – P. 236–251.
9. Radetskaya, M. M. *Vechnaya yunost' krasnodonskogo podpol'ya / M. M. Radetskaya (Eternal youth of the Krasnodon underground)* / M. M. Radetskaya. – URL: <http://www.molodguard.ru/article123.htm> (date of access: 09.11.2022).
10. *Rok-opera «Raspyataya yunost'»: 75-letiyu podpol'noy molodezhnoy organizatsii «Molodaya gvardiya» posvyashchayetsya... (Rock opera "Crucified Youth": dedicated to the 75th anniversary of the underground youth organization "Young Guard")*. – URL: <https://teatrnaoborony.ru/blog/2017/05/22/rok-opera-raspyataya-yunost/> (date of access: 11.09.2022).

11. Smirnov, S. Yu. Transformatsii obraza geroya v soznanii rossiyskogo obshchestva (sotsial'no-filosofskiy analiz) (Transformation of the image of the hero in the minds of Russian society (social and philosophical analysis): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11 / Smirnov Sergey Yur'yevich. – М., 2011. – 20 p.

РЕЦЕНЗИИ

=====REVIEWS=====

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.А. ДУДАРЕВОЙ «Я МОЛЧАНЬЮ У ЗВЕЗДЫ УЧУСЬ...»: АПОФАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА С.А. ЕСЕНИНА. ПОЭТИКА МНИМОЙ ПРОСТОТЫ»

© 2022 Э.А. Радаева

Радаева Элла Александровна, кандидат

филологических наук, доцент

кафедры литературы, журналистики и методики обучения

Самарского государственного социально-педагогического университета,

научный редактор Самарского федерального

исследовательского центра

Российской академии наук

Самара, Россия

Окинув взглядом одно только оглавление очередной книги Марианны Андреевны Дударевой (доктор культурологии, кандидат филологических наук), невольно вспоминаешь слова Льва Аннинского: «Русский человек – на свидании с вечностью. Он в сущности только с вечностью и согласен иметь дело. Он возвращает Богу карту звездного неба исправленной» [1, с. 33]. Это – апофатика, это – уже обычная для Марианны Дударевой призма исследования.

Книгу «Я молчанью у звезды учусь...»: апофатика художественного мира С.А. Есенина. Поэтика мнимой простоты» [2] можно по-ленински назвать «очень нужной и своевременной». Это связано с ажиотажем (бурной полемикой уже не назовешь), который вызывает в последние годы имя великого поэта, обилием взаимоисключающих трактовок его творчества, популярностью сериала И. Зайцева (2005), эффектной подачей биографии С. Есенина медийными лицами в актовом лекциях и пр. Автор книги отдает должное и степени сугубо научного познания жизни и творчества Есенина: «Кажется, столько всего сделано в есениноведении: издано академическое собрание сочинений, ведется кропотливая работа над выпуском есенинской энциклопедии, проводится ежегодно международная конференция в ИМЛИ РАН и в рязанском университете имени поэта, но остается ощущение недосказанности, как будто что-то ускользает от тебя, когда читаешь стихи Есенина или слушаешь песни на его стихи...» [2, с. 5].

Однако Марианна Дударева своей монографией создает некое поле осцилляции среди всех этих споров. У М.А. Дударевой имя поэта будто «обрело покой» в русском космо-психо-логосе.

Она поднимает судьбу С. Есенина высоко НАД вопросами: убийство или самоубийство; поэзия для алкоголиков и «блатных» или для интеллектуальной элиты?..

Книга посвящена памяти горячо любимого мужа Марианны – Валерия Дударева, творца светлой, прозрачной поэзии, «сына земли русской» – и по праву является детищем этой их супружеской синергии: «мнимая простота» стихов Есенина, преломленная в сознании многовекторного исследователя. Труд М.А. Дударевой можно оксюморoidalно назвать «поэтическим препарированием»: трепетная работа скальпелем литературоведа, фольклориста и культуролога над са크ральным в творчестве поэта.

Монография составлена из достаточно автономных статей, поэтому читатель может начать знакомство с ней, выбрав любую интересующую его тему – так, любопытство толкает нас в первую очередь открыть главу под названием «Тайна смерти...». Но здесь мы не находим авторского ответа на вопрос, который затрагивали известные даже рядовому любителю вечные антагонисты – Захар Прилепин и Дмитрий Быков (признан иноагентом) – и который стал едва ли не единственным моментом их консенсуса. М.А. Дудареву больше волнует поиск «инога царства» С. Есениным, который она прослеживает уже в его ранних стихах. Анализируя ряд мифологем (в стихах «Матушка в купальницу по лесу ходила», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Пойду в скуфье смиренным иноком...»), М.А. Дударева приходит к выводу, что речь идет «не о подражании символистам, как показывают некоторые исследователи, видящие во введении концепта «смерть» лишь красивый поэтический творческий ход,

отсылающий к туманным далям, тоске по неведомому, а о концепции жизни — смерти, Эросе и Танатосе, которые по законам мировой культуры всегда находятся в парадигматических отношениях. Лирический герой следует и путем влюбленного, и путем Христа, что в сакральном пространстве жизни и смерти суть одно, когда любовь мы воспринимаем как Абсолют культуры» [2, с. 24].

Исследование М.А. Дударевой позволяет также заполнять лакуны в есениноведении, которые, как ни парадоксально, имеют место: так, в науке и критике недостаточно внимания было уделено стихотворению «*Душа грустит о небесах...*» (глава «**Отказ от слов, или Иерофания («понятен мне земли глагол»)**). Автор дает свои культурфилософские дополнения работам П.И. Симуша, А.М. Марченко, Е.Г. Мещериной. На примере анализа данного стихотворения проследим весьма оригинальную траекторию исследовательской мысли М.А. Дударевой. Согласно ее концепции, «душа в поэтике Есенина, по меткому наблюдению Е.Г. Мещериной, всегда связана с небом, устремлена в горнее пространство), ...вторые две строчки заставляют задуматься — лирического героя как бы снова возвращают на землю, в лоно природы. Образуется, через человека как сквозную Мировую Ось, связь неба с землей, горного и дольного, что подкрепляется второй строфой: «То сучья золотых стволов, / Как свечи, теплятся пред тайной, / И расцветают звезды слов / На их листве первоначальной» <...> Здесь уже задается пространственно-временная парадигма стихотворения. Во-первых, семантика цвета «золотой» указывает, с одной стороны, на внешнее проявление времени — лирический герой наблюдает за деревьями, качанием листвы на них в предзакатный час, что подтверждает и появление «звезд слов» и «кометы» в третьей строфе. Во-вторых, колоратив «золотой» семантически заряжен в культурологическом плане и, с другой стороны, указывает на возникновение ноуменального мира, тайного, невидимого — сучья как свечи пред тайной, Тайной причастия к невидимому миру. А постичь эту Тайну можно через Логос, который здесь у Есенина приравнивается к молитве, на что указывает третья строфа, пожалуй, самая загадочная во всем стихотворении: «Понятен мне земли глагол, / Но не стряхну я муку эту, / Как отразивший в водах дол / Вдруг в небе ставшую комету». <...> За пониманием должно

следовать удовлетворение от узанного, простота и ясность, а у Есенина понимание становится синонимичным муке, которую еще и «не стряхнуть», то есть не освободиться от нее. В данном случае речь идет о мучениях от знания феноменального мира, которое доступно, понятно. А до сакрального знания еще нужно дорасти, поскольку оно непонятно и неведомо — в этом и кроется апофатизм ситуации данного лирического текста. <...> Чтобы освободиться от бремени вечно мира, необходимо замолчать, выйти за пределы данного: «Я хочу быть тихим и строгим. / Я молчанью у звезды учусь. / Хорошо ивняком при дороге / Сторожить задремавшую Русь». В. Лепяхин, исследуя иконичность поэтического мира Есенина, пишет о богослужении природы, избяной литургии: «...космос становится одной огромной, но уютной, обжитой Избой». Но познать этот Космос можно тоже только в определенные моменты, в свой сакральный час» [2, с. 27-28].

В том же ключе — с привлечением культурфилософских методов и через апофатику (по М. Дударевой: «не только метод познания в теологии Божественного через отрицание всех предикатов как ложных или частично ложных») — развенчана и иная «простота» певца деревенской избы, что видим в следующих главах: «Древесный код, или Космософия Есенина («облетевший тополь серебрист и светел»); «Ноуменальная реальность, или Alter ego («сам себе казался я таким же кленом»); «Апофатика болезни, или Этосы пограничности («я уйду, исцеленный навек»); «Апофатика света, или Инобытие художественного текста («вечерний несказанный свет»); «Апофатика любви, или Принцип незримости («ты меня незримая звала»); «Незримая возлюбленная, или Дорога в никуда («путь-дорога узкая»).

Особый интерес вызвала глава «**Черный цвет в мировой культуре, или Черный человек («я не знаю, то свет или мрак»)**», т.к., насколько можно судить, обывательское сознание ассоциирует обычно есенинского «черного человека» с «людьми в сером», которые якобы преследовали поэта незадолго до его смерти (гибели?); у более просвещенных любителей «черный человек» — одна из ипостасей «я» самого Есенина как факт начинающейся шизофрении. М.А. Дударева трактует этот образ еще шире и глубже: «...Финальный жест героя, запускающего в черного человека

тостью, не только не избавляет от нежелательных двойников, но окончательно объединяет их всех в одно «я». Но дело в том, что изначально в поэме один герой — у которого очень болит голова, поэтому ум его, своего рода нафс (на эзотерическом языке суфизма так обозначаются страсти, неуспокоенный ум), превращается в некое существо, терзающее лирического героя. Ведь был же отделившийся нос, как живое существо, у Гоголя?! У Есенина отделяется ум, мысли, думы-песни («Песни, песни, о чем вы кричите?»), которые превращаются, выражаясь языком онтологии, в эманации. Отсюда и болезнь, и мука, связанные с избыточным познанием, — ведь черный человек начинает дробить, по полочкам раскладывать жизнь героя, ковыряясь в ненужных фактах биографии, как бы забывая о главном — о стихах, об их ухватистой силе. Но божественный глагол поражает в самое сердце, сердцевину, и именно через Логос мы попираем Тьму, Смерть. Эта поэма о торжестве Единого человека, в котором белое и черное, дневное и ночное знания сходятся. Еще богословы указывали на то, что ночное должно стать дневным: «...отрицательное познание непостижимым путем» может перейти в

положительное. Есенин через боль, или Боля, через перерождение в Смерти показал этот великий переход в своей последней поэме «Черный человек» [2, с. 97-98].

Автор признает, что сам Есенин, разумеется, не оперировал таким понятием, как апофатика: «...но его размышления о нетварной энергии орнамента и слова подводят нас к тому, что поэт через русский фольклор пришел к поразительным по своей философской глубине выводам, предвосхищающим замечания философа С. Франка о поэзии, а именно о ее непостижимой сущности: «...быть поэтом и значит в конечном счете не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное» [2, с. 12].

Поэтому и сама книга Марианны Дударевой, эти «десять герменевтических реконструкций разных текстов поэта» — действительно, «диалог с самим Есениным с напряженными вопросами-вопрошаниями и неожиданными ответами-открытиями». И соприкоснуться с этим диалогом будет интересно любому неравнодушному к гуманитарному знанию.

1. Аннинский, Л. А. Русский человек на любовном свидании. — М.: Согласие, 2004. — 276 с.
2. Дударева, М. А. «Я молчанью у звезды учусь...». Апофатика художественного мира С. А. Есенина. Поэтика мнимой простоты. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 120 с., илл.

ДУДАРЕВА Марианна Андреевна

«Я МОЛЧАНЬЮ У ЗВЕЗДЫ УЧУСЬ...»

АПОФАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА С. А. ЕСЕНИНА.
ПОЭТИКА МНИМОЙ ПРОСТОТЫ

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке
Гранта губернатора Самарской области**

**The edition of the Academic journal is carried out with
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

Сдано в набор 01.11.2022 г.
Офсетная печ.

Подписано к печати 04.11.2022
Усл.печ.л. 11,86 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8
Зак. № 018 от 04.11.2022

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»
443070 Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел.8(846) 267-36-82

**"ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки"**

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Текст статьи представляется в формате Microsoft Word (любая версия). Объем статьи – от 9 тысяч знаков без пробелов до 30 тысяч знаков без пробелов. Распечатка макета формат А4 – поля – не менее 2-х см с каждой стороны, текст – кегль 12, одинарный межстрочный интервал. Отступ первой строки абзаца – 0,5 см. Шрифты – Times New Roman, Arial, Symbol.
 2. Таблицы, рисунки, формулы. Рисунки размещаются как в самом тексте статьи, так и в отдельных файлах. Формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 пикс/дюйм. Размещение рисунков в отдельных файлах предпочтительнее. Обязательно наличие подрисуночных подписей и подписей к таблицам: "Рис. 1. Название рисунка", "Таб. 1. Название таблицы". Длина формул не более 80 мм. Не допускается применение в тексте вставных символов Word, символы должны выполняться в математическом редакторе.
 3. В каждой статье указываются: коды УДК; название статьи; фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью); научная степень, должность, место работы автора(ов) в именительном падеже; реферат к статье; ключевые слова – на русском и английском языке; эл. адрес каждого автора – публикуется в открытом доступе e-Library и на сайте; контактная информация по статье – почтовые адреса и телефоны в открытом доступе не публикуются.
 4. Статьи издаются как на бесплатной основе, так и на платной договорной основе с авторами и организациями по направлениям: педагогика, теория и история культуры (философия, социология, история, культурология, искусствоведение, язык как феномен культуры). Статьи на договорной основе публикуются из расчета — одна макетная страница объемом 3 тысячи знаков стоит 800 рублей. Минимальная публикация — 9 тысяч знаков, а максимальная — 30 тысяч знаков без пробелов.
 5. Основанием публикации в журнале является входное рецензирование статьи и комплекта сопроводительных документов. Статьи и сканированные документы принимаются на постоянной основе научным редактором: radaeva@ssc.smr.ru.
- Почтовый адрес:** 443001, г. Самара, Студенческий переулок, 3А, РИО СамНЦ РАН.

**«BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, humanitarian, medicobiological sciences»**

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

1. The manuscript is submitted in the Microsoft Word format (any version). The recommended length is 9 - 30 thousand characters without spaces. Print-out template is the A4 format, margins – at least 2 cm each, the text – font size 12, single line spacing. First line indent – 0,5 cm. Fonts – Times New Roman, Arial, Symbol.
 2. Tables, figures, formulas. Figures are submitted both in the text of the manuscript, and in separate files. Acceptable formats – TIFF or JPEG, grayscale or bitmap, resolution – 300 dpi. Submitting separate figures files is preferable. Figure and table captions are obligatory: "Fig. 1. Caption of the figure", "Tab. 1. Caption of the table". The formula length should not exceed 80 mm. Use of inserted Word symbols is not allowed, characters are to be input in a mathematical editor.
 3. Each article contains: UDC code; name of the article; author(s)' surname, name, middle name (in full); scientific degree, job title, place of employment of the author(s) in the Nominative case; the abstract; keywords – in Russian and English; e-mail address of each author – is published in open access of e-Library and on the website; contact information on the article – postal addresses and phones are not published in open access.
 4. Articles are published both on a non-repayable basis for authors and on a paid contract basis with authors and organizations, in such spheres as: pedagogics, theory and cultural history (philosophy, sociology, history, cultural science, art criticism, language as culture phenomenon). One model page amounting to 3 thousand characters of the articles on a contractual basis costs 800 roubles. The minimum publication size is 9 thousand characters, and maximum one is 30 thousand characters without spaces. Contractual registers are created 4 times a year — every quarter (February, May, August, November).
 5. Peer-review is the basis for article publication. Articles and the scanned documents are accepted on a regular basis by the scientific editor: radaeva@ssc.smr.ru
- The postal address:** 443001, Samara, Studenchesky pereulok, 3A, RIO SamSC RAS